

Романова А.П., Якушенков С.Н., Хлыщева Е.В.,
Васильев Д.В., Якушенкова Ок.С., Якушенкова Ол.С.
Кусмидинова М.Х., Топчиев М.С.

**Нижневожский фронтир:
культурная память и
культурное наследие
(Учебное пособие)**

Издатель: Сорокин Роман Васильевич
Астрахань
2014

ББК 63.5
УДК 39
Р69

Рецензенты: д.филос.н., профессор Баева Л.В., к.и.н, Сызранов А.В.

Романова А.П., Якушенков С.Н., Хлыщева Е.В., Васильев Д.В., Якушенкова Ок.С., Якушенкова Ол.С., Кусмидинова М.Х., Топчиев М.С.

Р69 Нижневолжский фронтир: культурная память и культурное наследие (Учебное пособие) / Романова А.П., Якушенков С.Н., Хлыщева Е.В., Васильев Д.В., Якушенкова Ок.С., Якушенкова Ол.С., Кусмидинова М.Х., Топчиев М.С. – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2014, 236 с.

ISBN 978-5-91910-334-9

Нижневолжский фронтир – это зона контактов разных народов, разных культур, хозяйственных и социальных систем. Он формирует особое культурное наследие и культурную память, где как в симфоническом оркестре каждый из инструментов играет свою партию, вместе рождающую музыку. В пособии показано своеобразие фронтирного культурного ландшафта Астраханского региона, выявлены основные культурные комплексы (модули), перечисляются и анализируются основные памятники, включенные в перечень объектов культурного наследия, и то, как они запечатлены в культурной памяти. Поэтому вы видите перед собой не только учебник, но еще и справочный материал, призванный предоставить самую различную информацию по многим аспектам нашей истории. Надеемся, что он будет интересен не только студентам, но и всем, кто интересуется историей культуры Астраханского края.

© Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2014

© Романова Анна Петровна, Якушенков Сергей Николаевич, Хлыщева Елена Владиславовна, Васильев Дмитрий Викторович, Якушенкова Оксана Сергеевна, Якушенкова Олеся Сергеевна, Кусмидинова Мария Харисовна, Топчиев Михаил Сергеевич, 2014

© Астраханский государственный университет, 2014

Содержание

Введение	5
Глава 1. Специфика Нижневолжского фронта	10
1.1. Понятие фронта.....	11
1.2. Нижневолжский фронт	38
Глава 2. Культурная память и культурное наследие: взаимосвязь понятий	52
2.1. Как возникло понятие «культурное наследие»?	52
2.2. Культурная память и ее сигнификаты.....	63
Глава 3. Культурное наследие в культурном ландшафте	77
3.1. Культурный ландшафт как основа культурного наследия и культурной памяти.....	77
3.2. Культурный ландшафт Астраханского региона.....	88
Глава 4. Модули культурного наследия полиэтничного региона..	106
4.1. Модульный подход к изучению культурного ландшафта. ...	106
4.2. Базовые модули фронтального города на примере Астрахани	126
4.2.1. Белый город	126
4.2.2. Зakanалье.....	140
4.2.3. Закутумье	144
4.2.4. Коса.	154
Глава 5. Археологические объекты как раннекультурные модули Нижневолжского фронта.....	163

5.1. Особенности археологического наследия Астраханской области.	163
5.2. Концепция охраны и использования памятников археологии Астраханской области.	174
Приложение 1. Государственное регулирование в области сохранения культурного наследия (Законодательная система сохранения культурного наследия)	188
Приложение 2. Политика Астраханской области в сфере культурного наследия	203
Приложение 3. Законодательная основа охраны археологического наследия.....	212
Список рекомендованной литературы.....	218

Введение

Всем нам известны строки А.С. Грибоедова из знаменитой комедии «Горе от ума»: «И дым отечества нам сладок и приятен». Но мало кто знает, что фраза эта стала символом любви к своему Отечеству для многих людей на протяжении нескольких тысячелетий, и восходит она к «Одиссее» древнегреческого поэта Гомера (IX или в VIII вв. до н.э.), а потом повторил ее древнеримский поэт Овидий (Публий Овидий Назон, 43 до н. э. — 18 н. э.). До Грибоедова эта фраза встречается в стихотворении Г. Державина «Арфа»:

*Мила нам добра весть о нашей стороне:
Отечества и дым нам сладок и приятен*

Потом эти строки повторяли К. Н. Батюшков и П.А. Вяземский, кто-то в шутку, а кто-то всерьез рассуждая о смысле этого стремления человека почувствовать знакомый с детства запах оте-

¹Латинская пословица: «И дым отечества сладок». Она послужила эпиграфом для журнала «Российский Музеум», издававшегося Ф. Туманским с 1792 до 1794 гг.

ческого дома. Все это позволяет сделать вывод о том, что данная фраза стала ключевой для российской интеллигенции конца XVIII – начала XIX вв.

И наконец, известное стихотворение А.С. Пушкина, которое подводит нас вплотную к теме нашего учебного пособия:

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.
Животворящие святыни.
Земля была б без них мертва,
Без них наш тесный мир - пустыня,
Душа - алтарь без Божества.*

Память о предках, о родном доме, пусть даже превратившимся в пепелище, вот что, по мнению Пушкина, делает нашу жизнь осознанной (самостоянье человека), позволяя говорить о Человеке и Народе с большой буквы.

Без памяти о прошлом нет будущего, нет народа. Тот, кто забывает свое прошлое – не достоин уважения. В «Набросках статьи о русской литературе» Пушкин заявляет: «Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости...». Следует заметить, что для Пушкина это были не просто слова, поэт постоянно интересовался прошлым своей Родины, изучал ее. Но столь же хорошо он знал и классическую историю, и историю культуры других народов. Именно культурная память, знание о достижениях других народов делает нас поистине просвещенными, и достойными называться народом XXI в.

Но так ли мы знаем наше прошлое, в полной ли мере мы храним в себе память о «родном пепелище» и не изменяем «любви к отеческим гробам».

Именно этой теме и посвящено данное пособие, призванное помочь молодому поколению сохранить память о предках и преумножить ее.

Структура этого пособия продиктована тремя основными темами, так или иначе связанными с культурной памятью и культурным наследием. Прежде всего, мы разбираем те природные, социальные и культурные особенности, в которых мы, жители Нижней Волги, проживаем. Эти особенности рассмотрены в рамках теории фронта. Хотя термин пришел к нам из английской и американской истории, однако, он как нельзя лучше характеризует и нашу историю. Фронт – это периферия, фронт – это зона контактов разных народов, разных культур и разных хозяйственных и социальных систем. Будучи передовой во всех отношениях эта территория в силу своего своеобразия формирует особый тип личности, может быть, порой экстремальный, но вместе с тем открытый к новому, способный на диалог с Другим, готовый перенимать у него все новое и жить в условиях поликультурной среды.

Фронтальная история и фронтальная культурная память – это как симфонический оркестр, в котором звучат разные инструменты, каждый из которых порой играет свою партию. Порой это превращается в какофонию, но иногда наступает гармоническое соответствие всех инструментов, и мы можем слушать замечательную музыку, способную усладить даже самый изысканный слух.

Во второй части мы говорим о том, что такое культурное наследие, и как сформировались основные подходы и основные концепции этого понятия. Это необходимо, чтобы осознать всю сложность данной проблемы и быть способным отвечать на многие сложные вопросы, связанные с сохранением культурного наследия.

Третья часть посвящена собственно Астрахани и Астраханской области – то есть тому региону, где мы все проживаем. В этом разделе показано все своеобразие культурного и природного ланд-

шафта нашей малой Родины, выявлены основные культурные комплексы (модули), перечисляются основные памятники, включенные в перечень объектов культурного наследия, и то, как они соотносятся с окружающим культурным ландшафтом. По некоторым из них дана подробная информация, представлены различные иллюстративные материалы.

В некотором роде данное учебное пособие не только учебник, но еще и справочный материал, призванный предоставить самую различную информацию по многим аспектам нашей истории. Надеемся, что он будет интересен не только студентам, но и всем, кто интересуется историей культуры нашего края.

Фронтир

Глава 1. Специфика Нижневолжского фронта

Нижняя Волга представляют собой уникальный регион, где на протяжении многих веков сосуществуют самые различные народы. Уже в раннем средневековье Нижняя Волга в силу своего уникального расположения и экологического своеобразия привлекала к себе самые разнообразные народы, создававшие здесь свои государственные объединения. Формы сосуществования различных этнических групп были самые разные: это и торговля, и натуральный обмен, и военные конфликты и многое другое. Для Русского государства эта территория была своеобразным порубежьем, куда очень часто устремляли восточные славяне свои взоры. Сюда вел свои войска Святослав, чтобы разгромить ненавистный Итиль – столицу хазарского каганата, сюда в Сарай-Бату отправлялись русские князья, чтобы получить ярлыки на княженье, ходили с Новгородской земли ушкуйники для грабежей богатые купеческие караваны. В XVI в. Нижняя Волга, как, впрочем, и все Поволжье стали частью Российского государства. Правда, в этот период власть Москвы в нижнем течении Волги была номинальной. Небольшие гарнизоны не могли полностью контролировать ситуацию на бескрайних просторах Волжско-донских степей.

Здесь на юге страны простирался бескрайний фронтир, где русская культура соприкасалась с культурами самых разнообразных южных народов. Другими словами, это было культурное пограничье, возникшее в результате прямого контакта нескольких культур.

1.1. Понятие фронтира

Что же представляет собой фронтир. Попробуем разобраться в этом явлении. Впервые слово «фронтир» было использовано как особый научный термин по отношению к огромной территории в центре Северной Америки, где во второй половине XIX в. происходила колонизация новых земель. Хотя история фронтира подробно изучена в американской литературе, вместе с тем даже беглый анализ работ по данной теме показывает, что этот термин, как и феномен, к которому он активно применяется, далек от определенности. Он все еще остается расплывчатым и содержит множество разночтений. Данный термин, например, активно употреблялся по отношению к ряду индийских территорий еще практически с первой половины XIX в.. Его использовали в XIX в. и продолжают использовать в самых различных значениях в современной литературе по истории Индии и Афганистана.

Приблизительно с начала 60-х гг. XX в. фронтир начал изучаться отечественными учеными, а в 90-е гг. этот термин стал активно применяться и для обозначения некоторых территорий России, прежде всего Сибири². Поэтому на истории данного термина мы бы и хотели остановиться подробнее.

² Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М. В. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв: общее и особенное. – Новосибирск, 2001; Резун Д. Я. Шиловский М. В. Сибирь конец XVI начало XX века фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. – Новосибирск, 2005; Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. – М.: Аспект–Пресс, 2005; Чернавская В.Н. "Восточный фронтир" России XVII–начала XVIII века: историко–историографические очерки. – Владивосток: Дальнаука, 2003; Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire. – Bloomington: Indiana University Press, 2004.

Само по себе английское слово «фронтир» произошло от французского *frontiere* и означало границу между двумя странами. Во Франции оно сформировалось в XV в. и первоначально употреблялось в значении «фронт» (линия боевых действий). Это не удивительно, так как именно в этот период в Европе происходит активное формирование новых границ в рамках отношений не только с европейскими странами, но и со странами Востока, точнее Османской империей. По мнению английского политолога Дж. Блэка, в более ранний период четких границ между европейскими странами не имелось, так как никакой демаркации не проводилось. Ещё меньше внимания европейцы обращали на права местного населения на территорию во вновь открытых землях³.

Параллельно с понятием фронта, т.е. границы (англ. *borderland, boundary*), в европейских языках существовал и другой термин для обозначения пограничной территории – марш или марка (англ. *march*), т.е. метка, знак, в то время как демаркация – проведение этой границы между странами или территориями. И фронтир, и марш помимо собственно юридических норм обозначали еще и термины, связанные с военным делом. Примечательно, что сам термин марш или марк(а) имел в европейских языках оттенок чего-то асоциального. Эта территория управлялась маркизом, который в силу удаленности своих владений от центра, как правило, мало зависел от короля. Подобное отношение к власти маркиза мы встречаем в известной сказке Шарля Перро «Кот в сапогах», появившейся на свет в 1697 г. Там кот помогает своему хозяину приобрести земли, принадлежащие маркизу Карабасу – страшному великану (оргу), способному превращаться в разных зверей. Сам король восхищен богатством маркиза. Однако, маркиз – это не человек, это чудовище, как, впрочем, и положено быть маркизу, чья природа выходит за рамки привычного.

³ Black J. *Boundaries and Conflict: International relations in ancient régime Europe // Eurasia: World Boundaries*. Ed. by C. Grundy-Warr. – London, 1994, – p. 19–54.

И хотя постепенно термин «фронтир» вытеснил термин «марш», именно этот асоциальный характер пограничья продолжал превалировать в определении пограничной территории.

Не можем мы обойти вниманием еще один термин для обозначения границы или фронта, восходящий ещё к древнеримской традиции, – это лимес (лат. *Limes* – предел, граница, но *limen* – ворота, порог, но и дом, обитаемое место, а также граница, предел, ср. русское лимит – предел, ограничение). Римский лимес представлял собой полосу укрепленных фортов с небольшими отрядами для защиты внутренней территории страны от проникновения варваров. Известны следующие лимесы – Нижнегерманский лимес, Верхнегерманско-ретийский лимес, Веттерауский лимес, Неккар-Оденвальдский лимес, Альбский лимес, Лаутертальский лимес, Дунай-Иллер-Рейнский лимес, Дунайский лимес, Вал Адриана, Вал Антонина, Траяновы валы, Арабский лимес, Триполитанский лимес и т. др. Как мы видим, в основу лимеса была положена идея линии фортов, т.е. военных поселений – гарнизонов, реже фортификационных валов, как, например, Вал Адриана в Британии. Эта римская традиция лимесов и валов очень близка к китайской традиции укрепленных оборонительных сооружений, огораживающих внешний предел своего государства Чжунго от варваров. Примером подобных сооружений является и существующая поныне Великая китайская стена, протянувшаяся по северу Китая на 2500 км. Схожая система защиты своих границ существовала и в русском государстве – это так называемая «засечная черта» (засака, украинная линия) – оборонительная система защиты дальних рубежей нашей страны в XIII-XVII вв.

Современное значение термина фронтир унаследовало все эти аспекты. До сих пор под фронтиром понимают различные явления, объединенные, правда, значением границы:

1. Фронтир – это территория между двумя государствами;

2. Фронтир – территория между заселенными и незаселенными пространствами⁴.

3. Фронтир – передовая часть чего-то, некий авангард⁵.

Если первое определение проистекает из политологических наук, то второе в большей степени отражает традицию географическую. Первое определение можно назвать эгалитарным, так как оно постулирует несколько равных субъектов права, второе определение – дисбалансным, так как исходит из неравенства между территориями по обе стороны границы (заселенная / незаселенная; цивилизация / варварство и т.д.). Его также можно назвать цивилизационным. Именно в рамках такого подхода к определению фронта «демаркация» проходит по оппозиции цивилизация / варварство.

Третье определение является символическим и в большей степени имеет отношение к семантике этого слова, чем к его первоначальному значению. В нем важнее абстрактное значение этого слова как некой передовой линии или границы.

В XX в. в литературе постепенно происходит размежевание понятий «граница» и «фронтир». Правда, очень часто фронтир все еще описывался через понятие «граница», но теперь, чтобы разграничить их добавляли эпитет «подвижная», намекая на то, что фронтир – это не четкая фиксированная линия, а нечто подвижное, находящееся в процессе постоянных изменений.

Как мы видим, слово «фронтир» имеет давнюю историю, однако о фронтире как об особом термине и феномене впервые заговорил Фредерик Дж. Тернер (1861-1932), преподаватель истории университета в Висконсине. Хотя в данный период законодателями в американской исторической науке были ученые из восточных областей страны – Новой Англии, не случайно с новаторской идеей выступил житель Висконсина, штата, территория которого еще со-

⁴ Prescott V., Triggs G. D. International Frontiers and Boundaries: Law, Politics and Geography. – Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2008, p. 23.

⁵ Очень часто в этом значении этот термин используют для определения передовых или пограничных направлений науки: медицинский фронтир, химический фронтир и т.д.

всем недавно являлась фронтиром. Для Тернера это явление было настолько осязаемым и актуальным, что он одним из первых пришел к необходимости его формализации. На встрече Американской Исторической Ассоциации в 1893 г. еще тогда молодой ученый выступил с докладом под названием «Значение Фронттира в американской истории»⁶. По мнению Тернера, невозможно понять американскую историю, не учитывая при этом территориальную, географическую, культурную и социологическую характеристики, являющиеся уникальными для американского континента. В своем осмыслении американской истории он приходит к выводу, что европейское наследие сказалось лишь на начальных этапах складывания американского общества, а собственно национальные корни следует искать в истории освоения Дикого Запада (Old West, Old Northwest).

Тернер полагал, что именно наличие Дикого Запада и стремление колонистов постоянно осваивать новые территории повлияло на формирование американской ментальности, именно тогда зарождается так называемая американская мечта, дух свободы, мобильность, авантюризм.

Важность изучения этой научной проблемы проистекала из ряда факторов. До Тернера фронтир в значительной степени рассматривался как череда военных столкновений, а его экономическая и социальная составляющая в расчет не брались. Вне сомнения, Тернера можно считать первым ученым, кто обозначил проблему фронттира с точки зрения его онтологии и аксиологии. По мнению Р.А. Биллингтона, автора следующего по значимости труда, посвященного фронттиру, концепция Тернера была своеобразным вызовом старым научным подходам, исключавшим влияние фактора окружающей среды из анализа общественных институтов.

Таким образом, изучая фронтир, Тернер, Биллингтон и многие другие их последователи пытались привнести новое видение старой проблемы, которая так кардинально повлияла на формирование

⁶ Turner F. J. The Significance of the Frontier in American History. – Readex Microprint, 1893.

ментальности американцев, их политические и социальные институты.

Другую причину обращения Тернера к данной теме мы находим у самого автора. Он выразил ее в одной из своих ранних работ, в 1897 г.: «Дикий Запад, историческая Северо-западная территория сейчас является Центральным регионом Соединенных Штатов, а еще век назад это была сплошная дикость, прерываемая лишь немногочисленными французскими поселениями и деревушками американских поселенцев вдоль реки Огайо и ее притоков...Сегодня этот район является краеугольным камнем американского содружества. С 1860 года большая часть населения Соединенных штатов проживает в его пределах, а центр национальной промышленности располагается всего лишь в 8 милях от дома президента Мак-Кинли в Огайо. Из семи президентов, избранных в США с 1860 г., 6 были выходцами с Дикого Запада, и лишь седьмой из них был родом из района к Западу от Нью-Йорка»⁷

Вполне очевидно, что Дикий Запад и его население символизировали для Тернера силу, мощь и процветание Америки. Вместе с тем, еще в своем первом докладе Ф. Тернер указывал на некое противоречие – в одном из отчетов Департамента статистики он обнаружил следующие слова, принадлежащие управляющему этого департамента: «До 1880 г. страна имела границу (frontier) поселений, но в настоящий момент незаселенная территория повсюду разбавлена изолированными островками поселений, что вряд ли теперь уже можно говорить про линию фронта»⁸.

Таким образом, Тёрнер и его предшественники воспринимали фронтир как линию между английскими-французскими-американскими поселениями и незаселённой территорией. Правда, точнее было бы заявить, что фронтир – это граница между белыми поселениями и территорией индейских племен. К сожалению, Тёр-

⁷ Turner F.J. Dominant forces in West life // The Atlantic monthly, 1897, №79 (474). University of Northern Iowa, Pp. 433–443.

⁸ Turner F. J. The Significance of the Frontier in American History. – Readex Microprint, 1893, p. 1.

нер и многие его последователи говорят об этом вскользь. Взгляд Тёрнера на фронтир – это взгляд белого на Америку, в которой нет места её предыдущим насельникам.

По сути, в своем видении фронта Тернер следовал уже сложившимся в американской фискальной системе представлениям о фронтуре как о слабозаселенной территории. Бюро Переписи США в 1790 г. определило фронтир как местность, на которой плотность населения не менее двух и не более шести постоянных жителей на квадратную милю. Однако, несмотря на некоторую ограниченность такого взгляда, заслуга Тёрнера в понимании этой проблемы велика. Практически, истоки всех сильных сторон американской истории и американского характера он видел во фронтуре.

Таким образом, фронтир для Тёрнера и его предшественников есть линия между цивилизацией и ее отсутствием или дикой природой. Недаром Запад – это не просто территория к западу, он дикий (см. словосочетание «Дикий Запад» – WildWest), т.е. противостоящий цивилизованному Востоку, откуда и устремлялись волны переселенцев.

Вполне закономерно, что и следующее поколение американских историков следовало той же самой модели восприятия фронта, лишь несколько модифицируя ее. Одним из наиболее типичных и ярчайших примеров этого является основополагающий труд американского ученого Р.А. Биллингтона (1903-1981) «Экспансия на Запад. История американского фронта», вышедший в свет в 1949 г. Если Тернеру был интересен сам феномен фронта, его вклад в формирование новой нации, то Биллингтон все свое внимание сконцентрировал на типологизации фронта. В основу его классификации был положен социально-экономический подход, разделение труда и перемещение трудовых ресурсов и капитала по стране. И хотя эта идея не нова, так как и Тернер в своем исследовании так же указывает на этот вопрос, но столь детализированное изучение и обоснование такой классификации мы находим впервые у Биллингтона.

Анализируя транс-миссисипский фронтир, он выделил несколько стадийных видов фронта: торговый фронтир (1776-1840), фронтир долины Миссисипи (1803-1845), Орегонский фронтир (1825-1845), фронтир Большого Бассейна (северо-западные территории, 1830-1846), Калифорнийский фронтир (1830-1846), шахтерский фронтир (1858-1875), транспортный фронтир (1858-1884), скотоводческий фронтир (1865-1887) и фермерский фронтир (1870-1890)⁹. Заканчивает он свою периодизацию еще одним «фронтиром» – Аграрной революцией (1873-1896), объясняя это осознанием фронтирными фермерами своих региональных и классовых интересов, выразившимся в особой культуре, политическом движении гранджистов, наконец, популистском движении и т.д.¹⁰. Правда, большинство перечисленных волн переселенцев упоминал еще Тёрнер, но для него они не являлись главными. Они – всего лишь некие людские потоки, устремленные на Запад.

Географический детерминизм Биллингтона и его преданность цивилизационной роли американцев в освоении континента видны из следующих слов: «Англо-американский фронтир – географическая область, непрерывно перемещающаяся на протяжении трех столетий от побережья Атлантического океана к побережью Тихого. Здесь располагалась внешняя граница одиночных поселений, точка встречи первобытности и цивилизации, зона, где цивилизация входит в дикость»¹¹.

Большинство американских ученых, занимавшихся изучением фронта в первой половине XX в., как правило, унаследовало тёрнеровский подход к фронтину. Они лишь усовершенствовали основные тезисы, рассмотрели их на свой лад, не отходя от главного: фронтир есть некий предел цивилизации, где она встречается с дикостью.

⁹ Billington R.A. Westward expansion. A history of the American Frontier. N.Y.: The Macmillan Company, 1960.

¹⁰ Там же, pp. 724-744.

¹¹ Billington R. A. Westward Expansion: A History of the American Frontier. – N.Y.: Macmillan, 1960. P. 3.

Объяснение этому географическому детерминизму в трудах американских ученых мы находим в описании ментальности американцев, сделанном известным американским историком Даниэлем Дж. Бурсином: «В первое столетие своего национального существования американцы жили, не имея границ, на бесчисленных островах неопределенных очертаний. Продвижению на запад не было предела. Вся американская жизнь, как и сама нация, отличалась отсутствием четких границ. Континент был покрыт полутенями, состоящими из знакомого и неизвестного, факта и мифа, настоящего и будущего, местного и чужеродного, добра и зла»¹².

Возможно именно это отсутствие «границы» как таковой и породило стремление американских ученых найти ее, придать ей зримые очертания. В этом поиске фронтир выступал такой идеальной границей, превращающейся из территории или исторического феномена в некий национальный символ.

В 50-х гг. XX в. многие американские ученые выступили с определенной критикой постулатов Тёрнера, заявив о завышении многих аспектов фронтирной теории. Вместо излишнего увлечения идеей американской исключительности, они предложили рассматривать фронтир как некий символ американской истории, начав разговор о мифологии и символизме фронта. Посыл, сделанный этим направлением в науке, привел к тому, что благодаря им, были заложены основы для такого комплексного направления в гуманитарной науке, как американские штудии или американистика в российской номенклатуре дисциплин (AmericanStudies). Хотя, как нам кажется, российская американистика делает упор в большей степени на политике и экономике США и Канады, в то время как AmericanStudies явились своеобразным синтезом следующих дисциплин: истории, литературной теории, философии (франкфуртская школа) и социологии, выразившиеся в так называемой критической теории. Среди основателей нового направления в фронтирных исследова-

¹² Бурстин Д.Дж. Американцы: национальный опыт. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Литера», 1993, с. 284-285.

ниях можно назвать Генри Нэша Смита и Ричарда Слоткина, положивших начало так называемой «школе мифа и символа» (MythandSymbolschool). Хотя во многом эта школа брала свое начало в литературоведении, в большей степени она была посвящена анализу американского общественного сознания, нашедшего свое отражение, в том числе и в художественной литературе. Особенно ярко это проявилось в трудах Г. Нэша Смита, который попытался осмыслить задачи, вставшие перед учеными нового направления, а также те методы, к которым им следовало обратиться для понимания роли и места фронта в американской культуре¹³. Еще более развернутый манифест, посвященный использованию новых методологических подходов к анализу феномена фронта, мы находим в его монографии «Целина: Американский запад как символ и миф»¹⁴. Своей монографией он на многие годы определил дальнейшее изучение Дикого Запада, особенно касательно его влияния на американскую культуру.

Эту традицию продолжил американский историк Ричард Слоткин, который подробно раскрыл мифологическую составляющую фронта в американской культуре, выявил основные фронтальные архетипы, подробно описал личность фронтимэна¹⁵. Кроме этого, выделяя отдельные архетипичные личности фронта, Слоткин показал, как они видоизменялись в американской культуре, ритуализировались и превращались в некие культовые иконы¹⁶.

Весьма примечательно, что марксистских ученых фронт интересовал, прежде всего, с точки зрения аграрного вопроса, так как в силу своего своеобразия он выступал в качестве некоего механизма наделения свободных фермеров участками земли. Как констати-

¹³ Smith H.N. Can "American Studies" Develop a Method?//American Quarterly, 1957. Vol. 9, No. 2, Part 2. P. 197-208.

¹⁴ Smith H.N. Virgin Land: The American West as Symbol and Myth. N.Y.: Vintage Books, (1950) 1957.

¹⁵ Slotkin R. Regeneration through violence: the Mythology of the American Frontier: 1600-1860. Middletown: Wesleyan University Press, 1973; Slotkin R. The Fatal Environment: the myth of the Frontier in the Age of Industrialization, 1800-1890. N.Y.: Harper Perennial, 1985

¹⁶ Slotkin R. Gunfighter nation: the myth of the frontier in twentieth-century America. N.Y.: Atheneum, 1992,

ровал В.И. Ленин: «Общие законы развития капитализма в земледелии и разнообразии форм проявления этих законов всего удобнее изучать на примере Соединенных Штатов»¹⁷. Не акцентируя внимание собственно на фронтире, Ленин называет колонизацию американцами Дальнего Запада «демократическо-капиталистической»¹⁸. И это вполне естественно, так как для него вопрос наделения крестьян землей являлся одним из важнейших. Все это привело к появлению представлений о двух типах аграрно-капиталистической эволюции, что нашло свое отражение в трудах первых советских американистов¹⁹.

В 60-е гг. XX в. концепция Тернера подверглась серьезной критике со стороны советских ученых: «Идеализируя социально-экономические отношения на западе, Тернер вслед за Токвилем и Бентоном связал американский политический строй, буржуазную демократию с существовавшим якобы равенством западно-американских мелких производителей. Он игнорировал при этом тот неоспоримый факт, что на фермерском западе уже с колониальных времен имело место резкое социальное неравенство, и капиталистическая эксплуатация углублялась с каждым десятилетием XIX в.»²⁰.

Подобные методологические подходы к пониманию феномена фронта главенствовали в советской историографии до середины 80-х гг. Такой подход нашел свое отражение и в четырехтомной истории США, издававшейся в 1983-87 гг. Главными редакторами этих томов были видные отечественные американисты Н.Н. Болховитинов, Г.П. Куропятник, Г.Н. Севостьянов, В.Л. Мальков и др. Авторы первых 3 томов постоянно уделяли внимание концепции Ф.Тернера, но во всех случаях она рассматривалась с классовых позиций, не добавляя ничего нового к уже сложившемуся восприятию

¹⁷ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – М., 1967, Т. 27, с. 226.

¹⁸ Там же, с. 180, 225.

¹⁹ Ефимов А. В.К истории капитализма в США. – М., 1934.

²⁰ Очерки новой и новейшей истории США. под ред. Севостьянова Г.Н. – М., 1960, т. 1, с. 589.

Тернера в 50-60-х, тем более Н.Н. Болховитинов, один из редакторов «Истории США», в 60-х гг. сам анализировал Тернеровскую концепцию «границы»²¹. В сложных условиях доминирования классового подхода при анализе различных исторических явлений и процессов было маловероятно ожидать иного отношения к концепции Ф. Тернера. Отдавая должное роли этой концепции, отечественные ученые вместе с тем замечали, что «...логическим политическим выводом из теории «границы» было провозглашение внешнеполитической экспансии одним из основных условий дальнейшего развития США, обеспечивающим разрешение социально-экономических проблем и бесперебойное функционирование политических институтов. К захватам призывали не только политические аргументы теории «границы»; этими идеями были пронизаны и отдельные звенья концепции Тернера. Романтизированная фигура американского пионера подавалась им в ракурсе покорителя континента. Он воспевал «агрессивную бодрость пионера», «топор и винчестер» как символы завоевания. Взглядам Тернера был совсем не чужд англосаксонский расизм. Вся теория «границы» молчаливо исходила из постулата, что индейцы являются «низшей расой», обреченной на истребление и вымирание»²². Обвиняя Тернера в пристрастии к идеям «экспансионизма», советские ученые считали его то сторонником экономического подхода, то тут же обвиняли в «географическом детерминизме»: «Сам факт привлечения внимания исследователей к проблемам социально-экономического развития имел немаловажное значение. Однако эти вопросы не получили у Тернера правильного решения. Существенным пороком концепции Тернера был ее географический детерминизм. С другой стороны, Тернер искусственно разорвал тенденцию развития капитализма вширь и вглубь, абсолютизовав первую из них. Развитие капитализма вширь, связанное с заселением и освоением новых

²¹Болховитинов Н. Н. О роли «подвижной границы» в истории США// Вопросы истории, 1962, № 9, с. 57-74.

²² История США. В 4-х т. под ред. Н.Н. Болховитинова. – М.: Наука, 1985, т. 2, с. 161-162.

территорий, он изобразил как основной, определяющий процесс в истории США»²³. Конечно, некоторые упреки со стороны советских ученых к подходу Тернера были отчасти оправданы, однако во многом эти претензии были односторонними и не способствовали глубокому пониманию всего многообразия феномена фронта. Позднее Н.Н. Болховитин сам отмечал всю сложность изучения советскими историками вопросов американской истории²⁴.

Следует также отметить, что советская наука не стояла в стороне от изучения результатов колонизации американцами Дикого Запада. Как правило, и здесь вывод был однозначен – колонизация явилась пагубным явлением для автохтонного населения Дикого Запада. Типичным примером подобного подхода в изучении культурных процессов, происходящих на изучаемой территории, является работа И.А. Золотаревской «Индейцы – коренное население США» в сборнике «Национальные процессы в США»²⁵. Ни эта, ни другие статьи, посвященные формированию американской нации не анализируют проблему фронта и даже не используют этот термин. Для И.А. Золотаревской американская колонизация – однозначно негативное явление, принесшее только вред американским индейцам²⁶.

В 90-х гг. в отечественной науке наметилась тенденция отхода от однозначно негативной оценки тернеровского тезиса феномена фронта. Были сделаны попытки использовать методы, выработанные американской наукой при изучении фронта для оценки российской истории. Правда, уже в 40-х гг. XX в. подобные попытки переноса концепта фронта на процесс колонизации Сибири были сделаны американскими учёными Д. Тредгольдом²⁷ и Б.

²³ Там же, с. 537.

²⁴ Болховитин И.И. О времени и о себе: заметки историка // Историки России. Вып. 1. – М., 1997, с.67-80.

²⁵ Национальные процессы в США. под ред. С. А. Гонионского. – М.: Наука, 1973.

²⁶ Золотаревская И.А. Индейцы – коренное население США // Национальные процессы в США, – М.: Наука, 1973, с. 129-136.

²⁷ Treadgold D. W. Russian Expansion in the Light of Turner's Study of American Frontier // Agricultural History, 1952, Vol 26, № 4, p. 147-152.

Самнером²⁸. Да и сам Тернер в личной переписке ещё в 1922 г. также заявлял, что «Россия должна иметь свои фронтирные интерпретации истории»²⁹. Однако, все попытки американских ученых проанализировать русскую историю с позиции «фронтирного» подхода, сложившейся в рамках западной науки, не получили достойного внимания со стороны советских ученых, рассматривавших фронтир с марксистской точки зрения. Ослабление позиций формационного подхода дало российским ученым возможность творческого осмысления научного наследия Ф. Тернера. Среди тех, кто активно применял Тернеровский подход для анализа процесса колонизации Сибири, были А. Д. Агеев, Д. Я. Резун, Н. Ю. Замятина, М. В. Шиловский, В. А. Ламин, А.С. Зуев, Т. С. Мамсик, А. С. Хромых и др. Очень интересно, что российские ученые не шли по пути механического переноса концепта «фронттира» на российскую историю, а пытались сопоставить два схожих процесса (российский и американский), выделив в них общее и особенное. Каждый из перечисленных ученых старался по-новому взглянуть на проблему фронттира со своих особых методологических позиций.

Можно выделить два различных подхода к изучению американского и российского фронтиров отечественными учеными. Первый исходит из цивилизационного дисбаланса развития территорий. С этой точки зрения фронтир – это территория, где пролегает граница между цивилизацией и дикостью: «фронтир возможен только при встрече и контакте двух культур разного уровня цивилизационного развития... Именно такой была встреча белой и индейской цивилизации в Северной Америке, испанской и индейской в Южной Америке, русской и аборигенной – в Сибири»³⁰. Близким по смыслу этому определению фронттира следует и Н. Ю. Замятина, полагающая, что «в строгом смысле фронтир – это зона освоения;

²⁸ Sumner V.H. Survey of Russian History. – N.Y.: Harcourt Brace, 1947.

²⁹ Из письма Ф. Тернера А. Баффингтону (27.10.1922), цит. по: Billington R. A. Frederick Jackson Turner: Historian, Scholar, Teacher. – N.Y.: Oxford University Press, 1973, p. 459.

³⁰ Резун Д. Я. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. – Новосибирск, 2005, с. 3.

точнее, территория, социальные и экономические условия которой определяются идущим на ней процессом освоения. Американский историк Ф. Тернер, введший в науку само понятие фронта, называл его «точкой встречи дикости и цивилизации»³¹. Этот исследователь вводит в оборот определение фронта как «зоны неустойчивого равновесия»³². Правда, это определение так и остается условным. Автор не дает его широкого толкования. Да это и вряд ли было возможно, так как в целом, являясь сторонником цивилизационного подхода, Н. Ю. Замятина, будучи географом по образованию, постоянно возвращается к пониманию фронта с точки зрения географического подхода³³.

Большинство учёных, сторонников этого подхода, во многом следовали Тернеру, стараясь приспособить его к целям своих исследований. Так, А. Д. Агеев делал упор на развитие фортификационных сооружений, ставших в дальнейшем основой для будущих городов³⁴. Вместе с тем, этот ученый понимал фронт и в геополитическом смысле: «В период глобального противостояния сформировалась геополитическая идентификационная парадигма. Американский и российский «фронты» проявляются как атлантизм и евразийство и, соответственно, как атлантический и евразийский импульсы»³⁵. Эта попытка Агеева построить некую глобальную концепцию «фронтальной истории» приводит его к выводу, что «движение американского «фронта» на запад и русского «рубежа» на восток привело к тому, что в северной части Тихого океана они столкнулись, и возникла граница цивилизационного разлома.

³¹ Замятина Н. Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // *Общественные науки и современность*. – М., 1998, №5, с. 76.

³² Там же, с. 81.

³³ Там же, с. 86-87.

³⁴ Агеев А. Д. Американский «фронт» и «сибирский рубеж» как факторы цивилизационного разлома // *Американский и сибирский фронт: материалы Междунар. науч. конф. "Американский и сибирский фронт (фактор границы в американской и сибирской истории)"*, 4–6 окт. 1996 г. – Томск, 1997. – Вып.2: Американские исследования в Сибири, - с. 30-31.

³⁵ Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтов. – М.: Аспект–Пресс, 2005, с 15.

Это обстоятельство определило геополитическое положение России и США по отношению друг к другу и к остальному миру, а затем — положение военное, политическое, идеологическое и всякое иное, что сформировало бинарную иерархию отношения в глобальном масштабе»³⁶.

Второй подход можно назвать коммуникационным. Сторонниками этого подхода являются М. В. Шиловский и А.С. Хромых. Его можно также назвать историческим, так как оба ученых разрабатывают стадиальную модель фронта, выделяя несколько фаз. По мнению М. В. Шиловского, «необходимо говорить о трех видах фронта: «внешнем, по отношению к территориям и этносам, не вошедшим в «огораживающие поле» колонизации, внутреннем, — по отношению к народам, оказавшимся внутри него, и внутрицивилизационном, — между старожилами и переселенцами»³⁷. Этот же подход был воспринят и А.С. Хромых³⁸, который предпочитал говорить не о различных видах фронта, а лишь о стадиях одного фронта. По мнению А.С. Хромых, «внешний фронт — это места и моменты первой встречи пришлых людей с автохтонным населением, которые предполагают начальные и неустойчивые экономические, социальные, политические и культурные контакты. Внутренний фронт — это сложившиеся контактные зоны, где постоянные русские поселения вкрапляются в места проживания местных народов внутри колонизируемой территории, а вся территория уже входит в административное и правовое поле государства. В условиях же внутрицивилизационного фронта формируется новое со-

³⁶ Там же, с. 14.

³⁷ Шиловский М. В. Фронт и переселения (сибирский опыт) // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII – XX вв.: общее и особенное. Вып.3. – Новосибирск, 2003, с. 101.

³⁸ Хромых, А. С. Сибирский фронт в конце XVI – первой четверти XVII веков // Вторые исторические чтения Томского государственного педагогического университета: материалы международной конференции. – Томск: Издательство Томского государственного педагогического Университета, 2008, Ч. 1, с. 253–261; Хромых А. С. Особенности внешнего фронта на юге Центральной Сибири // Мартяновские краеведческие чтения. Вып. V. 300 лет в составе России: сборник материалов международной научно–практической конференции, посвящённой 300–летию вхождения территории Юга Сибири в состав России. Минусинск, 12–14 декабря 2007 г. – Красноярск: ИПК КГПУ, 2008, с. 275–281.

общество или особый вариант старой общности на основе различных типов взаимодействия»³⁹. Кроме этого, Хромых попытался соединить подход М. В. Шиловского с идеей «неустойчивого равновесия, определяемого как переход от внешнего к внутреннему фронтиру»⁴⁰. Правда, такой подход был разработан вышеуказанными авторами лишь в отношении Сибири.

При некоторой, на наш взгляд, продуктивности такого подхода, ему не хватает законченности. Не совсем понятно, на каком основании был выделен этап внутрицивилизационного фронта. Конфликт между старожилками и переселенцами может существовать в любом обществе, а миграционные потоки могут происходить и происходят в отдельных областях постоянно. С одной стороны, предложенные типы («внешний и внутренний фронтиры») легко обнаружить в истории американского и сибирского фронтиров. Однако следует понимать, что такая терминология вносит определенную путаницу, так как «внутренний фронт» – это устоявшийся термин, для определения особого типа фронта, возникающего на пространствах между несколькими государствами. Такой фронт всегда внутри, т.е. зажаты между несколькими субъектами фронтальной экспансии. В противном случае, любой фронт – всегда внешний, т.к. находится за пределами основной территории главного субъекта колонизации.

Кроме этого, такая типологизация является всего лишь традиционным продолжением цивилизационного подхода, так как рассматривает проблему лишь с одной стороны – в случае с Сибирью, со стороны Российского государства, продвигающегося в своей экспансии вглубь территории, населенной автохтонными народами. По сути, в такой монолинейной концептуализации нет места двум

³⁹ Хромых А.С. К вопросу о применении понятий «колонизация» и «фронт» в изучении истории Сибири // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сборник материалов III региональной молодежной научной конференции. – Новосибирск, 2009, с. 108–114.

⁴⁰ Хромых А.С. Русская колонизация Сибири последней трети XVI – первой четверти XVII века в свете теории фронта: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Томск, 2008, с. 21.

или большему числу акторов этого процесса. Аборигенное население в подобной типологизации выступает лишь объектом процесса. Однако, на всем протяжении истории и США, и Сибири, да и других территорий мира в этом процессе активно участвует множество равноправных субъектов исторического процесса.

Как мы видим, все вышеперечисленные ученые сосредотачивали свое внимание при разработке теории фронта лишь на процессах и формах колонизации новых земель. В значительной мере все эти тенденции являлись своеобразным продолжением теории фронта, предложенной Тернером.

В 80-е гг. западная наука приступила к разработке новых методологических теорий, позволивших взглянуть на феномен фронта с новых точек зрения. Во многом эти подходы были порождены постмодернистскими научными парадигмами, призывавшими отказаться от однополярного взгляда на исторические и культурные процессы, что привело к появлению новых методологических подходов: феминистской и даже постфеминистской теорий, постколониальной теории, теории меньшинств (Subalternstudies) и т.д. Все перечисленные теории пытались построить многополярные научные парадигмы, где бы повествование и изучение осуществлялось с позиции пересмотра субъектно-объектных отношений. В этом плане особенно показательна постколониальная теория. Во многом она возникла под влиянием теории деконструкции⁴¹, нашедшей свое отражение в трудах постмодернистов. Большинство сторонников постколониальной теории были выходцами из бывших колониальных стран, что давало им возможность и право говорить от лица колониальных народов. Таковыми были Ф. Фанон, Э. Саид, Г. Спивак и др. Всех их объединяло одно – недовольство тем, что истории их народов написаны западными авторами. Европейский взгляд на историю, с их точки зрения, есть всего лишь «попирающая массу материала общая совокупность идей, неоспоримо пропитанных

⁴¹Sirotinski M. Deconstruction and Postcolonial: At the Limits of Theory. – Liverpool: University Press, 2007.

идеями европейского превосходства, разного рода расизма, империализма и тому подобное, догматическими взглядами по поводу «восточного человека» как своего рода идеальной и неизменной абстракции»⁴². Другой из основоположников постколониальной теории Р. Янг во введении к своей работе «Белые мифологии» писал, что истории «могут быть рассказаны в разных формах, доказаны по-разному, обдуманы с разных точек зрения»⁴³. Поэтому не может быть одной истории, а есть множество равнозначных историй одного и того же процесса. С точки зрения этих ученых, история третьих стран, как наука, созданная западными учеными, есть миф⁴⁴ или всего лишь имагинативная (т.е. воображаемая, а не реальная) история⁴⁵.

Следует помнить, что большинство этих ученых родились в третьих странах, но работали и получили известность на Западе. Это давало им возможность оперировать концепциями западной науки, но мыслить в рамках незападных мировоззренческих парадигм.

Применяя метод деконструкции и используя марксистскую критику колониальной истории, они пытались переосмыслить традиционный взгляд на исторические процессы, отойдя от привычных эволюционистских стереотипов в социальных науках. Это дало возможность выработать новые методологические подходы и к теории фронта, в которой уже отсутствовал однолинейный взгляд на столкновение культур разного уровня развития.

⁴² Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока. – СПб.: Русский мир, 2006, с. 17.

⁴³ Young R. White Mythologies: Writing History and the West. – N.Y.: Taylor & Francis, 1990, p. 1.

⁴⁴ Там же, с. 2.

⁴⁵ Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока. – СПб.: Русский мир, 2006, с. 17: «Имагинативное исследование Востока основывалось более или менее исключительно на полномочном западном сознании, из неоспоримой центральности которого появился восточный мир — вначале в соответствии с общими идеями о том, кто или что такое восточный человек, затем в соответствии со скрупулезной логикой, направляемой не одной только эмпирической реальностью, но и сонмом желаний, репрессий, инвестиций и проекций».

Другой особенностью нового научного дискурса в изучении колониальной истории было то, что ученые, использовавшие деконструкцию или стоящие на постколониальных позициях, пришли в социальные науки, как правило, из литературоведения. В этом не было ничего удивительного. Многие постмодернисты были не только философами, но и теоретиками литературы. Таковыми были Жак Деррида и Жан-Франсуа Лиотар, Мишель Фуко читал курс по французской литературе в 50-х гг. в университете в Упсале, Швеция, Жиль Делез написал несколько литературоведческих работ⁴⁶ и т.д. Каждый из них по-своему стремился привнести в философию и теорию культуры новые методологические подходы, которые помогли раздвинуть эпистемологические горизонты гуманитарных дисциплин. Следом за ними постколониальные теоретики, выйдя за рамки теории и истории литературы, обратились к колониальной истории и культуре. Таковыми были уже упомянутые Э. Саид⁴⁷ и Г. Спивак⁴⁸, Х. Бхабха⁴⁹ и др. Изучая литературный дискурс колониального периода, они осознавали всю слабость социальной теории и историографии западной истории. Это привело их к необходимости деконструкции западной истории с позиций видения колониальных народов.

Примечательно, что приблизительно в это же время и западные литературоведы осознали всю ограниченность западной историографии и теории культуры. В результате, в связи с развитием нарратологии, появились попытки переосмыслить историю с точки зрения дискурсивных практик. Наиболее заметной фигурой в этом

⁴⁶ Достаточно упомянуть его работу: Делёз Ж. Марсель Пруст и знаки. – СПб.: Алетейя, 1999.

⁴⁷ *Literature and Society*. Ed. Said E. L. – Johns Hopkins University Press, 1980; Eagleton T., Jameson F., Said E. *Nationalism, Colonialism, Literature*. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1990.

⁴⁸ Анализ литературных идей Спивак см: Ray S. *Gayatri Chakravorty Spivak: in other words*. – Oxford: Blackwell, 2009.

⁴⁹ Bhabha H. *The Location of Culture*. – N.Y.: Routledge, 1994; Bhabha H. *DissemiNation: time, narrative, and the margins of the modern nation // Nation and Narration*. Ed. Homi Bhabha. – N.Y.: Routledge, 1990, p. 291-321; анализ литературных и философских идей Бхабхи см.: Byrne E. *Homi K. Bhabha*. – N.Y.: Palgrave MacMillan, 2009; Huddart D. *Homi K. Bhabha*. – N.Y.: Routledge, 2009.

направлении явился американский теоретик литературы Х. Уайт, пришедший к выводу, что «описание истории остаётся риторическим и литературным, поскольку продолжает использовать обычные грамотные речь и письмо как наиболее предпочтительные средства для выражения результатов исследования прошлого. Пока историки продолжают использовать обычные грамотные речь и письмо, их репрезентации феноменов прошлого, равно как и мысли о них, останутся «литературными» – «поэтическими» и «риторическими» – отличными от всего, что считается специфически «научным» дискурсом»⁵⁰.

Лишив историю каузальности, Х. Уайт призвал рассматривать ее, а точнее историографию с точки зрения эмоционального посыла авторов исторических трудов. Таким образом, Уайт попытался уйти от онтологии и аксиологии исторического процесса к эпистемологии исторического повествования (наррации), что открывало, в свою очередь, новый подход к изучению самого исторического процесса. Решающую роль в этом, по его мнению, должна играть тропология – наука о тропах – речевых оборотах или точнее историографическая поэтика⁵¹. Увлечение нарратологией позволило по-новому взглянуть на письменные источники, понять относительность некоторых, казалось бы, незыблемых фактов, их отличие от исторических событий⁵². Между объективным историческим событием и субъективизированным фактом всегда находится «язык, который не может быть назван нейтральным»⁵³.

Такая литературная деконструкция исторического источника позволила исследователям отойти от традиционного взгляда на многие события, дала возможность для новых смелых подходов к анализу прошлого и современности. Увлечение нарратологией при-

⁵⁰ Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002, с. 7.

⁵¹ Там же, с. 9-11.

⁵² События происходят независимо от наблюдателя, но отражаются субъектом в источниках в виде фактов, являющихся, по сути, интерпретационными объектами – искусственными объектами, в которых мы обнаруживаем заинтересованность субъекта.

⁵³ Josipovici G. Writing and the Body. – Princeton: Princeton University Press, 1984, p. 45.

вело к тому, что и многие философы, в свою очередь, обратились к литературоведению, обогащая методологический багаж новыми методами для анализа. В этой связи уместно назвать французского философа Поля Рикёра⁵⁴.

Соединение философии, литературоведения, политологии и теории культуры подтолкнуло ученых к разработке новых методологических подходов в гуманитарных науках. В последнее двадцатилетие XX в. под влиянием постколониальной теории появляются такие научные направления, как теории культурных контактов (Culturalencounterstudies), малых групп (Subalternstudies), телесности (BodyStudies) и т.д. Все они дают возможность по-новому взглянуть на историю фронта, выявить ранее незамеченные особенности культурных процессов на фронте. Особую роль среди новых направлений в теории культуры, которые помогают по-новому взглянуть на теорию фронта, играют теория культурных контактов и примыкающая к ней теория или точнее проблема Другого/Чужого. Отход от цивилизационного подхода, осуществляемый в вышеуказанных методологических направлениях, позволил иначе взглянуть на проблему пограничья, встречи разных культур. Для ученых этих направлений проблема цивилизации/дикости контактирующих народов не играла никакой роли, даже, напротив, являлась вредной, с их точки зрения. Для них было важно выявить процессы, происходящие в этих контактах, выявить законы, по которым встреча культур осуществляется. Здесь не было субъектно-объектных ориентиров, не было логических посылок и предпосылок. Для них была важна не аксиология процесса, так как во многом она была очевидна, а феноменология фронта, выраженная через встречу или через образы Чужого. Поэтому многие ученые пытались пересмотреть сложившиеся стереотипы субъектов фронтальных процессов, прибегнув к широкомасштабному пересмотру нарративных источников.

⁵⁴Ricoeur P. Time and Narrative. – Chicago: The University of Chicago Press, 1984–1990, 3 Vols.

В последнее время появляется все больше работ, посвященных проблеме культурных контактов на фронтире. Среди исследователей, обратившихся к данной проблеме, можно назвать Э. Виберт, Л. Шлиссель, Г. Райли, С. Слиппер-Смит, К. Лайтфута, М. Тейта, С. Кастильо⁵⁵, и др. Правда, следует признать, что в данном направлении не было ни единой методологии, ни единых подходов. Изучались лишь контакты как некая система отношений, рассматриваемые с разных точек зрения и разными методами: социологии, социальной антропологии, теории малых групп и, конечно, постколониальной теории. Типичным примером подобных исследований может служить работа уже упомянутой Гленды Райли «Забирая землю, ломая землю: женщины колонизируют американский Запад и Кению» (2003). В этой работе американская исследовательница проводит сравнительный анализ фронта в Америке и в Кении для выявления общих моментов двух фронтиров. На основании анализа многочисленных источников в обеих странах она приходит к парадоксальному выводу, что участие женщин в освоении фронта, а точнее в осуществлении культурных контактов, было очень велико. Хотя роль женщины на фронтире в значительной мере отличалась от роли мужчины, ее «удельный вес» был огромен. Если мужчины, по ее мнению, «закрепощали тело коренного населения» на фронтире, то женщины «колонизировали ум»⁵⁶. «Поскольку женщины имели более тесные отношения с коренным населением, чем мужчины, их влияние на коренное население было намного сильнее.

⁵⁵ Vibert E. *Trader's Tales: Narratives of Cultural Encounters in the Columbia Plateau, 1807–1846*. – Norman: University of Oklahoma Press, 1997; Schlissel L., Gibbens B., Hampsten E. *Far from Home: Families of the Westward Journey*. – Lincoln: University of Nebraska Press, 2002;

⁵⁵ Riley G. *Women and Indians on the frontier, 1825-1915*. – Albuquerque: University of New Mexico Press, 1984; Sleeper-Smith S. *Indian women and French men: rethinking cultural encounter in the Western Great Lakes*. – Boston: University of Massachusetts Press, 2001; Lightfoot K. *Indians, Missionaries, and Merchants: The Legacy of Colonial Encounters on the California Frontiers*. – Berkeley: University of California Press, 2004; Tate M. *Indians and emigrants: encounters on the overland trails*. – Norman: University of Oklahoma Press, 2006; Castillo S. *Colonial encounters in New World writing, 1500–1786: performing America*. – N.Y.: Routledge, 2006

⁵⁶ Riley G. *Taking Land, Breaking Land: Women colonizing the American West and Kenya*. – Albuquerque: University of New Mexico Press, 2003, p. 13.

Именно женщины, в конце концов, отвечали за внедрение манер, языка, одежды, пищи, материальных ценностей, и вместе с этим верований и стремлений. В публичной сфере женщины миссионеры, учителя, медицинские работники учили аборигенов рудиментарным зачаткам цивилизации белых. В доме и на ферме белые матери на уровне повседневности формировали у аборигенов идеалы белых»⁵⁷.

Такой подход кардинальным образом меняет Тернеровское и Биллингтоновское представления о фронтире. С точки зрения Г. Райли, исследователям фронта необходимо отойти от географического детерминизма старой американской историографии как главной парадигмальной характеристики фронта. Не следует замыкаться и на фронтире как особом процессе, хотя «большинство западных ученых в основном признают, что вторым элементом фронта и является *процесс*, означающий, что люди из другого региона или государства переселяются на новые места, где пытаются контролировать и доминировать над местным населением, эксплуатировать ресурсы и направлять экономическую, политическую и культурную жизнь»⁵⁸.

С точки зрения Г. Райли, необходимо говорить не о двух составляющих фронта, а о четырех аспектах: философском (фронтир, как особая идеология), географическом (фронтир, как определенное место), историческом (фронтир, как процесс), социально-экономическом (фронтир, как особый продукт). Такое видение фронта в значительной мере расширяет как само понимание фронта, так и акцентирует внимание исследователя на большем числе проблем для анализа. Трудно не согласиться с подобным теоретическим обоснованием, однако следует заметить, что как бы ни критиковала Райли западных ученых, ее подход к изучению фронта является плоть от плоти колониальным, хотя и может рассматриваться в рамках постколониальной теории. Говоря о

⁵⁷Там же, р. 14.

⁵⁸Там же, р. 22.

фронтире, как особой философии, американская исследовательница тем самым сужает проблему фронта до философии западного человека. В философии фронта не рассматриваются, да и не могут быть рассмотрены идеи коренного человека на данную проблему, так как анализируемый идеологический образ фронта находится в рамках западного общественного дискурса, что существенно ограничивает феноменологическую составляющую фронта. Правда, следует признать, что сам автор осознает данную проблему, заявляя, что четырехсоставное деление фронта хоть и продуктивно, однако автоматически «не означает, что аборигенное население определит фронт таким же образом, или с помощью тех же четырех ступеней»⁵⁹. И все же такой подход можно считать наиболее продуктивным, позволяющим выявить самые различные аспекты фронта как феномена.

Таким образом, фронт – это особое место (локус), особый период (темпоральность), особые ресурсы (особая экономика, утопия/дистопия) и особый образ жизни (трансгрессия, культурная регрессия и т.д.).

Локус фронта – это его особое свойство, оно имеет ярко выраженные онтологические и гносеологические черты. Этот подход позволяет отличать фронт от схожих явлений (граница, марш, лимес и т.д.): граница – это то, что разделяет, фронт – объединяет, граница ограничивает контакты, фронт обязывает их, навязывает и организует в зависимости от обстоятельств (условий). Фронт даже в значении фронта (военного) предполагает столкновение, взаимодействие, в конечном итоге – мир.

Если граница интерриториальна, то фронт – экстерриториален, он – *externum* (чужой, чужеродный, дикий, относящийся к иному времени и т.д.). В силу этого фронт всегда чужой, граница – своя. Если на границе четко определен порядок, она максимально институализирована, то фронт – хаотичен, нерегламентирован, чужероден. Лимес и граница выступают пределом, фронт же яв-

⁵⁹Там же, р. 25.

ляется передовой – фронтом, где нет четкой границы, он определяется только физическими возможностями сторон, и не является институализированной линией.

Темпоральность фронта также является сложным феноменом, требующим пояснения. Если сегодняшнее понимание слова «фронт» предполагает некий передний край (часто науки), определяющий ее будущее направление, то фронт в XIX в. – это некая символическая линия временного разлома. По одну сторону от нее располагаются люди настоящего (европейцы, наделенные всеми чертами цивилизованных народов), по другую сторону живут люди, символизирующие прошлое (дикость, варварство и т.д.). На фронте прошлое и настоящее тесно переплетаются, формируя свой временной континуум, где выкристаллизовывается будущее. Недаром, для Тернера фронт – территория, где формировалась будущая Америка. Возможно, это имело место на самом деле, ведь процесс строительства фронтных городов, появление технических новинок происходил здесь особенно быстро, не так как на Востоке, где эволюционные процессы были менее заметны. На Диком Западе этот переход принимал резкие, революционные формы.

Экономическая составляющая фронта не требует особых пояснений, это территория неограниченных возможностей, так как у самого фронта нет пределов. Здесь перед всеми людьми (по обе стороны цивилизационного разлома) открываются новые возможности, так как все они являются носителями новых ресурсов: аборигены обладают природными ресурсами, белые – технологическими новинками, которые в свою очередь превращаются в ресурсы, и т.д. Конечно, при всем кажущемся равноправии всех участников, одни всегда оказываются в преференциях, так как, как правило, одна сторона получает больше выгоды от ресурсов, что способствует ее дальнейшему развитию.

Модус вивенди, т.е. образ жизни, фронта всегда особый. Это не является исключением для всех его участников – и белых, и аборигенов. Фронтмэн – всегда Чужой или Другой, даже для своих. В этом плане показателен образ Кожаного Чулка, нарисо-

ванный Ф. Купером. Абориген же всегда выступает максимально Чужим, так как во всех отношениях он пограничен (морально, духовно, алиментарно, вестиментарно и т.д.). Именно поэтому он язычник, поганый (от лат. «паганос» – язычник), басурманин и т.д. Его модус вивенди в глазах прибывших всегда аксиологически окрашен, и чаще всего в негативный цвет. Все это приводит к тому, что начиная еще с античности, в европейском дискурсе появляется унифицированный имагинативный (т.е. выдуманный) дикарь.

Правда, история российского фронта знает и множество других принципов взаимоотношения с Чужим. Во многом на характер этих отношений играл тот факт, что длительный период времени русские княжества находились под властью Золотой Орды. Таким образом, золотоордынцы, хотя и были Чужими, свирепыми, кровожадными, однако, между ними и русскими не было непроходимой пропасти. Во множестве случаев с ними шел активный культурный диалог, заканчивавшийся привлечением различных представителей татарской знати на службу в Московское государство.

Вопросы к разделу.

1. Кто впервые заговорил о фронтире как об особом феномене?
2. Бюро Переписи США в 1790 г. определило фронтир как местность, на которой...?
3. Какой подход положен в основу классификации фронта Р.А. Биллингтоном.
4. Какие подходы к изучению американского и русского фронтиров отечественными учеными можно выделить?
5. Какую роль играет литературная деконструкция исторического источника в анализе культурного диалога на фронтире?
6. Какие формы культурного диалога преобладали на раннем этапе американского фронта?

7. Почему межрасовый брак приобретает популярность именно на раннем этапе фронта?
8. С социально-экономической точки зрения, какие волны освоения фронта можно выделить?
9. Каково влияние строительства фортов на культурный фон американского и русского фронтов?
10. Какую дату можно считать датой окончания фронта?
11. В чем своеобразие этапа постфронта?

1.2. Нижневолжский фронт

После падения Казанского и Астраханского ханств (1552-54 гг.) Среднее Поволжье и Нижняя Волга перешли под контроль России. В результате этих действий в состав России вошла огромная территория, которая лишь номинально стала русской, т.к. у Москвы не было возможностей ее контролировать в полной мере. Подобный контроль был возможен лишь при наличии множества гарнизонов на этой территории. И подобные крепости начинают сооружаться. Они призваны контролировать стратегические пункты на новой территории. В 1555 г. Иван Грозный учредил новую стражу для контроля на «волжских перевозах». Эта задача по контролю за данной территорией была поручена стрельцам и казакам. Несмотря на некоторую мобильность подобных частей и наличие укреплений по всей территории от Волги до Крыма, эти земли оставались практически неосвоенными, находясь частично под контролем различных ногайских орд, кочевавших на этой территории. Спасало ситуацию лишь то, что среди ногайцев не было единодушия, их раздирали внутренние противоречия, заставляя некоторых из них искать поддержки у Москвы.

Как нам кажется, в Поволжье возникла ситуация, близкая к ситуации американского фронта в XIX в. Претензии США на огромную территорию к западу от Миссисипи могли осуществиться лишь при наличии множества фортов на этой территории. Влия-

ние американцев не простиралось дальше территории нескольких километров за пределами форта.

Правда, были и некоторые отличия. «Эпоха фортов» на американском фронтире – явление относительно позднее. Ей предшествовал длительный период предфронттира – эпоха трапперов (охотников и скупщиков меха) агентов торговых компаний и т.д. Это были одиночки, жившие согласно индейским традициям, женившиеся на индианках, пользовавшиеся в результате этих браков, покровительством племени, принимавшие язык и обычаи других народов. Примечательно, что чаще всего это были не англичане или американцы, а канадские французы.

Приток новых поселенцев на территорию к западу от Миссисипи потребовал от американских властей ужесточения контроля за этой территорией. Многие переселенцы просто не хотели жить по новым условиям, рассматривая индейские земли, на которых они селились, как свои собственные. 30 июня 1834 г. был принят закон о регулировании торговли и отношений с индейскими племенами и о поддержании мира на границе с Индейской территорией, которая на вечные времена закреплялась за индейцами. Теперь ни один белый торговец не мог торговать на индейской земле без лицензии. Никому из белых также не позволялось переселяться на постоянное место жительства на индейские земли. На американскую армию возлагалась задача по наведению порядка на границе. Но еще до принятия этого закона, сотни и тысячи переселенцев уже переселились за установленную границу, поэтому в срочном порядке потребовалось передвинуть ее за 95 меридиан. Для «поддержания мира» американской армии предписывалось создать ряд фортов: Снеллинг на р. Миссисипи, Аткинсон и Ливенворт на р. Миссури, форт Гибсон и форт Смит на р. Арканзас, Таусон на р. Ред-Ривер и Джезап в Луизиане.

Но строительство новых факторий и военных фортов привело к противоположным результатам, дестабилизировав обстановку на фронтире. У американцев никогда не было реальной военной угрозы со стороны индейцев на фронтире. Форт не контролировал ни-

каких ключевых пунктов, так как не существовало стабильных торговых путей, таких как, например, волжский путь. Напротив, стремление военных к чрезмерному контролю на подвластной им территории, как правило, приводило к военным столкновениям с индейцами.

Напротив, стремление России к контролю на южном направлении исходило из необходимости обезопасить свои торговые интересы с Востоком через Астрахань. Наличие сильных противников в лице Крымского хана и ханов Малой ногайской орды делало волжские крепости и казачьи станицы единственной возможностью противостоять этим угрозам. Такие крепости, как Астрахань, не только не вносили диссонанс в отношениях с местным населением, но и часто служили для этого населения единственной защитой от нападений со стороны крымчан, малых ногаев или донских казаков. Правда, местному населению не разрешалось жить в этих крепостях, и они вынуждены были селиться рядом. Таким образом, два общества существовали рядом, не смешиваясь друг с другом: стрельцы за крепостными стенами, ногайцы – рядом за стенами. Так как им не разрешалось возводить стены вокруг своих селений, Астрахань и другие подобные крепости выступали гарантом безопасности для местного населения.

Помимо использования крепостей для поддержания стабильности Москва прибегала к старой излюбленной тактике: подаркам ногайской знати и использование заложников (детей или других родственников знати). Подобная практика была совершенно незнакома на американском фронтире. Там американские военные полагались на силу, а не на дипломатические механизмы. Российская дипломатическая традиция взаимоотношений с кочевыми народами имела более давнюю историю, чем традиция отношений американцев с индейскими племенами на фронтире. Территория к западу от Миссисипи, с точки зрения американцев, – это дикая территория (WildWest), населенная дикими зверями и дикарями (Дикий Запад). Из сознания американцев сложно было вытеснить образ дикаря, о чем очень хорошо свидетельствуют слова американского президен-

та Э. Джексона, заявившего, что у «индейцев нет ни ума, ни промышленности, ни морали, ни желания совершенствоваться»⁶⁰. Эти идеи высказывались не только президентом США, но и многими другими американцами, уверовавшими в превосходство американцев над другими народами и особенно индейцами, что в конечном итоге вылилось в так называемую Доктрину Явного Предначтения американской нации, избранной богом⁶¹. Согласно этой доктрине, американцы имели все права на завоевание территории им не принадлежавшей.

В отличие от американской модели, дети вождей кочевых народов очень часто становились частью российского аристократического общества. Между ними и русской аристократией не было непроходимой пропасти. Даже дети бывших противников Москвы могли найти там поддержку и покровительство. Достаточно упомянуть детей ногайского мурзы Юсупа, убитого его братом Исмаилом. В 1565 г. дядя отослал своих племянников Иль-Мурзу и Ибрагима в Москву, чтобы отдалить их от родной территории, тем самым лишив их возможности дальнейшей борьбы за власть. Несмотря на то, что мурза Юсуп был противником Москвы, его дети были обласканы в столице и в дальнейшем получили княжеские титулы, положив основу знатному роду князей Юсуповых. Но Юсуповы не были исключением, подобное случалось и ранее. Тюркское происхождение имели и многие другие княжеские роды в России: Уваровы, Аракчиевы, Кутумовы, Шейдяковы и т.д. Типичным примером подобных отношений может быть судьба одного из казанских ханов – Абдул-Латифа (1475-1517, правил в Казани 1497-1502 гг.). Еще в детстве он был вывезен матерью в Крым, а в 1490 г. поступил на службу к Московскому царю, за что получил в правление Звенигородский удел. При поддержке казанской знати он был посажен в 1497 г. на Казанский трон, но позднее, в силу стремления к независимости от Москвы, Абдул-Латиф был низложен и сослан в

⁶⁰Цит. по: White R. A New History of the American West, Norman, 1991, p. 89.

⁶¹ White R. A New History of the American West, p. 73-75.

Белоозеро. В 1508 г. при поддержке различных покровителей он был выпущен на свободу и даже вновь получил удел в правление. Но в 1512 г. удача снова изменила Абдул-Латифу, он был обвинен в измене и вновь сослан, а в 1516 г. казанцы вновь просили Московского царя отпустить его на трон в Казань. Правда, на трон он не был посажен, но Москва простила его и признала его право считаться наследником казанского трона.

Аналогична судьба и последнего астраханского хана Дервиш-Али. Он, как и Абдул-Латиф, то оказывался на службе у Москвы и даже был провозглашен ханом Астраханского ханства (1554), то попадал в опалу и изгонялся (1556). В 1552-54 гг. он также правил в Звенигороде, который часто становился удельным уездом для многих тюркских царевичей и князей.

В отличие от американского фронта в отношениях Московских властей с местным населением, и особенно с местной властью не было столь сильного антагонизма и цивилизационного разрыва. Внешняя политика по отношению к этим территориям и народам никогда не строилась по принципам цивилизационной доктрины, аналогичной доктрине Явного предназначения в США, согласно которой американцам самим богом была уготована цивилизационная миссия завоевания западных территорий и покорения диких народов.

Правда, не следует полагать, что ситуация на южнорусском фронтире была аналогична положению на других российских фронтах. Как нам кажется, сибирский фронт в этом отношении более близок к американскому варианту, чем южнорусский.

Но есть между южнорусским и американским фронтами еще одно существенное различие. В последней трети XIX в. фронт в США постепенно превращается в совершенно новое уникальное явление – постфронт. Индейцы оказываются замиренны и помещены в резервации. Многих индейских вождей приглашают в Белый дом и внимательно выслушивают их жалобы. Индейские дети начинают посещать школы в резервациях, возникает не многочисленная, но все же индейская интеллигенция. Американцы при-

ходят к пониманию необходимости переосмысления свое еще не-давнее «героическое» прошлое и все чаще слышатся голоса в защиту индейцев. Прошло всего лишь 50 лет после индейских восстаний 60-х гг. XIX в., но сознание американцев изменилось кардинальным образом.

Южный фронт в России развивался совершенно по другому сценарию. В первой половине XVII в. к уже имеющемуся кочевому компоненту (ногайцам) добавился еще новый – калмыки, и Москве пришлось лавировать между старыми союзниками и новыми. Появление сильного и многочисленного народа в сложном регионе, который к началу XVII в. только начинал обретать стабильность, полностью дестабилизировало обстановку в южном направлении. Москве пришлось искать новые формы взаимоотношений с новыми союзниками.

К сожалению, Москве так и не удалось найти действенные механизмы для взаимоотношений с калмыками и ногайцами. В конечном итоге значительная часть ногайцев откочевала на запад и попали под влияние Крыма и Османской империи, превратившись из союзников в противников Москвы. Кроме этих двух компонентов, Москву постоянно беспокоил еще один нестабильный союзник – казаки. Эти люди фронта – настоящие фронтирмены, не могли и не желали жить в состоянии мира со своими соседями.

В этом плане ситуация на Нижней Волге была во многом идентичной американской ситуации на фронте в первой половине XIX в.: враждующие друг с другом индейцы, переселенцы, военные – у каждого была своя правда, свои интересы, свои методы решения конфликтов.

Местная администрация на Нижней Волге просто не успевала решать все споры сторон, и казаки, и калмыки хотели жить по своим собственным законам (хотелось бы сказать «законам револьвера», но он к тому времени еще не был изобретен). Более того, часто бывшие противники (калмыки и ногайцы) объединялись для нападения на русские крепости, селения и казачьи станицы. В 70-е гг.

XVII в. нестабильность здесь усиливается из-за восстания Степана Разина.

Некоторого мира и стабильности на Нижней Волге удалось достичь лишь в XVIII в. в петровскую эпоху, хотя эта территория не перестала быть фронтиром: численность русского населения была явно незначительной, количество городов и крупных поселений также мало. Эта территория все еще оставалась плохо обжитым краем, контактной зоной разных народов, где царили свои законы. Как гласила пословица того времени: «на Волге жить – ворами слыть». Здесь русская речь перемежалась татарской, калмыцкой, черкесской, украинской или персидской. В этом культурном пограничье как в плавильном котле формировался новый этнический характер с особыми традициями, предпочтениями, говором и нравом.

Богатства края манят сюда самый разнообразный люд. Нижняя Волга в плане рыбных запасов и возможности выжить, прокормить себя воспринималась как страна изобилия. Вот как описывает отношение бродячего люда к перспективам, раскрывающимся перед простым народом на южном фронтире русский поэт И.С. Аксаков в своей поэме «Бродяга» (1848). В начале поэмы бродягикрестьяне, убежав от своих помещиков и отчаявшись найти лучшей доли, уговаривают друг друга идти на Астрахань:

*Послушай и отправляйся смело,
Хоть в Астрахань! Ступай по Волге вниз,
Да к бурлакам; там люд удалый сбродный;
Другой такой губернии народной
И не найдешь... Татарин и Киргиз,
Калмык, Бухар, Трухмены, да Армяне....⁶²*

Эта этническая полифония, да и само определение «народная губерния» как нельзя лучше говорят за себя, подтверждая нашу мысль, что перед нами типичная фронтальная территория. Важно и то, что определение «народная губерния» не было выдуманно И.С.

⁶² Аксаков И.С. Бродяги // Московский сборник. М., 1852, т. 1., с. 420-421.

Аксаковым, о чем он и писал в примечаниях к своей поэме. Он услышал его от одного саратовского крестьянина⁶³.

Здесь же мы находим и другое меткое выражение про астраханские богатства:

*«Про Астрахань пословицу слышал,
Что осетра мужик в печи поймал?»⁶⁴.*

Есть и другие приметы волной жизни в дельте:

*«А там гуляй, как водяная мышь,
То в море ты, то на берег в камыш!
Ну, половил, понажился немного...
Не по душе, не взлюбишь сторону:
Валяй себе, гуляй до Таганрога!»⁶⁵...*

Богатства Волги под Астраханью манят бродяг, представляются им некоторой фантастической землей с бесконечными запасами. Старик, уже побывавший в Астрахани, так описывает ее богатства:

*«Вот там-то, брат, там золотое дно:
Белугами полнѣхонько полно!
Осетр, тюлень, севрюга... словно в сборе!..
Уж прибыльно! В весенний ранний лов
Кишма кишат они у берегов,
Сплошной стеной стоят под учугами!...
Ей богу, так! Пошлиб, узнали сами!
Да что ловцы! Весной, поверишь ты,
Руками девки ловят за хвосты, –
Так, в лодочке шая одновесельной!»⁶⁶*

Здесь перед нами, хотя и в поэтическом переложении Аксакова, мы видим типичный образчик представлений о сказочной стране, расположенной где-то далеко и манящей своими несметными богатствами. А к несметным рыбным запасам сюда следует

⁶³ Там же, с. 420.

⁶⁴ Там же, с. 419.

⁶⁵ Там же, с. 425.

⁶⁶ Там же, с. 418-419.

добавить и другие ресурсы. Одним из важнейших стимулов продвижения американцев на Дикий Запад была торговля мехами. Но еще раньше в колониальный период в XVII в. велись, так называемые, «бобровые войны» (1640-1701) между индейцами, французами и англичанами за обладание охотничьими угодьями на пушного зверя.

Примечательно, что торговля пушниной (мягкой рухлядью) и кожами характерна была не только для американского фронта, но была характерна и для нижневолжского фронта с центром в Астрахани. Сам факт того, что слово «астрахань» во всех европейских языках помимо собственно географического наименования стало обозначать и еще «каракуль», а также и изделия из него, говорит сам за себя. На Нижней Волге велась сама разнообразная торговля со странами Востока, причем это была не только транзитная торговля, но и собственное производство кожаных и шерстяных изделий. Конечно, нет ничего удивительного, что именно меховые и кожаные изделия являлись теми товарами, которые получали наивысший спрос в определенные периоды истории. И хотя до сих пор меховые изделия и попадают под категорию предметов роскоши, однако, вряд ли они могут доминировать среди экспортируемых товаров каких-либо стран, да и современные меховые изделия – скорее продукт промышленных технологий звероводческих ферм, чем результат охотничьего промысла. Вместе с тем на земном шаре остается еще множество мест, где промысел животных (меха, кож и т.д.) играют важную роль в региональной экономике. Как правило, это территории с неразвитой экономикой, что еще раз подтверждает правоту выводов К.М. Бэра, А.П. Щапова и Н.М. Ядринцева о примитивном характере региональных экономик, ориентированных на отстрел редких животных. Хотя, как нам кажется, Ядринцев переоценивал роль земледелия в колонизации новых земель.

Особую статью доходов, как в Сибири, так и на южнорусском фронте, составляли ловчие птицы, продажа которых, особенно иностранцам, регламентировалась специальными законами. Соколов, ястребов, беркутов и другую ловчую птицу было запрещено

продавать на вывоз в Персию, Среднюю Азию и другие страны вплоть до XIX в. Хотя эти птицы в Астрахани и стоили не очень дорого, однако, это была особая статья доходов казны, которая тщательно контролировалась, возможно, именно отсюда и вошло в ловчий арсенал выражение мытиться («линять») для соколов и других хищных птиц, так как первоначальное значение слова «мытиться» было «платить таможенную пошлину» (ср. таможня – «мытный двор»). Подобная птица, как правило, входила в число царских подарков во время посольств в страны Востока, и, чтобы не снижать ценность дара, подносимого иностранному правителю от русского царя, продажа ловчей птицы за рубеж была строго ограничена.

Однако, ловля и продажа этой птицы продолжали играть заметную роль в хозяйственной жизни российских фронтиров, ежегодно при Алексее Михайловиче в отдаленные уголки отправлялись ловчие для поимки соколов и кречетов для царской охоты. В его царствование на потешных дворах содержалось несколько тысяч ловчих птиц. Естественно, что хорошо натасканные на дичь птицы высоко ценились в подарках, направляемых к восточным правителям. Цена такой птицы доходила порой до 1000 рублей⁶⁷.

Хотя данный вопрос напрямую не имеет отношения к анализируемой проблеме, однако символика несметных богатств весьма характерна для фронтальных территорий.

Но, как нам кажется, сравнивая американский фронт с ситуацией на Нижней Волге, невольно приходишь к выводу, что между этими двумя типами пограничья нет прямых аналогий при множестве мелких совпадений. В России никогда не было предфронта, т.е. ситуации аналогичной той, когда на территории индейских племен существовали лишь немногочисленные фактории белых охотников или торговцев. Изначально на этой территории существовали свои государственные объединения (Астраханское ханство, Большая и Малая ногайские орды), и России приходилось

⁶⁷ Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов Великорусского народа в XVI и XVII столетиях. Санкт-Петербург, 1860, с. 149.

учитывать эту специфику. Если к созданию фортов Америка подошла на фронтире относительно поздно, то Россия вынуждена была сооружать здесь свои крепости сразу же после перехода этой территории под ее контроль.

Переход к постфронтиру в России так и не наступил. В Штатах постфронтир означал переоценку действий американцев на территории к западу от Миссисипи, созданию индейской элиты, аккультурацию индейских племен, поиск американской самобытности с индейскими корнями и индейской истории. В России тюркская элита признавалась и инкорпорировалась с самого начала, русские или национальные школы на территории татар, ногайцев или калмыков начали действовать очень поздно, хотя местная национальная элита постепенно формировалась, достаточно вспомнить калмыцкого хана Тюменя, которого посетил французский писатель А. Дюма. Однако пересмотра прошлой истории России так и не наступило. История других народов, проживающих на этой территории, к сожалению, все еще остается мало изученной, и ученые ведут ожесточенные споры по многим вопросам этнической истории местных народов. Взять хотя бы вопрос о происхождении астраханских татар.

И все же, несмотря на множество несовпадений и даже кардинальных различий, сопоставление американского фронта с российским аналогом на Нижней Волге дает нам богатую пищу для размышлений и, главное, позволяет использовать многочисленные методологические наработки американской науки применительно к нашей истории. Вот некоторые из них: изучение гендерной истории российского фронта, использование постколониальной теории для анализа процессов культурной коммуникации, изучение образа Другого и Чужого, изучение проблемы работорговли в этом регионе и т.д.

Фронтальная методология может помочь понять особенности развития регионального социокультурного пространства. Ответить на вопрос, почему Астраханская губерния неоднократно оказыва-

лась в авангарде многих культурных, социальных и экономических явлений, опережая в этом вопросе Москву и Санкт-Петербург.

К сожалению, многие из подобных вопросов так и остались неисследованными в отечественной историографии. В основном упор делался на изучение лишь государственной политики Москвы по отношению к кочевым народам, анализ системы действий и противодействий. Однако такой подход может породить лишь однобокую картину межкультурных отношений в этом регионе.

Особо хотелось бы подчеркнуть, что фронтирная региональная тематика еще плохо актуализирована в региональном дискурсе. Как правило, фронтирная память продолжает функционировать лишь в узком этническом культурном ландшафте, оставаясь изолированной или плохо инкорпорированной в общенациональное культурное пространство.

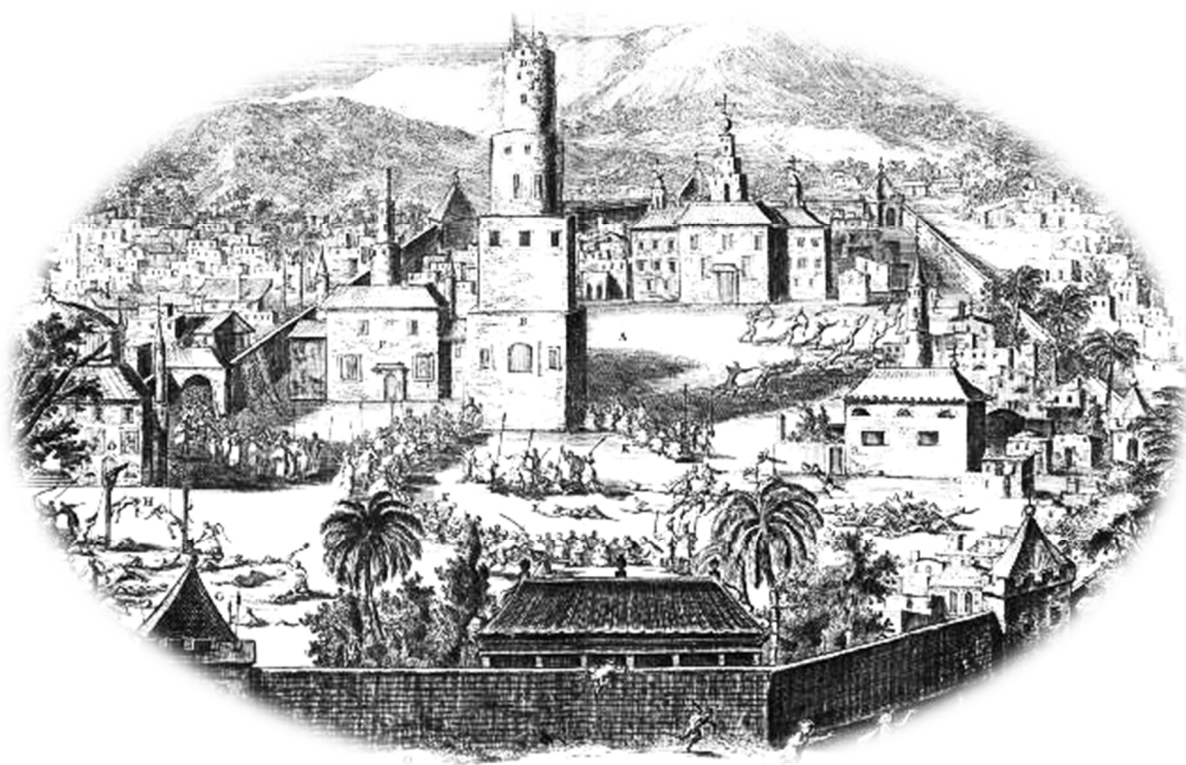
Выход за рамки традиционных подходов к изучению установления влияния России на ее южных рубежах поможет лучше понять законы формирования культурного пространства в этом регионе.

Вопросы к разделу:

1. Почему Москва стремилась контролировать южное направление?
2. Какова была политика Москвы в отношении местной знати?
3. В чем схожесть и в чем различие южнорусского и американского фронтиров?
4. Назовите отличительные черты Нижневолжского фронта.
5. Какие фронтирные ресурсы являются наиболее значимыми для освоения новых территорий?
6. Какое значение у слова «астрахань» в европейских языках помимо наименования города?
7. Почему существовал запрет на продажу иностранцам ловчих птиц?
8. Завершился ли, по вашему мнению, этап фронта на Нижней Волге?

Культурная память и культурное наследие

Глава 2. Культурная память и культурное наследие: взаимосвязь понятий

2.1. Как возникло понятие «культурное наследие»?

Прежде чем понять, какое место занимает культурное наследие в нашей жизни, мы должны разобраться с категориями, связанными с этой проблематикой.

Категориальный анализ терминов, связанных с историческим и культурным наследием человечества и культурной памятью, неоднократно привлекал внимание отечественных и зарубежных исследователей. Однако именно в середине XX в. он стал методологически необходимым и достаточно трудоемким процессом, что хорошо выразила в своем высказывании) австралийский эксперт, директор отдела по сохранению культурного наследия ЮНЭСКО-Линдел Протт: «В то время как эксперты культуры в различных сферах имеют достаточно ясное представление о предмете своего исследования, официальное определение культурного наследия – одна из самых сложных точек преткновения для ученых»⁶⁸. Терминологический анализ в данном случае является не просто софистическим теоретизированием «по поводу...». От выбранного и устоявшегося на официальном уровне понятия, его объема и контекста зависит культурная политика не только отдельных государств, но мирового сообщества в целом, а отсюда и то – что, где, когда и как мы будем сохранять.

История использования этой терминологии непростая. Ее смена отражает эволюцию отношения мировой общественности к самому культурному наследию и превращение проблемы его сохра-

⁶⁸ Prott L. V. Problems of Private International Law for the Protection of the Cultural Heritage, Recueil des Cours / Hague : Academic de Droit. 1989. Vol. 5.P. 228.

нения сначала из частной в государственную, а затем и в общемировую.

Считается, что первое упоминание о памятниках старины как о недвижимых памятниках истории и культуры можно найти в законе Государственного совета Швеции от 28 ноября 1666 г.

С начала XVIII века во Франции с легкой руки Роджера де Гейньера и Бернарда де Монтфуко и вплоть до конца XX в. для утверждения подлинности и историчности памятников, требующих сохранения, использовался термин «*monument*» (памятник). Особое место в культурной иерархии наследия Франции до сих пор занимают памятники, которые имеют статус «*monument historique*». Он присваивается государством объектам большой культурной ценности. Такой статус могут получить как недвижимые (здания, скульптура, сады, исторические комплексы), так и движимые объекты (мебель, архивные документы и т.д.) Существует специальный реестр французских исторических памятников – «База Мериме».

Параллельно с термином «*monument*» во Франции употреблялся термин «*patrimoine*» (достояние), получавший в разное время разное значение. Первоначально он использовался в юридической практике и обозначал вещи, передаваемые по наследству от родителей к детям, т.е. достояние семьи и личности. Позднее, после Французской революции он начал применяться к общенациональным ценностям. Национальное наследие, представлявшее собой национализированную собственность короля, стало рассматриваться как общественное достояние. Этот процесс национализации, который явился параллельно и процессом секуляризации, пошатнул принятый с древнейших времен символический порядок сохранения исторической памяти. В современном значении термин «*patrimoine*» был впервые использован 4 октября 1790 в петиции к Избирательному собранию, направленной Мэйсонружем, (Francçois Puthodde Maisonrouge) который пытался убедить эмигрантов преобразовать их семейное наследие в национальное. С 1931 г. при помощи международных институтов, понятие «*patrimoine*» стало неотъемлемой частью официального дискурса, когда на Афин-

ской конференции (1931) Еврипид Фондукидис (Euripide Foundoukidis), генеральный секретарь международной ассоциации музеев, использовал термин «patrimoine» для характеристики художественного наследия. В 1978–1980 гг. во Франции термин «patrimoine» был окончательно принят как правительством, так и общественностью. Таким образом, мы видим, что во Франции используются параллельно как обобщающий философский термин «*patrimoine*», так и более точечный «*monument historique*», применяемый к конкретным объектам.

В английской традиции все что связано с культурным наследием обозначается сложным терминологическим рядом: «*cultural heritage*», «*cultural patrimony*», «*cultural property*», «*physical cultural resources*», «*indigenous*», «*traditional knowledge*», «*folklore*». Причем и там с размежеванием этих терминов возникают серьезные сложности.

Из ряда используемых понятий всего три термина как бы почти тождественны в русском переводе: «*cultural heritage*», «*cultural patrimony*», «*cultural property*». Традиционно в научных работах их переводят как «*культурное наследие*». Однако словари дают возможные варианты и нюансы их перевода. Так, для термина «*cultural patrimony*» есть вариант перевода как церковное имущество или семейное наследие. Однако, как юридический термин он не очень популярен. В США он употребляется в основном в значении прав индейцев на свои артефакты, хранящиеся в музеях.

Нет и какой-либо общепринятой убедительной расшифровки объема понятия «*cultural property*» (культурная собственность, культурное достояние), которое наиболее часто использовалось в официальных документах ЮНЕСКО и западной научной литературе последней трети XX в. Двойственность перевода этого термина может сбить с толку, и велик соблазн в русском переводе воспользоваться термином «*культурное достояние*».⁶⁹

⁶⁹Надо заметить, что в русском языке объемы понятий «культурное наследие», «культурное достояние» и «культурная собственность» соотносятся несколько иначе, нежели ан-

Однако контекст употребления термина «culturalproperty» в официальных документах и теоретических работах 70-80-е годов XX в. приводит нас к выводу о том, что он употреблялся в смысле «культурной собственности». Под ним (в русском переводе – «культурное наследие») традиционно понимались выдающиеся памятники истории и культуры, прежде всего недвижимое наследие, собственность. Это связано с принятием в 1972 г. на XVII сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО «Конвенции об охране Всемирного культурного и природного наследия» и появлением перечня культурного наследия ЮНЕСКО.

К культурному наследию на тот период ЮНЕСКО относит *памятники* – произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки; *ансамбли* – группы изолированных или объединенных строений, чья архитектура, единство или связь с пейзажем представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки; *достопримечательные места* – произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие собой выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии⁷⁰. В этом аспекте термин «immovablculturalproperty» (недвижимая культурная собственность) был достаточно определен и понятен. Однако здесь возникал целый ряд проблем. Объем данного понятия был ограничен, и огромный пласт человеческой культу-

глийские «culturalheritage», «culturalpatrimony», «culturalproperty». Русский термин «культурное достояние» является среди них наиболее широким и включает как временные, так и географические параметры. Если термин «наследие» в определенных случаях семантически может иметь негативную окраску (тяжелое наследие тоталитарного режима), то термин «достояние» имеет ярко выраженную позитивную аксиологическую характеристику.

⁷⁰ Рекомендации об охране в национальном плане культурного и природного наследия. ЮНЕСКО 16 ноября 1972 г.

ры, требующий бережного внимания и сохранения, выпадал из поля зрения официальных структур. Все чаще в научных кругах возникала мысль о включении в понятие «culturalproperty» и движимых объектов. Тогда термин становился слишком широким и расплывчатым. Понятие «культурная движимая собственность», подразумевавшее в том числе и объекты искусства, книжные редкости и т.д. сразу попадало в сферу политических и церковных интересов. Встал вопрос о том, кому принадлежат «перемещенные» ценности, украденные, вывезенные в течение веков в другие страны, а так же изъятые их ризниц и соборов предметы культа.

В 1986 г. Дж. Марриман в статье «Два подхода к культурной собственности»⁷¹ выделил две парадигмы в разгоревшихся на тот момент дебатах о движимой культурной собственности. Одна парадигма была построена на признании всех объектов искусства, археологии, этнографии общечеловеческим культурным достоянием и независимости их местоположения от первоначальных прав собственности и национальной юрисдикции. Другая парадигма привязывала все культурные ценности к стране (или группе лиц – этнической или конфессиональной) их происхождения и делала их узконациональным достоянием. Таким образом, термин «culturalproperty» имел свои ограничения и внутренние подводные камни. Уже тогда становится понятным, что этот термин не охватывает всей полноты и богатства обозначаемого объекта, а понятие собственности существенно ограничивает его применение. То, что работало для обозначения недвижимых объектов культуры, не работает в более широком контексте. Стало ясно, что в глобализирующемся и бурно унифицирующемся мире из культуры народов исчезает то, что очень трудно материализовать и обозначить как памятник, ансамбль или достопримечательное место. Это – нечто нематериальное, неуловимое, что является основой нашей национальной самоидентификации и что заложено первоначально в самом английском

⁷¹Merryman J.H. “Two Ways of thinking about Cultural Properties”, American Journal of International Law, Vol. 80, No. 4, October 1986.

термине – традиции, обычаи и т.д. Понятие «*culturalproperty*» (культурная собственность) постепенно начало заменяться понятием «*culturalheritage*» (культурное наследие) в Европейских конвенциях и в принципах, на которых они основаны, и одновременно этот терминологический переход обозначил и смену культурной политики.

Правда, английский термин «наследие» (*heritage*) тоже неоднозначен. Он переводится и как собственно наследование, наследие, и как традиция, и как в библейском варианте церковь и древний народ Израиля. Дело усложняется, как мы уже показали выше, наличием богатого терминологического поля самой проблемы и путаницей в использовании понятий, а также схожестью звучаний и различие в трактовке английских и французских терминов. Но именно термин «*heritage*» на данный момент является наиболее употребляемым и устоявшимся в международной практике и используется как в английском языке.

Американский дискурс в целом следуя за общепринятым в ЮНЕСКО имеет, как и во Франции свои особенности. Так в американской традиции особое место занимает понятие «*National Historic Landmark*» - национальный исторический памятник, под которым понимается объект, занесенный в Национальный реестр исторических мест США и признаваемый государством особой историко-культурной ценностью.

В настоящий момент в российском научном дискурсе тоже существует целый ряд терминов, связанных с нашей проблематикой: памятник, монумент, памятник истории и культуры, культурная ценность, физический исторический ресурс, культурное наследие, имеющих разную смысловую нагрузку.

Наиболее ранним, простым и точечным, является понятие памятник, происходящее видимо от русского слова *память*. Даже более позднюю кальку европейского термина «монумент» (*monument*), в «Большом энциклопедическом словаре» определяют как *памятник* значительных размеров, предполагающий масштабное, ансамблевое художественное решение.

Сейчас достаточно сложно выделить точное время появления термина. В России еще Петр 1 издал указы об охране российских памятников в 1718-1722 гг. До начала XIX вк памятникам причислялись только предметы музейных коллекций, архитектурные комплексы к памятникам не относились. Только в 1822 г. Архитектурные объекты впервые были причислены к памятникам в официальных документах, 1826 г список охраняемых объектов был дополнен замками, крепостями и «другими зданиями древности», а затем Указом Синода от 1842 г. к ним же были отнесены и церковные здания.

В российском дискурсе XVIII –XIX веков употреблялись термины «памятник древности», «памятник старины», «куриозные вещи», «что зело старое и необыкновенное», «раритеты», «археологические древности» и т.д.

Первая попытка дать научная определение понятию «памятник» была дана в конце XIXв. при подготовке членами Московского археологического общества, так и не принятого проекта Закона об охране памятников⁷². Это понятие на тот момент охватывало движимые и недвижимые памятники, такие как курганы, здания, городища, рукописи, иконы, фрески, скульптуру и другие объекты.

Термин «*памятник истории и культуры*» стал использоваться официально в СССР уже после принятия Гаагской Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (14 мая 1954). И если в английской версии официальным на тот момент являлся термин «*cultural property*»⁷³ - культурное имущество, культурное достояние, то в российском варианте он был ошибочно переведен как «культурные ценности», что в корне поменяло философский и этический подтекст терминологии.

⁷²Кулемзин А. М. Правильное определение предмета памятничкоохранительной деятельности - начало ее успеха // Клио. СПб.: Нестор, 1998. С. 134.

⁷³TheHagueConventionof 1954, Paris, UNESCO, 1993. p.15

Однако в нормативных советских документах термин «*памятник истории и культуры*» появился только в 1965⁷⁴. В положении об охране и использовании памятников истории и культуры 1982 г. дается дефиниция этого понятия: «Памятниками истории и культуры являются сооружения, памятные места и предметы, связанные с историческими событиями в жизни народа, развитием общества и государства, произведения материального и духовного творчества, представляющие историческую, научную, художественную или иную культурную ценность». ⁷⁵ Далее дана и классификация памятников. Они разделяются на:

а) памятники истории - здания, сооружения, памятные места и предметы, связанные с важнейшими историческими событиями в жизни народа, развитием общества и государства, революционным движением, с Великой Октябрьской социалистической революцией, гражданской и Великой Отечественной войнами, социалистическим и коммунистическим строительством, укреплением международной солидарности, а также с развитием науки и техники, культуры и быта народов, с жизнью выдающихся политических, государственных и военных деятелей, народных героев, деятелей науки, литературы и искусства;

б) памятники археологии - городища, курганы, остатки древних поселений, укреплений, производств, каналов, дорог, древние места захоронений, каменные изваяния, наскальные изображения, старинные предметы, участки исторического культурного слоя древних населенных пунктов;

в) памятники градостроительства и архитектуры - архитектурные ансамбли и комплексы, исторические центры, кварталы, площади, улицы, остатки древней планировки и застройки городов и других населенных пунктов; сооружения гражданской, промышленной, военной, культовой архитектуры, народного зодчества, а также свя-

⁷⁴Об организации Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры: Постановление Совета Министров РСФСР от 23 июля 1965 г. № 882 // Охрана памятников истории и культуры: сб. документов. М.: Советская Россия, 1973. С. 144

⁷⁵ Положение об охране и использовании памятников истории и культуры 1982 г 1.с. 1

занные с ними произведения монументального, изобразительного, декоративно-прикладного и садово-паркового искусства, природные ландшафты;

г) памятники искусства - произведения монументального, изобразительного, декоративно-прикладного и иных видов искусства;

д) документальные памятники - акты органов государственной власти и органов государственного управления, другие письменные и графические документы, кинофотодокументы и звукозаписи, а также древние и другие рукописи и архивы, записи фольклора и музыки, редкие печатные издания⁷⁶. Данная классификация, как мы видим, весьма идеологизирована.

В связи с распадом СССР начинается культурно-философская дискуссия о месте и характере памятника в русской истории и культуре. Это обусловлено было не только внезапно открывшейся возможностью свободы слова, но и отсутствием на тот момент действующего законодательства. (Закон 1978 г уже не действовал, а новый Федеральный закон № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» был принят только в 2002 г.)

После ратификации в РФ в 1992г. Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия (принятой ЮНЕСКО, Париж, 1972 г.), в российских официальных документах понятие «памятник истории и культуры» заменяется понятием «*объект культурного наследия*».⁷⁷

Переход от понятия «памятник истории и культуры» к термину «объект культурного наследия» является не только сменой категорий, но и индикатором появления новых подходов к историко-культурному наследию в мире. Сегодняшнее понимание культурного наследия включает не только памятники культуры и истории, но и окружающую их природную и территориальную среду, уни-

⁷⁶ Положение об охране и использовании памятников истории и культуры 1982 г 1.с.2

⁷⁷Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 08.11.2007) // СЗ РФ. 2002. № 26. Ст. 2519

кальные историко-ландшафтные территории, инженерные сооружения, нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, включая, таким образом, как материальные (физические), так и нематериальные (духовные) компоненты⁷⁸. В отличие от памятника, являющегося категорией точечной и нединамичной, объект наследия является частью целостной и развивающейся системы наследия.

Далее на официальном уровне в «Основах законодательства Российской Федерации о культуре» было дано определение термина «культурная ценность», как «нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты»⁷⁹. Там же дается и определение культурного наследия, которое представляет собой «материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию»⁸⁰. В данном случае наследие тоже определяется через понятие ценностей.

⁷⁸См.: Our Creative Diversity: report of the World Commission on Culture and Development. Paris, 1995; The Intergovernmental Conference on Cultural Policies for Development (Stockholm, 30 March - 2 April 1998); World Culture Report 2000 "Cultural diversity, conflict and pluralism"; Всемирный доклад по культуре. 1998 год. Культура, творчество и рынок. М., 2001. Цит по. Лисицкий, Андрей Викторович Культурное наследие как ресурс устойчивого развития Автореферат кан. Диссертации. Канд культурологи Москва, 2004.

⁷⁹Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 29.12.2006) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2008) // Российская газета. 1992. 17 ноября. № 248; 2006. 31 декабря. № 297. С.3

⁸⁰ Там же

На основании анализа международно-правовых актов ЮНЕСКО М.М. Богуславский приходит к выводу о категориальной тождественности понятий «культурные ценности» и «культурное наследие»⁸¹. Однако далеко не все исследователи отождествляют понятия «культурное наследие» и «культурная ценность». Так С. Н. Молчанов полагает, что термин «культурные ценности» шире и универсальнее понятия «культурное наследие», поскольку «культурное наследие (достояние) представляет собой особый случай культурных ценностей, то и категориальную проблематику культурного наследия (достояния) нужно рассматривать в более широком контексте – в контексте проблематики культурных ценностей»⁸².

На современном этапе в категорию «культурное наследие» имплицитно включаются такие понятия как «культурный ландшафт» и «культурное разнообразие». Такое увеличение объема понятия предполагает урегулирование дисбаланса культуры и природы, расширение культурного пространства, упразднение механизмов разделения памятников, посредством введения единого более общего термина. Достаточно универсальное определение культурного наследия дает П. Говард: культурное наследие «это то, что подлежит сохранению в настоящем ради возможности потребления в будущем»⁸³.

На современном этапе исследования в различных определениях культурного наследия фиксируются следующие факторы:

- фактор ретрансляции, передачи совокупного культурного опыта (Д.Лихачев, Э. Баллер, К. Хорунженко);
- информационный фактор (М.Е. Кулешова, А.В. Лисицкого);
- фактор культурного капитала (Матецкая М. В.);
- фактор защитного слоя, культурной безопасности (А.П. Романова С.Н. Якушенков);

⁸¹Богуславский М. М. Международная охрана культурных ценностей. М., 1979.С. 7-40.

⁸²Молчанов С. Н. Культурное право России. Информационный портал «Культурное право России» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.culturnoepravo.narod.ru>

⁸³Howard P. Heritage : management, interpretation, identity. Continuum : London, 2003.

- фактор музеефикации (О.Наварро);
- фактор культурной памяти (М. Хальбвакс, Я.Ассман, П. Нора).

Итак, комплекс понятий, объединённых категорией «культурное наследие» был охарактеризован с различных точек зрения: историко-эволюционной или типологической, аксиологической. Мы видим, что изменились не только категории, определяющие круг явлений, обозначаемых этим понятием, но и подходы к самому явлению. Сменивший понятие «памятник» «объект культурного наследия» не рассматривается уже как единичный, а характеризуется интегральной системой характеристик, куда обязательно входит ценностный аспект.

Параллельно процессу трансформации понятийного аппарата изменился и круг объектов культурного наследия. Первоначальные критерии ограничивались историческими и художественными ценностями, а в последнее время появились и дополнительные критерии: культурные ценности, ценности идентичности и взаимодействие объекта с прошлым (культурная память).

2.2. Культурная память и ее сигнификаты

Еще одно важное рабочее понятие, необходимое нам для осмысления специфики Нижневолжского фронта - «культурная память», оно связано непосредственно с понятием «культурное наследие», но по своему содержанию шире.

Память – это сложный психический процесс, который связывает в единую логическую цепь результаты человеческой деятельности – прошлой, настоящей и будущей. Память объединяет в единое целое познавательные процессы не только отдельного человека, но и человечества в целом. Сложность феномена памяти отражена в различных культурных формах: религии, философии, литературе, изобразительном искусстве.

Память это такая человеческая способность, которая позволяет человеку конструировать свой социум. Существует целый ряд категорий, связанных с памятью: индивидуальная, социальная, коллективная, историческая, коммуникативная, горячая и холодная память, места памяти и т.д. Все эти понятия, так или иначе, взаимосвязаны с культурной памятью.

Мы не рассматриваем сейчас физиологические аспекты памяти, а говорим о ее социальной стороне. *Социальная память* – это сложная взаимосвязь институтов, осуществляющих преемственность прошлого и настоящего. Практически любая из перечисленных нами выше видов памяти социальна. Прежде всего, в рамках социальной памяти можно говорить о коллективной и индивидуальной памяти, поскольку индивидуальная память так же социально обусловлена, как и коллективная, ибо не может существовать без социальных рамок и маркеров.

Коллективная память является более широкой категорией, чем индивидуальная. Все вышеперечисленные нами виды памяти, кроме индивидуальной, так или иначе относятся к коллективной памяти. Само понятие коллективной памяти впервые предложил и обосновал М. Хальбвакс в серии работ *Les Cadres sociaux de la mémoire* (1925) в русском переводе «Социальные рамки памяти» 2007; *Morphologie sociale* (1930), в русском переводе «Социальные классы и морфология». 2000; *La Mémoire collective* (1950). По Хальбваксу, любая память социальна и коллективно обусловлена, это память группы, фактор, который ее объединяет. Каждая социальная группа (семейная, религиозная) имеет свою память. Хотя каждая из форм коллективной памяти имеет свою специфику, но все они, даже, казалось бы, такая специфическая, как религиозная память, подчиняются общим законам коллективной памяти. Она, по словам Хальбвакса, «реконструирует прошлое с помощью настоящего»⁸⁴.

⁸⁴ М. Хальбвакс Социальные рамки памяти/Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.с.264

Хальбвакс вводит еще одно понятие – «рамки памяти». Это маркеры, на которые опирается индивидуальная память. Это «опорные пункты фиксации», которые очерчивают память определенного класса, коллектива. Коллективная память устремлена как в прошлое, так и в будущее. Каждая культура действует как некое связующее звено между социальным слоем прошлого и настоящим.

Важнейшей составной частью коллективной памяти является культурная. Понятие «культурная память», как и многие другие понятия, связанные с дифференциацией социальной памяти, это продукт XX в., когда появилась возможность учитывать при анализе исторических событий и воспроизводстве «историко-культурного» полотна не только официальные хроники, но и нарративные источники, неофициальные документы, предметы повседневного быта и т.д. Большую роль в этом процессе сыграли историки, объединенные общим условным названием «Школа Анналов» (Л. Февр, М. Блок, Ж. Ле Гофф и др.), пытавшиеся реконструировать менталитет представителей прошлых эпох. В разработке этого понятия участвовали М. Хальбвакс, Я. Ассманн, П. Нора, Ю. Лотман и др.

В уже ставшей классической монографии Яна Ассмана «Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности» (*Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*, С. Н. Beck München 1992) он приводит свою типологию памяти: миметическая, предметная, коммуникативная и культурная⁸⁵. *Миметическая память* – это память деятельности, которой мы обучаемся через подражание. Ее трудно кодифицировать, заключить в какие-либо рамки инструкций или пособий. Лучший способ – увидеть и воспроизвести. *Предметная память* связана непосредственно с культурой повседневности. Окружающие нас предметы несут на себе частички не только личного, но и общекультурного прошлого.

⁸⁵Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры. - 2004. С.19-21.

Предметный мир человека снабжен маркерами времени, каждая вещь несет на себе его отпечаток. *Коммуникативная память* – это память, зафиксированная в языке и в процессе общения. Эта память тоже социальна. Объяснить характер сознания и памяти, можно только учитывая позицию общения с другими индивидами. Исследователи считают, что эта память мало формализована, это передача воспоминаний «из рук в руки». Это своего рода «живое воспоминание», существующее на протяжении жизни трех поколений: дети – отцы – деды. Ее недолговечность (всего 80-100 лет) и отсутствие общепризнанных «пунктов фиксации», связывающих ее с глубоким прошлым, в первую очередь отличают коммуникативную память от культурной⁸⁶. Четвертый вид памяти – культурная. Возникновение культурной памяти связано, по мнению Я. Асмана, с феноменом смерти и сопровождающими его ритуалами. Именно память о мертвых становится первой формой культурной памяти.

Культурная память является не просто хранилищем информации, а некой сложной и постоянно меняющейся и развивающейся субстанцией. Ю. Лотман считал, что память культуры не только едина, но и внутренне разнообразна... и смыслы в памяти культуры не «хранятся», а растут. Для Я. Асмана культурная память – это непрерывный процесс, в котором каждый социальный слой аккумулирует и реконструирует знание о себе и своей идентичности. Культурная память – это форма трансляции и актуализации культурных смыслов.

Итак, культурная память не является сиюминутным продуктом, она накапливается веками. Можно согласиться с Я. Асманом, что возникает она в поле церемониальной коммуникации через ее объективированные формы, или как мы сказали бы сейчас, «места памяти», которыми являются тексты, изображения, монументальные постройки, например, египетские пирамиды с внутренней рос-

⁸⁶Арнаутова Ю. А. Культура воспоминания и история памяти История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени /Под ред. Л.П. Репиной. - М.: Кругъ, 2006, С. 51

писью. «Носителями культурной памяти являются уже не обязательно современники «актуального сообщества вспоминающих», а особые (иногда профессиональные) хранители и носители традиции, например жрецы»⁸⁷.

Однако с нашей точки зрения если можно говорить о сакральных истоках и достаточно долгой форме сакрального существования культурной памяти, то нельзя согласиться с ее полной сакрализацией. С нашей точки зрения нельзя представлять культурную память как «интенциональный центр окружности, каждая точка которой (историческое событие) соединена с сакральным центром и только потому имеет смысл и значимость для помнящей культуры»⁸⁸. Культурная память представляет собой массив информации, более широкий, чем только сакральная информация.

Частью культурной и исторической памяти являются в терминологии П. Нора «места памяти» (*lieux de mémoire*). Они, по его мнению, появляются не благодаря существованию памяти социальных групп, а в связи с ее исчезновением. В определенные моменты человеческой истории происходит разрыв памяти, сопровождающийся одновременно глубокой потребностью в ее сохранении. Поскольку уже не существует памяти рода или социальной группы, то для ее фиксации необходимы места памяти, где, согласно П. Нора, находит убежище чувство непрерывности памяти». «Места памяти рождаются и живут благодаря чувству, что спонтанной памяти нет, а значит — нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты, потому что такие операции не являются естественными. Вот почему охрана меньшинствами спасенной памяти в специальных, ревностно оберегаемых центрах способна

⁸⁷ Assmann J. *Daskulturelle Gedachtnis*. S. 56

⁸⁸ Андреева Е. В. Культурное наследие как ядро культурной памяти и его роль в сохранении духовной целостности Российской цивилизации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук Ростов-на-Дону 2007

лишь накалить добела истину всех мест».⁸⁹ К местам памяти П. Нора относит музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации.

Еще одним понятием, важным для понимания всей картины сохранения культурного наследия и культурной памяти на фронтальных территориях является понятие сигнификата.

Без ориентации на определенные сигнификаты, завязанные на культурную память населения, не возможен и современный межкультурный диалог на территориях, которые мы относим к фронтальным зонам. Причем, поскольку со сменой фронтальных фаз менялся характер диалога, то противоречия фронта отразились в противоречивости роли сигнификатов в формировании культурного ландшафта.

Под *сигнификатами* мы понимаем определенные историко-культурные феномены (исторические события, традиции, места ландшафта, персоналии, фольклорные, нарративные и прочие реалии), которые закрепляются в народной памяти, как наиболее значимые, транслируются и выступают своеобразными фиксированными символами этнической идентификации. Они легко мифологизируются, переходя из области факта в область мифа, и наоборот, исторический факт сигнификата подстраивается или точнее встраивается в мифологическую схему.

Сигнификат не является синонимом такого понятия как символ, так как символ является, в некотором роде, атрибутом сигнификата. Ведь любой сигнификат в различные эпохи может манифестировать себя в обществе в самых разнообразных символах.

По сути сигнификат – это знак, вписанный в историю и выступающий в качестве ценностного ориентира, а также зафиксированный в любой форме праксиса.

Возможно, именно о подобных явлениях говорил известный американский антрополог Маршалл Салинс, анализируя взаимо-

⁸⁹Нора П. Проблематика мест памяти. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. - СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999, с. 26

связь антропологии и истории: «...Антропология может внести свой вклад в идею того, что историческая действительность каких-то личностей, объектов или событий, как в случае с британцами на Гавайях, проистекает из их культурной ценности. Другим словом для обозначения этой ценности является «значимость» (significance), контрастивная позиция в схеме отношений, и это также термин, который, благодаря своему двойственному значению, выраженному понятиями «содержательности» и важности, удачно суммирует историческую теорию»⁹⁰.

Учитывая тот факт, что на фронтальной территории в формировании культурной памяти участвуют самые разнообразные этнические субъекты, то и их сигнификаты столь же разнообразны, а порой и взаимоисключающие. Примером взаимоисключающих сигнификатов на Северном Кавказе могут служить такие персоналии, как имам Шамиль и российский генерал Ермолов. Один в этнической памяти дагестанских и чеченского этносов выступает в качестве борца за независимость горских народов, другой – душитель этой свободы. В результате памятник Ермолову постоянно подвергался актам вандализма со стороны дагестанских и чеченских националистов. В то же время портреты Шамиля в советский период служили своеобразными маяками (сигнификатами) культурной памяти борьбы дагестанских народов за свою независимость. Вместе с тем, учитывая тот факт, что в конечном итоге Шамиль сдался русским, для некоторых в Дагестане или Чечне он – символ предательства⁹¹.

Другим примером различного восприятия сигнификатов может служить мемориальный комплекс «Дади-юрт», открытый в 2013 г. около чеченского селения Хангаш-юрт. Памятник и мемориальные плиты посвящены 46 чеченским женщинам селения Дади-юрт, разрушенного по приказу генерала Ермолова в 1819 г.⁹².

⁹⁰ Brown Dee A. Bury my Heart at Wounded Knee. – N.Y., 1970. С.7-8

⁹¹ Алленова О. Чечня рядом: Война глазами женщины. – М.: «Комерсантъ», 2007с.81

⁹² Ермолов А.П. Записки 1798-1826. – М.: «Высшая школа», 1991.с.338-339; Потто В. А. Кавказская война. Т. 2. – Ставрополь: «Кавказский край», 1994.,с.900-100

В ходе операции были схвачены 46 женщин, и когда конвоиры везли их на плоту через Терек, пленные женщины начали хватать конвоиров и прыгать с ними в бурную реку, предпочитая смерть плену. Мемориальные плиты на месте аула были открыты еще в 1990 г., затем памятник постепенно превращался в мемориальный комплекс. Последняя реконструкция его осуществлялась в 2009 г., а в 2013 г. Рамзан Кадыров выделил новые средства на мемориальный комплекс. Он же и открывал его в июле 2013 г. при участии многих высокопоставленных лиц Чеченской республики. Это событие получило неоднозначную оценку в российских СМИ. Председатель партии «Родина» Алексей Журавлев направил на имя генпрокурора Юрия Чайки депутатский запрос, с просьбой проверить данный комплекс и действия Р. Кадырова на предмет экстремизма, так как данный мемориал был воспринят «как открытое прославление убийц русских солдат». Особое негодование А. Журавлев высказывал по поводу участия высокопоставленных чеченских лиц и самого Кадырова в открытии мемориала. Нет нужды анализировать как сам факт открытия этого мемориала, так и реакцию российских СМИ на него. Вполне понятно, что и факт уничтожения чеченского аула российскими войсками в 1819 г. и подвиг чеченских женщин, выбравших смерть вместо плена, являются сигнификатами в чеченском общественном сознании. В подобных условиях сигнификаты становятся не только моральными ориентирами, но и факторами возбуждения общественного сознания. В результате акторы (т.е. участники) фронтального диалога не в состоянии объективно оценить те или иные события или действия. Этнический сигнификат, как правило, плохо воспринимается другими этническими акторами, в результате он может оцениваться крайне негативно, и даже отторгаться противоположной стороной.

Постройка мемориального комплекса превратила сигнификат по сути в «место памяти», которое возникает, по мнению П. Нора, в связи с деритуализацией повседневной жизни, когда спонтанная память уходит, а потребность в ее сохранении остается. Было создано своеобразное хранилище, «останки» (П. Нора). Как мы

уже показали выше, постройка этого комплекса стала событием, весьма противоречиво оцениваемым общественностью. Вполне закономерно, что сигнификаты существуют в народной памяти на самом разнообразном уровне, и какие-либо попытки борьбы с ними обречены на провал. Вместе с тем полное их игнорирование столь же неверно, так как любой подобный сигнификат может в конечном итоге выступить в качестве не деструктивного, а конструктивного фактора в культурном диалоге. При этом следует понимать, какую роль он играет в системе этнических сигнификатов культурной памяти фронтальных акторов.

В любом случае необходимы действия по снижению деструктивных характеристик этого сигнификата, включение его не в этническую, а в общенациональную систему культурной памяти и без какой-либо негативной его оценки. Выключение его из этнических сигнификатов и превращение его в сигнификат национальный создает единый культурный ландшафт, который теперь является общим для всех акторов фронта. В результате тот или иной сигнификат уже не может выступать в качестве опорного этнического сигнификата, противостоящего сигнификатам других этносов.

у осетрины, попробовать осетрину деконструкции могут служить такие персонажи американского фронта, как индейские вожди Ситтинг Булл, Джеронимо и т.д. Из отрицательных персонажей, борцов с американской армией, инсургентов, они превратились в своеобразные общенациональные «бренды», которыми гордятся все американцы, вне этнической принадлежности. Подобным сигнификативным персонажем в нашей истории мог бы стать и уже упомянутый имам Шамиль, который в конечном итоге, несмотря на свою активную борьбу с Россией, все же в определенной мере способствовал урегулированию мира на Северном Кавказе. Однако, сигнификативная роль личности Шамиля так и осталась в рамках его борьбы с русскими войсками.

Вне сомнения, подобный процесс не может протекать стихийно, вне определенной региональной или национальной политики, в нем участвуют самые разнообразные стороны. Кроме этого

очень важен ввод новых сигнификатов, как этнических, так и национальных, которые бы инкорпорировали в себя предыдущие сигнификаты, обогащали бы их и транслировали в культурную память всех фронтирных акторов.

Все это обеспечивает как функционирование идентификационных сигнификатов, так и их воспроизводство, что необходимо для нормального существования любого общества. В качестве подобного примера можно привести личность другого фронтирного персонажа – Курмангазы Сагырбайулы – казахского народного музыканта, оказавшего огромное влияние на становление казахской национальной музыки. Актуализация этого персонажа и вписывание его в региональный культурный ландшафт положительно сказались на формировании единого культурного пространства Астраханской области.

Таким образом, модель функционирования фронтирных сигнификатов представляет собой сложную систему, элементами которой могут выступать самые различные явления, порой антагонистические, как конструктивные, так и деструктивные. Они могут быть выражены через параметры культурного наследия и культурно-исторической памяти фронтирных акторов. Учитывая, что порой фронтирный диалог принимал насильственные формы, то и сами сигнификаты, фиксирующие все эти явления в народной памяти, отражают одностороннюю картину, однозначно игнорируя культурную память другого участника диалога. Сам по себе сигнификат лишь фиксирует то или иное явление, тот или иной исторический факт, но не каждый исторический факт является сигнификатом. Сигнификатом историко-культурный факт становится лишь тогда, когда он отрефлексирован в общественном сознании как значимый и выступает своеобразным ориентиром для данного этноса.

Существует несколько способов функционирования сигнификатов, ряд из них изначально являются определенными фиксациями народной памяти, другие могут порождаться или продуцироваться элитами, навязываясь общественному мнению. В этом случае такие сигнификаты нередко выступают в качестве своеобраз-

ных средств в борьбе национальных элит за свои интересы. Актуализация и активизация различных сигнификатов может явиться своеобразным индикатором фронтирных процессов.

Примером подобной актуализации может служить как уже упомянутый мемориал в Чечне, так и события в феврале 1973 г. в США, когда индейцы дакота захватили небольшое селение Вундед-Ни в Южной Дакоте. Около 200 индейцев удерживали это место в течение 71 дня, пока агенты ФБР и другие правительственные силы безуспешно пытались взять силой это поселение. Были задействованы танки, бронетранспортеры, и даже вертолеты со снайперами, но они не принесли существенного результата.

Хотя индейцы протестовали против несправедливого обращения по отношению к ним в 1973 г., однако селение Вундед-Ни было выбрано неслучайно, так как в декабре 1890 г. американские войска уничтожили в этом месте большую группу мирных индейцев. Данный инцидент вошел в историю под названием «Бойни в Вундед-Ни». Несомненно, и сам факт и место, было и остается некими сигнификатами, местами памяти, как для индейцев, так и для многих белых американцев, рассматривающих это событие как позорный факт своей фронтирной истории. Недаром события 1973 г. получили широкий резонанс в американской прессе, а действия индейцев встретили поддержку многих белых американцев.

Сам же исторический факт стал известен широкой общественности благодаря книге белого американца Ди Брауна «Похороните мое сердце в Вундед-Ни», опубликованной в 1970 г.⁹³. Хотя для самих индейцев бойня и являлась сигнификатом, однако, среди белых американцев это событие было известно только специалистам. Названием для книги Ди Брауна послужила фраза из произведения 1930 г. американского поэта Стивена Винсента Бене, выражавшая его восхищение от атмосферой места, точнее, благозвучности американского топонима в противовес европейским названиям мест, казавшихся ему скучными и бесцветными. Но в стихотворе-

⁹³ Brown Dee A. Bury my Heart at Wounded Knee. – N.Y., 1970.

нии не было, сказано ни слова по поводу факта трагедии. Под влиянием книги Ди Брауна и захвата местечка индейцами в 1973 г. эта фраза быстро стала своеобразным сигнификатом, послужив названиями для музыкальных альбомов, постеров, фильмов. Так исторический факт превратился сначала в этнический сигнификат, а затем трансформировался в общенациональный, приобретя множество форм: книги, музыкальные и кинематографические произведения, акции и т.д. Нет нужды пояснять, что даже сама фраза «Похороните меня в Вундед-Ни» стала сигнификатом современной американской культуры.

На примере данного сигнификата можно проследить, как менялось отношение к нему. Если в 1890 г. за участие в бою над индейцами ряд офицеров получили знаки отличия, в 30-е гг. XX в. для поэта Стивена Винсента Бене название «Вундед-Ни» было всего лишь благозвучным топонимом, отражающим типичную американскую специфику, то в 70-х гг. XX в. Вундед-Ни стало символом борьбы индейцев за свои права, а для белых американцев еще и определенной трагедийной вехой национальной истории, окрашенной, по мнению потомков, не совсем положительными красками.

Смена аксиологической парадигмы, хотя не характерна, однако вероятна в отдельных случаях функционирования сигнификатов. В тоже время сама актуализация отдельных сигнификатов может влиять на изменение аксиологической оценки тех или иных исторических событий, этнических традиций или материальных объектов.

В отношении Нижневолжского фронта можно констатировать, что в настоящий момент осталось не слишком много сигнификатов, связанных непосредственно с фронтальной тематикой региона. Они постепенно вымываются из народной памяти, заменяясь другими. Особенно примечательно, что постепенно исчезают русские и общероссийские сигнификаты, в то же время усиливается значимость этнических сигнификатов других народов. Все это является недопустимым, учитывая полиэтничный характер региона. Правда, следует также заметить, что появляется мно-

жество новых памятников, отражающих историю различных этнических групп в регионе, но вместе с тем они слабо вписаны в общекультурный ландшафт Нижнего Поволжья, мало известны населению, оставаясь нейтральными объектами, подчас просто безымянными памятниками.

Итак, мы видим достаточно сложное и разнообразное терминологическое поле проблематики, связанной с сохранением культурной памяти и культурного наследия фронтального региона. Те понятия, которые мы употребляем сегодня, выкристаллизовывались десятилетиями, юридически обосновывались, апробировались на международных форумах, фиксировались в документах. Появилось много новых понятий (культурная память, места памяти и т.д.), поскольку изменилось само общество, и наше прошлое и память о нем в различных ее формах стали приобретать не только идеологическую, но и экономическую ценность.

Сложностью фронтального региона является потребность в сохранении культурной памяти и наследия разных народов в одном пространстве, в одном культурном ландшафте, который когда-то был ареной битвы за место под солнцем великих культур (сарматы, хазары, половцы, монголы), а ныне становится частью мировой туристической карты. Поэтому понять особенность сохранения культурного наследия и культурной памяти вне контекста культурного ландшафта мы не сможем.

Вопросы к разделу:

1. Как эволюционировало понятие «культурного наследия» и каковы причины этой эволюции?
2. Каково место понятия «культурное наследие» в культурологической терминологии?
3. Какова взаимосвязь понятий «объект культурного наследия» и «место памяти»?
4. Понятие «культурная память» и ее место в ряду различных видов социальной памяти.
5. Что такое сигнификат?

6. Как взаимосвязаны культурная память и культурное наследие?

7. Приведите примеры специфики культурной памяти на фронтире.

8. Какие памятники или события истории вы могли бы отнести к региональным сигнификатам?

Глава 3. Культурное наследие в культурном ландшафте

3.1. Культурный ландшафт как основа культурного наследия и культурной памяти

В последнее время мы все чаще вписываем культурное наследие в культурный ландшафт, поскольку даже отдельно стоящий исторический памятник нельзя вырвать из очень сложного и многослойного контекста. Именно этот контекст можно назвать одним термином - культурный ландшафт.

Почему такой значимой становится тема культурного ландшафта? Культура любого народа вызревает не в пространственной пустоте, а в некоем ландшафте, который оказывает определенное влияние на формирование менталитета человека. Это ни в коем случае не означает географического детерминизма, когда природные особенности определяют специфику социальной, политической и экономической жизни народа, включенного в ее контекст. Тем не менее, игнорировать полностью влияние окружающей среды в различных формах на культуру проживающих народов невозможно.

Из всего понятийного континуума «природная среда» наиболее взаимосвязан с культурой именно ландшафт. «Этнические стереотипы поведения обусловлены не только «культурой», но они инициированы и санкционированы ландшафтом, они служат своеобразным «ответом», как писал А. Тойнби, на притяжение ландшафта, на его «зов». Гордость горцев, веселость моряков, отвага степняков, хладнокровие сибиряков – все эти особенности прояв-

ляются в различных этнических культурах, ландшафтного, но не географического характера»⁹⁴.

Ландшафт в естественных науках – это одно из фундаментальных понятий географии и объект изучения в ландшафтоведении, обозначающий «категорию территориального деления географической оболочки»⁹⁵. Сам термин «ландшафт» (Landschaft) немецкого происхождения и первоначально в трактовке монахов Фульдского монастыря обозначал единую священную землю, «землю обетованную», территорию, упорядоченную согласно общегерманскому плану. Далее он начал трансформироваться в административно-территориальное понятие, а к XVII веку входит в профессиональный оборот художников как синоним пейзажа⁹⁶.

Английский эквивалент немецкого термина (landscape), согласно Оксфордскому словарю, вошел в англоязычную научную литературу из технического словаря художников⁹⁷, обозначив то, что в русском языке мы именуем пейзажем. Однако в англоязычной литературе термин «ландшафт» продолжает оставаться многозначным. В понимании ученых, ландшафт – это некая среда, необязательно географическая, она может быть культурной, социальной, гендерной. Возможно, именно поэтому наряду с понятием «ландшафт» в зарубежной антропологии параллельно существует понятие «культурный ареал» (culture area), или, как его еще переводят на русский язык, культурной территории.

Первоначально термин «культурный ареал» был использован американским этнологом О. Мэйсоном (1894) в связи с созданием классификации индейских племен, однако не был замечен широкой научной общественностью. Ученик Ф. Боаса А. Кребер вводит это

⁹⁴Костецкий В. Притяжение ландшафта //Топос. Литературно-философский журнал. № 10, 2006

⁹⁵ Большая советская энциклопедия. М., 1969-1978. С. 456.

⁹⁶Тютюнник Ю. Г. О происхождении и первоначальном значении слова «ландшафт» // Изв. РАН.Сер.геогр.2004.№ 4. С. 116—122.

⁹⁷ Landscape, Memory & History. Anthropological Perspectives. Ed.: P.Stewart, A.Strathern L., 2003, P. 2.

понятие в широкий научный оборот в работе «Типы индейской культуры в Калифорнии» (1904). Исследуя культуру калифорнийских индейцев, А. Кребер пишет, что на всей территории штата она однотипна: «Несмотря на то, что существует огромное количество племен и языков, и нет двух идентичных по обычаям и вере, есть некая общая матрица. Более двух третей территории штата демонстрируют фундаментальную этническую однотипность, отличительные особенности их культуры не найдены на других территориях. Поэтому возможно говорить о типично калифорнийских индейцах и об идентификации типично калифорнийского культурного ареала».⁹⁸ Уже в 1916 г. Е.Сапир употребляет термин «культурный ареал» как само собой разумеющееся понятие, затем в 1917 г. его использует К. Уисслер, который считал, что в основе любой культурной классификации должно лежать географическое районирование.⁹⁹ Но для Уисслера классификация по культурным ареалам оставалась достаточно статичной. Позднее, в работе «Культурный и естественный ареал аборигенов Северной Америки» (1939), А.Л. Кребер обозначит появление этого подхода как спонтанное, бессознательное. «Концепт культурного ареала имеет дело с некими культурными целостностями. Культуры находятся в природе как целостности, которые не могут быть обозначены как простое соединение элементов»¹⁰⁰.

Хотя в типологии американских антропологов используется слово «культурный», однако во многом такое деление учитывало и географические факторы: зону лесов, зону прерий, полупустыни Юго-запада США, Калифорнию. Под культурным ареалом понимались «зоны территориального распространения определенных локальных культурных типов и черт, включавших и зоны межэтнического распространения каких-либо элементов специализированных

⁹⁸ Kroeber A.L. Types of Indian Culture of California. University of California publications. American archeology and ethnology June 1904 vol.2 3., P 82.

⁹⁹ Wissler C. The American Indians.N.Y. Oxford University Press.1922 Second edition.P.XX

¹⁰⁰ Kroeber A.L. Cultural and natural areas of native North America. University of California Press, 1965 P.4

культур»¹⁰¹. Культурный ареал в понимании А. Кребера, хоть и привязан к территории, но не имеет жестких границ. Он может рассматриваться как целостность только на определенном расстоянии. При ближайшем рассмотрении он оказывается достаточно размыт и поделен на субареалы. Несмотря на территориальную привязанность ареалов, основанием для их выделения являлись «культурные паттерны» или «конфигурации культуры»¹⁰².

Однако почти параллельно с термином «культурный ареал» в начале XX века в Российскую науку вводится понятие «культурный ландшафт». Одним из первых в России концепцию культурного ландшафта начал развивать Д. Берг, еще в 1915 г. определив культурный ландшафт как такой, в котором «человек и произведения его культуры играют важную роль. Город или деревня... суть составные части культурного ландшафта»¹⁰³. Чуть позже такая школа оформилась и в Германии (О. Шлютер). С тех пор на Западе (Европа и США) как теоретическим, так и прикладным проблемам культурного ландшафта придается особое значение.

Существует две парадигмы понимания культурного ландшафта. Это именно парадигмы, поскольку направлений и концепций внутри этих парадигм гораздо больше. Анализ таких подходов и направлений подробно дан В.Л. Каганским, А.А. Белокуровым, А.В. Лысенко и др.

Опишем кратко обе парадигмы. Первую можно условно назвать ландшафтно-ориентированной. В ней культурный ландшафт исследуется с акцентом на природную составляющую, измененную или дополненную человеческой деятельностью. По сути, он, как считает В.Л. Каганский, не отличен в данной парадигме от антропогенного ландшафта¹⁰⁴. Н. Ф. Реймерс в рамках этой пара-

¹⁰¹Культурология. XXвек. Энциклопедия., М., 1998.С 234.

¹⁰² Kroeber A.L. Cultural and natural areas of native North America. University of California Press, 1965 P.7.

¹⁰³Берг Л. Предмет и задачи географии / Л. С. Берг // Изв. РГО. 1915.т.51, Вып. 9. С. 471.

¹⁰⁴ В.Л. Каганский Культурный ландшафт в Российской географии. //Обсерватория культуры: журнал-обозрение. 2009, №1. С.62 .

дигмы определяет культурный ландшафт как «целенаправленно созданный антропогенный ландшафт, обладающий целесообразными для человеческого общества структурой и функциональными свойствами»¹⁰⁵. В рамках этой парадигмы культурный ландшафт есть отражение социума. Каков социум со всеми его атрибутами (менталитетом, культурой, экономикой, историей), таков и культурный ландшафт. Одновременно культурный ландшафт создает основу, «выращивает» свой будущий социум. В системе «социум – ландшафт» существует прямая и обратная духовная связь¹⁰⁶.

Вторую парадигму можно назвать *культурологической или культурно-ландшафтной*. В этой парадигме определяющим моментом является именно культура. В ней существуют три основных направления: информационно-аксиологическое (Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова, Р.Ф. Туровский), феноменологическое (В.Л. Каганский) и этнокультурное (В.Н. Калуцков, М.В. Рагулина и др.)¹⁰⁷.

В рамках *информационно-аксиологического* направления Ю.А. Веденин, давая определение культурному ландшафту как «целостной и территориально-локализованной совокупности природных, технических и социально-культурных явлений, сформировавшихся в результате соединенного влияния природных процессов и художественно-творческой, интеллектуально-созидательной и жизнеобеспечивающей деятельности людей»,¹⁰⁸ выделяет природный и культурный пласты ландшафта, пронизанные многообразными связями, но при доминанте культурного. В культурном ландшафте он различает 6 компонентов: природный ландшафт, местное хозяйство, селения (поселения), местное сообщество,

¹⁰⁵Реймерс, Н. Ф. Природопользование: словарь-справочник. М., 1990. С. 262.

¹⁰⁶Николаев, В.А. Культурный ландшафт – геоэкологическая система // Вестник МГУ. Сер. 5. География, 2000. № 6. С. 3-8.

¹⁰⁷Лысенко А.В. Культурные ландшафты Северного Кавказа: структура, особенности формирования и тенденции развития. Автореф. на соискание степени д. географ. наук. Ставрополь, 2009. С.10.

¹⁰⁸Веденин, Ю. А. Очерки по географии искусства. СПб., 1997. С.6.

местная языковая система (включая топонимию), духовная культура (включая фольклор).

Р.Ф. Туровский определяет культурный ландшафт как результат соприкосновения духовной жизни человека и территории. Он включает в него не только элементы материальной культуры, но и исторические события, происходившие в данной местности, знаменитых людей, которые жили и творили на этой территории, образцы культуры, созданные в этой местности и описывающие эту местность (книги, картины и др.) Природная составляющая, по Туровскому, вписывается в культурную.¹⁰⁹

В рамках *феноменологического* направления В.Л. Каганский рассматривает ландшафт как среду, сферу и ценность культуры. Он анализирует ландшафт и культуру во взаимном сопряжении, поскольку культуру нельзя представить вне обращенности к ландшафту. По сути своей у В.Л. Каганского феноменология ландшафта есть ландшафтное видение культуры и культурное видение ландшафта: «Мысля культуру в ландшафте, мы видим его «текстом», один слой которого – культура. Обращаясь к ландшафту, можно многое узнать о культуре: ландшафт – ее необычная сфера, свидетельство, «изнанка». Культура в ландшафте (в отличие от литературы, философии, искусства) неприглажена, нерerefлектирована (хотя существуют и «культурогенные» ландшафты, например садово-парковые)»¹¹⁰.

В отличие от классического гуманитарного знания, для которого, по мнению В.Л. Каганского, «культура есть рамка ландшафта», для него, напротив, «ландшафт есть рамка культуры». Отсюда и специфика феноменологического анализа: «не размещение «объектов культуры», а пространственное и семантическое осмысление сплошной ткани ландшафта, попытка выявления системы его

¹⁰⁹Туровский Р. Ф. Культурные ландшафты России. М., 1998.

¹¹⁰ Каганский В. Л. Ландшафт и культура // Общественные науки и современность, 1997. № 1, С. 134.

смысловых форм, *ландшафтная феноменология культуры и культурная феноменология ландшафта*¹¹¹.

В рамках феноменологического подхода исследователь определяет культурный ландшафт как «земное пространство, жизненную среду достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей, если это пространство одновременно цельно и дифференцировано, освоено утилитарно, семантически и символически. Различая эти аспекты, будем помнить, что в ландшафте прагматическое неотделимо от смыслового. Отсюда вывод: люди могут жить в ландшафте, не соотносясь с ним как таковым (как могут жить в истории, сего не ощущая)». ¹¹²

Представители *этнокультурного* подхода под культурным ландшафтом понимают, прежде всего, культурную среду этнического сообщества, сформировавшуюся в определенных природно-географических условиях, взятую в ее целостности. Так, В.Н. Калущков в качестве составных частей культурного ландшафта выделяет мифологию места, духовную культуру, местный фольклор, восприятие местным сообществом своих традиций. ¹¹³

В рамках этнокультурной концепции особое внимание уделяется спонтанному, естественному становлению культурного ландшафта и значимости его этнокультурного содержания.

Таким образом, как отмечает А.В. Лысенко, в понимании культурного ландшафта сохраняется объектный дуализм, поскольку существует две парадигмы: природоцентричная, в которой человек и его культура изучаются как фактор, преобразующий природный ландшафт; и культуроцентричная, когда природный ландшафт выступает в качестве среды местного культурно-специфического сообщества ¹¹⁴.

Термин «ландшафт» применяется не только в географической науке и ее производных, таких, как культурная география, экологи-

¹¹¹ Там же, С. 134

¹¹² Там же, С 135-146, N 2, С. 160-169.

¹¹³ Калущков В.Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения. М., 2000.

¹¹⁴ Лысенко А.В. Ук. соч., С. 10.

ческая география, но и в философии, прежде всего, постмодернистской, «в контексте конституирования философской парадигмы многомерности структур бытия и человеческого мышления... Конституирование и легитимация ландшафта как определенной структурной позиции постижения мира выступило результатом осмысления как умозрительного, так и конкретного человеческого опыта, согласно которому стили и формы интеллектуального дискурса необходимо коррелируются с соответствующими телесными практиками, самоутверждающимися в границах экспрессивно-коммуникативной составляющей текста»¹¹⁵.

Термин «ландшафт» или «культурный ландшафт» прочно вошел в философские тексты, обретая не только пространственно-временные координаты, но и эмоционально-эстетические. Так, Т. Адорно в работе «Эстетическая теория» замечает, что «культурные ландшафты связаны с историей как ее выражение в них, как в форме запечатлевается непрерывность исторического развития, динамически интегрируя их, как это обычно и бывает в произведениях искусства».¹¹⁶ Эта история, по мнению Адорно, эмоционально и эстетически окрашена, носит «следы прошлых реальных страданий», «образы насилия», которые являются предостережением настоящему, маркерами памяти. «Из культурных ландшафтов, напоминающих руины даже там, где еще стоят жилые дома, до нас доносятся исполненные душевных страданий жалобы далекого прошлого, давно утратившего голос».¹¹⁷

Интересный вариант ландшафтного рассмотрения философских концепций был предложен В.А. Подорогой в работе «Метафизика ландшафта» (1993). Он анализирует концепции Ф. Ницше, С. Киркегора и М. Хайдеггера с точки зрения ландшафтной включенности субъекта философствования. Ландшафт поля его анализа, который назван метафизическим, «это не ландшафт-панорама, ко-

¹¹⁵ Энциклопедия постмодернизма. М., 2001. С.267.

¹¹⁶ Адорно В.Т. Эстетическая теория.(Философия искусства). М., 2002. С.96

¹¹⁷ Там же, С. 97.

торому можно предстоять, всматриваясь в его дальнейший горизонт, не оптическое орудие, не знак эстетического «покоренного» пространства, не «окно в мир» или геологическая карта»¹¹⁸.

В.А. Подорога выделяет несколько линий – ландшафтных рядов в исследуемых философских произведениях: визуальный (физически, исторически и биографически локализуемый образ ландшафтного пространства); вербальный (переживание конкретного ландшафта в словесных образах, его описание, интерпретация, введение в чуждый ему контекст); телесный (психомоторные эффекты, которые становятся предметом особого внимания, как только начинает обсуждаться позиция наблюдателя, осваивающего ландшафтное пространство).¹¹⁹

Таким образом, культурный ландшафт – это достаточно широкое понятие. И если Т. Инголд под ландшафтом понимал «мир в том виде, в каком он известен и представляется его обитателям», расшифровывая его как «образцы человеческой активности, трансформировавшиеся в пространственное расположение элементов, как внешние формы моделей человеческой деятельности»,¹²⁰ то мы можем расширить этот контекст и определить его как культурную среду, обусловленную ландшафтной спецификой. И в эту культурную среду органически будут включены как особенности менталитета народов, проживающих на данной территории, так и мифология, возникшая на этой почве, литература и живопись, вдохновленные определенным природным ландшафтом. В данном случае речь идет о прочтении языка ландшафта, поскольку, по В. Гумбольдту, язык сплетается из пространства¹²¹.

Стоит выделить несколько ландшафтно-ментальных моделей: речную, степную, горную, лесную и т. д. Еще В.О. Ключевский,

¹¹⁸ Подорога В.А. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX вв. М., 1993. С.4

¹¹⁹ Там же С.4-5.

¹²⁰ Ingold, T. The temporality of the landscape. //World Archaeology 1993. 25, 152–74. P.156

¹²¹ См . Подорога В.А. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX –XX вв. М., 1993. С. 11.

рассматривая влияние ландшафта на русскую историю, отмечал три природных фактора – лес, степь и реку¹²². Можно выделить также 7 рядов культурного ландшафта: цивилизационный, визуальный, вербальный, телесный, генетический, ноуменативный и гендерный.

На цивилизационном уровне культурный ландшафт рассматривается в контексте влияния на формирование хозяйственно-культурного ландшафта как феномена. Во всех остальных пластах ландшафт анализируется уже не как природный фактор, а как концепт. Визуальный пласт – физически, исторически и биографически локализуемый образ ландшафтного пространства. Вербальный – переживание конкретного ландшафта в словесных образах, его описание, интерпретация, специфика менталитета. Телесный – влияние ландшафта на деятельностьную составляющую культуры, выражающуюся как в способах хозяйственной деятельности, так и в ритуалах традиционного цикла. Под генетическим мы понимаем постулируемую конкретным этносом реальную или символическую связь с конкретным объектом географического ландшафта.

К гендерному ряду относится связь ландшафта с гендерной составляющей. Хотя не во всех языках это можно выявить, однако в русском языке гендерные характеристики объекта хорошо прослеживаются. Наличие родов в русском языке делает практически все ландшафтные объекты гендерно-окрашенными. Например, реки Волга, Двина, Вазуза мыслились как объекты женского рода, а Дон, Днепр, Дунай – мужского. Все это позволяло осмысливать реки в самых разнообразных аспектах, вписывать их в различные модели культурного ландшафта.

Ноуменативный ряд самый сложный и разнообразный. Он включает рассмотрение объекта ландшафта в космогонической, онтологической и гносеологической составляющих. Естественно, что ноуменативные характеристики ландшафта проявляются и через визуальные, и через вербальные, генетические и прочие ряды.

¹²² Ключевский В.О. Собрание соч. в 9 томах. М., 1987. т.1. лек. 4. С. 82-89.

Таким образом, культурный ландшафт – это нечто более широкое, чем географическое пространство локализованности объекта культурного наследия, поскольку в этом случае не учитывается огромное количество факторов, определяющих современное бытие, и игнорируется богатейшая сфера нематериального культурного наследия. Культурный ландшафт – это культурная среда, сформированная как географическими, так и историческими и этническими реалиями. Поэтому культурный ландшафт многослоен, он включает в себя как точку привязанности – культуру страны в целом, географической локализованности, урбанистического окружения, этнической вписанности и взаимосвязанности.

Значительное количество объектов культурного наследия находятся в крупных городах, которые в последние десятилетия становятся ярко выраженными мультикультурными образованиями. Появление новых памятников, связанных с этнической историей того или иного народа, без привязки к территории компактного проживания или исторической локализации места подчас вызывают отторжение у жителей данного района. Особенно проблемным является включенность наследия в ярко выраженный поликультурный ландшафт.

Вопросы к разделу.

1. Проследите эволюцию термина «культурный ландшафт»
2. Как понимается культурный ландшафт в ландшафтно-ориентированной парадигме?
3. Охарактеризуйте 3 основных направления культурно-ландшафтной парадигмы.
4. Сравните антропологический и этнокультурный подходы к культурному ландшафту.
5. Какова роль культурного ландшафта в философских текстах?
6. Охарактеризуйте одну из ландшафтно-ментальных моделей.

3.2. Культурный ландшафт Астраханского региона

Для выявления специфики культурного ландшафта отдельного региона особое внимание необходимо уделить исследованию взаимодействия природного и культурного ландшафтов. Мнение, что существует «чисто» природный или «чисто» культурный ландшафт не верно. В культурном ландшафте «сплетены и природные и культурные компоненты, и разделять их не разумно, да и практически невозможно»¹²³. Ведь культурный ландшафт –это прежде всего единство пространства, объектов и смысла. Это «лишенное разрывов и пустот сплошное телесно и семантически пространство сопряжения природных и культурных компонентов на земной поверхности, где каждое место имеет смысл, и он связан с природной основой ландшафта и его пространственным положением»¹²⁴.

С этих позиций и была предпринята попытка комплексного изучения культурного ландшафта Астраханского региона, включающего в себя как особо охраняемые природные территории, так и уникальные памятники, характеризующие историю и культуру Нижнего Поволжья, обладающего «культурной срединностью»¹²⁵ между западной и восточной, европейской и азиатской культурами.

Местоположение объекта. Астраханская область расположена на юго-востоке Восточно-Европейской равнины в пределах Прикаспийской низменности, в умеренных широтах, в зоне пустынь и полупустынь.

Описание ландшафта

Астраханская область располагается на границе Европы и Азии, река Волга дает выход к пяти морям. В современных границах область была образована 27 декабря 1943 года. На востоке она граничит с Казахстаном, на севере и северо-западе - с Волгоград-

¹²³ Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.:Новое литературное обозрение, 2001. С.24.

¹²⁴ Грицай О. Центр и периферия в региональном развитии.-М.:Наука, 1991.-С.61.

¹²⁵ Казакова Г.М. Регион как субкультурный локус: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора культурологии.-М., 2009.-С. 5.

ской областью, на западе - с Калмыцкой Республикой (Хальмг Тангч), на юге и юго-востоке омывается водами Каспийского моря. Площадь области равна 44,1 тыс. квадратных километров. После распада СССР Астраханская область получила статус приграничного района, через который осуществляется основной морской выход России в Каспийское море, в Казахстан, государства Средней Азии и Кавказа, Иран.

Пустынную равнину с северо-запада на юго-восток пересекает Волго-Ахтубинская пойма, водные потоки которой при впадении в Каспийское море образуют обширную дельту. Большая часть области лежит ниже уровня мирового океана на высотах около 20 м (урез воды Волги находится на отметке –26 м, в период половодья повышается до –23 м). Самой высокой точкой является гора Большое Богдо – 154 м, расположенная на северо-востоке области. Климат резко континентальный, засушливый. Характерны восточные ветры, определяющие сухость и запыленность воздуха летом и сравнительно невысокие температуры зимой.

Волжская пойма и дельта в пределах Астраханского края представляют собой уникальный природный комплекс. Мало в мире подобных мест, где бы на столь ограниченной территории было представлено 8 ландшафтных зон, которые, в свою очередь, распадаются на множество подзон или подрайонов¹²⁶. По мнению астраханских географов, ландшафты Волго-Ахтубинской поймы и дельты Волги «обладают высоким эстетическим потенциалом, оказывая при этом сильное психоэмоциональное воздействие. Во многом этому способствует наличие здесь огромного количества контактных зон водоемов и суши, лесов и лугов, холмистых и равнинных участков, которые обладают сильным аттрактивным эффектом... Преобладающие в пойме и дельте цвета синих, зеленых и жёлто-коричневых оттенков оказывают благотворное влияние».¹²⁷ Такой ландшафт формирует особый склад характера астраханцев.

¹²⁶ Природа, прошлое и современность Астраханского края. Астрахань, 2008. С. 30–39.

¹²⁷ Там же, С. 38.

Астраханская область, в силу своего своеобразия пойменно-дельтовых ландшафтов, представляет уникальную среду обитания для богатой фауны, прежде всего, орнитофауны. Зона дельты с ее богатой кормовой базой служит местом обитания для многочисленных водоплавающих птиц: цапель, пеликанов, лебедей, гусей, уток, чирков, крачек, чаек, бакланов и т. д. Но и зона полупустынь – это также уникальная среда, где обитают многочисленные хищные птицы: скопа, орлан-белохвост, степной орел, беркут, коршун, степной лунь, сапсан, курганник, могильник и мн. др. Нет нужды пояснять, что некоторые из указанных птиц являлись не только охотничьими птицами, но и превратились в знаковые образы русской культуры, став объектами фольклорных и религиозных систем народов юга России. Знаковую составляющую в русской культуре имели образы лебедя, гуся, утки, чайки, орлиных и т. д. Но водятся здесь и такие виды птиц, которые составляют исключительно дельтовый образ Астраханской природы: пеликан, фламинго, баклан, колпица, цапли.

Ихтиофауна региона столь же богата, как и орнитофауна. Поэтому рыба была и продолжает оставаться одним важнейших пищевых продуктов для населения области. По потреблению рыбы на душу населения Астраханская область превышает общероссийский уровень в 2 раза. Особо ценимая рыба – это осетр, бренд региона. Из других рыб, которые в той или иной степени связаны в сознании россиян с Астраханским краем, можно отнести сельдь и воблу.

Примечательными животными являются сайгак – антилопа из семейства полорогих, занесенная в Красную книгу, кабан, камышовый кот и др. А из домашних животных главными являются верблюд и овца. Длительное время изображение верблюда на фоне Астрахани или Волги было типичным для многих гравюр XVIII–XIX вв. В сознании многих путешественников верблюд был фантастическим животным, а ногайская или казахская арба с запряженным в нее верблюдом – весьма экзотическим средством передвижения. Астраханский или бактрианский двугорбый верблюд казал-

ся экзотичным животным даже для арабских путешественников, которые привыкли к образу дромадера – одногорбого верблюда.

Астрахань и разведение овец – также два взаимодополняющих явления. Для многих иностранцев вплоть до конца XIX в. Астрахань ассоциировалась с овцеводством, да и само слово «астрахань» на всех европейских языках обозначает, помимо названия города, еще и название особого рода каракуля – шкуры молодых барашков с особым завитком шерсти.

Основную ценность культурного ландшафта Астраханской области представляют поселенческие сообщества, складывающиеся в ходе сменявших друг друга форм колонизации. Кочевые племена (сарматы, гунны, хазары, печенеги, половцы, татаро-монголы) сменяли друг друга, частично оседая на астраханской земле, ассимилируясь и аккумулируя различные этнокультурные традиции. Статус приграничного региона, отдаленность от Центра обуславливали относительную самостоятельность развития и привлекали «беглый люд» не только со всей Руси, но и за ее пределами.

Расположение на важных транзитных путях, удаленность от Центральной Руси, фактическое отсутствие крепостного права, слабая заселенность и суровые природные условия этого края способствовали формированию на его территории специфических форм культуры и жизненного уклада. К их характерным особенностям можно отнести отличные от многих других районов России нравы и нормы поведения, специфичные для поселенческих моделей кочевого типа, самобытную духовную культуру, предприимчивость и трудолюбие, склонность к экстенсивным формам развития хозяйственной жизни, связанных с поиском новых пастбищ и торговых путей.

Географическое расположение и природные особенности Астраханского края определили своеобразие процесса заселения Нижнего Поволжья. В XVII - XVIII вв. урбанистическое развитие Астрахани – это результат взаимодействия с гидрологическим ландшафтом края.

Город расположен в дельте Волги на 11 островах. В черте города протекают несколько рек: Волга, Кутум, Варвациевский канал, Прямая Болда, Кривая Болда, Царев, ерик Казачий, ерик Солянка, проток Серебряная Воложка. По сути, именно реки диктовали направление развития города. Взаимодействуя или борясь с рекой, население города трансформировало свое сознание, подстраиваясь под ее ритмы и возможности. По обеим сторонам Кутума, Луковки, Криуши были многочисленные виноградники, сады, огороды, принадлежавшие казне, монастырям и частным лицам.

Город был ограничен не только крепостной стеной (на случай нападения противника), но и окружен естественными водными преградами: рекой Кутум с северной стороны и обводным каналом (Варвациевским каналом) с южной. Многочисленные речки пересекают город, формируя неповторимый ландшафт «Русской Венеции», как иногда называли Астрахань.

Сюда стекался торговый люд из Ногайской Орды, Дербента, Шемахи, Хивы. Немало проживало на Астраханской земле и иноземцев: немцев, шведов, поляков, которые, будучи захвачены в плен, искали удобного случая спастись от рабства под защиту русской власти¹²⁸. Работные люди шли сюда на рыбный лов в устьях Волги и на разработку соли. Многих привлекала в Астрахани шумная торговая жизнь города и свобода от обычного в то время произвола приказных на Руси. Население края – люди вольные или служивые, они не нашли себя в рамках традиционных российских социальных структур, зато хорошо вписались в новые вольные условия, представляя собой своеобразный сплав нравов Востока и России.

На протяжении XVI - XVIII столетий организующую роль в формировании систем расселения в Нижнем Поволжье играли линейные маршруты освоения (сухопутные дороги и реки). При этом русские переселенцы практически никогда не ставили перед собой

¹²⁸ См Указ камер-коллегии о разрешении шведским пленным жить в городах.- ГААО, ф.394, оп.4, л.43.

задач возведения искусственных границ, отгораживающих их от живущего в крае кочевого населения. Субэтнические группы разных народов, заселяя регион Нижнего Поволжья, осваивали, как правило, собственную хозяйственную нишу, таким образом, что хозяйственно-культурные типы этих этнических групп как бы дополняли друг друга, а не вступали в противоречие. Русское население сосредоточивалось исключительно в городах и их ближайших окрестностях. Степные пространства края были населены кочевыми племенами ногайцев, калмыков, урегулирование отношений между которыми с XVIII века входило в обязанности астраханского воеводы.

В самом городе каждый народ жил достаточно замкнуто, в своей слободе, пересекаясь с другими в основном по хозяйственным вопросам. Татарская слобода находилась вне Белого города, дома здесь «выстроены на азиатский вкус, без всякой правильности, улицы узкие, никогда не высыхают от грязи, а в дождливое время непроходимы¹²⁹. Татарская слобода была отделена большой улицей, ведущей к Паробичевскому бугру от слободы армянской, жителями которой были не только армяне, но и грузины, греки и другие иноземцы-христиане. По окрестностям города проживали юртовские татары¹³⁰ (ногаи) в своих селениях, которых поэтому называли аульными.

Иноземные купцы – Бухарские, Хивинские, Персидские, Индийские – останавливались в Астрахани в караван-сараях, представляющих собой отдельные «слободки»¹³¹, где купцы вели достаточно замкнутый образ жизни, пересекаясь друг с другом только на базаре. Каждый караван-сарай напоминал отдельный мирок со своими культурными традициями. В настоящее время полностью сохранилось лишь одно – Персидское подворье, которое часто назы-

¹²⁹ Павлов, А. М. О татарах, водворившихся в Астрахань: сочинение путешествовавшего по России с 1824 по 1835 год. - СПб.: В тип. Х. Гинце, 1845.-С.3

¹³⁰ «юрт» означает стоянку, стойбище, род, поселение, владение.

¹³¹ Небольсин П. Очерки Волжского Низовья. - СПб.: Тип. м-ва внутренних дел, 1852.-С.112

вали «Усейновским двором» по имени богатейшего персидского купца Усейнова. Примечательно, что своей мансардой дом нарушал указ о разрешении строительства в центре города только двухэтажных зданий. Однако персы использовали третий этаж как молельню, поэтому мансарда была сохранена.

Процесс ассимиляции народов Астраханского региона шел тяжело. Особенно сильны были противоречия кочевых племен. Однако совместное проживание народов в течение долгого времени на одной территории в обязательном порядке все-таки привело к зарождению общих (поликультурных) ценностей, значимых для населения конкретного региона. Объясняется это множеством факторов, среди которых выделяются специфика ландшафта, определяющая направление хозяйственной деятельности, этнический состав населения, общие задачи по обживанию и защите данной территории.

Выделяясь среди всех российских регионов своим особенно пестрым этническим составом, изначальным отсутствием аборигенного населения и постоянными миграционными потоками, Астраханский регион является открытым социумом, вбирающим инородные элементы, сохраняя при этом их этнокультурную специфику. Здесь сложилась традиция доброго соседства между народами, повлекшая за собой существование своеобразного быта, межнациональных связей и самобытной культуры. Многоликая Астрахань являет собой разнообразие одежд и языков, разных культур и их мирное сосуществование, что придает особый, неповторимый колорит крупному российскому городу.

Необычна конфигурация города, уникальна его архитектура. Образ Астрахани – это край корабелов, рыбаков, торговцев и ремесленников. Астрахань прирастает рекой, отвоевывает у нее новые площади под постройки, богатеет благодаря ей. Большую роль в жизни города играли базары и рынки, расположенные на берегах рек, самым значительным из которых был базар Большие Исады (пристань), отличавшийся от других рынков Астрахани и, тем более, от рынков других городов: «татары, торгующие зеленью, пер-

сы со своими товарами, «чурешники» (продавцы татарского хлеба), армяне, торгующие армянским сыром и солеными закусками»¹³². Ныне здание рынка занесено в список объектов культурного наследия региона.

Понимание культурного ландшафта как культурной среды, обусловленной ландшафтной спецификой, органически приводит к включению в эту среду как особенностей менталитета народов, проживающих на данной территории, так и мифологии, возникшей на этой почве, литературы и живописи, вдохновленных определенным природным ландшафтом. В данном случае речь идет о прочтении языка ландшафта, поскольку, по В. Гумбольдту, «язык сплетается из пространства»¹³³. Лишь по мере названия топографического, гидрографического объекта можно с уверенностью судить о его вовлечении в культуру. «Язык земли» во многом сродни археологическому памятнику, и говорит о формировании культурного ландшафта на своем наречии. Преломление местного самосознания в обрядах и обычаях, связанных с конкретными ландшафтными объектами постепенно трансформируется в мифы и легенды, которыми так щедра земля астраханская.

В Нижнем Поволжье прослеживаются тюркский, персидский, татарский, калмыцкий, казахский, армянский, русский и др. лингвистические пласты, нашедшие отражение в топонимах и повседневной речи обитателей данного ареала. Здесь четко просматривается смешение языков и наречий, что говорит об ассимилятивных процессах, проходивших на берегах великой реки Волги и ее притоках.

Существует тесная взаимосвязь между названиями географических объектов и населенными пунктами. Например, в названиях населенных пунктов, расположенных на берегах рек, можно найти

¹³² Штылько А. Иллюстрированная Астрахань: очерки прошлого и настоящего города, его достопримечательности и окрестности.- Саратов: Паровая скоропечатня Губернского Правления, 1896.-с.74.

¹³³ См . Подорога В.А. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX –XX вв. М., 1993.С. 11.

термины, относящиеся к характеристике реки и ее элементов. Нередко само название реки становится названием города или села: Алгара, Бахтемир, Камардан, Камызяк, Кривой Бузан и т.д.. Формирование местной топонимии тесно связано с природными и социальными условиями жизни коренного населения и отражает эволюцию культурного ландшафта.

Вот некоторые примеры, объясняющие происхождение странных, на первый взгляд, названий природных объектов Нижнего Поволжья:

Баба – пеликан;

Баскунчак – калмыцкое название «Бюгдын хара нур» - Черное озеро Святого, монголо-тюрское – Ускончак – ус-озеро, кун-солнце – Солнечное озеро, Бас – возвышенность, голова.

Криуша – извилина реки;

Раздор – место деления реки на рукава;

Тюлька (ерик) – татарское слово - лиса (лисья речка).

Вообще, пространство – означающее образа региона, который выражает себя географией, пространством, местами, расстоянием. Астрахань воспринималась как некоторое удаленное место России - «тмутаракань», или у черта на куличиках, расположенное на южной границе. Она символически венчала эту границу, порождая в воображении россиян особые, порой сказочные образы. Все это очень живописно описано в былинах, посвященных подвигам Василия Буслаева, встречаем мы упоминание Астрахани в связи с Волгой и в других былинах о русских богатырях¹³⁴.

Икра и осетрина были главным астраханским брендом. Посмотреть на добычу осетрины, попробовать осетрину – вот главные побудительные стимулы в посещении Астрахани путешественниками в XIX в. Практически все они, делаясь своими впечатлениями, писали о своем посещении рыболовецких тоней, колоритных фигурах рыбаков и разделщиков рыбы.

¹³⁴ Рыбников П.Н. Песни: народные былины, старины, побывальщины и песни. Петрозаводск, 1863. С. 63, 193.

Астраханец – это богатырь, вольный человек, чей характер выкристаллизовался в борьбе с волжской стихией. Ему не страшны ни стужа, ни изнуряющая жара. Волга – его кормилица, ей доверяет он, и ему покоряется она. Очень ярко этот образ проявился на примере астраханского рыбака Силантьева, которого российский писатель и журналист Василий Иванович Немирович-Данченко сравнивал с русским богатырем Микулой Селяниновичем: «Смотрю, громадина какая-то передо мною. Силы, видимо, у него – что у Миколы Селяниновича, богатыря земсаго. Борода лопатой, лицо добродушное, улыбка – детская почти, совсем уж не под стать этому циклопу. Глаза смотрят зорко. Руки что твои весла – совсем идеал моряка-промышленника. Воображаю, каков он должен быть на деле. Тут-то и работают эти лопатообразные лапища»¹³⁵.

Разительное отличие астраханских рыбаков от рыбаков других мест находит лишь одно объяснение: астраханскийловец – это особая личность, выпестованная Волгой. Он врос в неё особыми невидимыми корнями, он и стал-то астраханцем только по причине своего бунтарства, вольного духа. Астраханский же край представлял здесь ему исключительные условия для выживания, но и требовал от него по максимуму. Этот удивительный духовный симбиоз реки и человека делал его исключительной Личностью – во многом противоречивой, неоднозначной и вместе с тем Личностью с большой буквы. Здесь проявляется особенность генетической составляющей регионального культурного ландшафта: астраханский волжанин, согласно заметкам путешественников и местных жителей, не только человек максимально независимый, вольный, но это еще и особый национальный тип, возникший в результате участия в его формировании множества народов. Как Волга питается множеством рек, так и астраханец – это продукт разных культур и разных народов. В образе рыбака Силантьева перед нами предстает типичный фронтирный персонаж – человек необычайной силы и отваги. В

¹³⁵ Немирович_Данченко В.И. У голубого моря: люди и природа в низовьях Волги. С.-Петербург: Изд. П.П. Сойкина, 1902, С. 153.

разные эпохи и в разных местах подобный персонаж может принимать самые различные облики или профессии: он может быть охотником, рыбаком, лесорубом, шахтером, следопытом, воином. Но в нем одно остается неизменным – его отвага, умение выживать и любовь к свободной волной жизни. И недаром В. Немирович-Данченко сравнивает его с Микулой Селяниновичем – сказочным богатырем русских былин, именно это наилучшим образом демонстрирует как подобные реальные фронтальные персонажи способствовали формированию легендарных фольклорных персонажей из американского фронта, таких как, например, гигантский лесоруб силач Поль Баньян, чей образ возник где-то в XIX в. на основе французского фольклора и реальных прототипов.

Вообще отражение волжской тематики рассматривается как некоторое условие самобытности, что может говорить как о значимости этого природного объекта в сознании астраханцев, так и о том, что в умах астраханцев происходит серьезный сдвиг в сторону региональной дифференциации: мы – астраханцы, мы – волжане, мы – жители дельты.

Фундамент согласной и упорядоченной жизни практически сложился к концу XVIII века. Этот период отмечен ростом в крае числа русских поселений. Как бы консервативно не было население в своих традиционных привычках, но условия жизни приводили к относительно быстрому приспособлению к изменяющейся жизни. Что бы выжить, все этнические группы Астрахани «принимали общие правила игры, в основе которых лежало принятие другой нации как равной. И это позволяло и позволяет им сохранять статус кво»¹³⁶. Контакты между народами носили характер широких хозяйственных заимствований. На соляных озерах работали местные крестьяне, но основную часть рабочих составляли киргизы Внутренней Орды, калмыки и пришлые рабочие из других губерний. Извозным промыслом, огородничеством в основном занимались

¹³⁶ Романова А.П. Толерантное отношение к «Другому» в молодежной среде полиэтничного региона//Каспийский регион: политика, экономика, культура.-2010.- №4(25).-С.18.

татары. Хлебопашество развивалось у русских крестьян, прибывших в Астрахань из центральных губерний. Культуру коневодства русские заимствовали у ногайцев, скотоводства – у калмыков и казахов, огородничество, бахчеводство – у татар.

Взаимовлияние культур народов, проживающих на астраханской земле, прослеживается в повседневной жизни практически во всем: в архитектуре, терминологии жилища, одежды, продуктов питания и блюд, времени года и т.п. Примечательно, что хозяйственная жизнь астраханцев породила оригинальную лексику, которая сейчас во многом утратила свой первоначальный смысл: «култук», «кундраки», «бударка», «беличий лов», «тумак», «амбал», «музурик» и т.д. Во многом именно рыболовецкое или судоходное дело подпитывало словарный запас астраханского населения, причем с использованием самых разнообразных языков, например, слово «балык», вошедшее в русский язык из тюркского для обозначения рыбы вообще и получившее новое значение для определения способа вяления осетровых рыб; «амбал» обозначает сегодня сильного, но недалекого мужчину, в то время как слово это тюркского происхождения, употреблявшееся в астраханском языке для обозначения грузчика; «мазурик», пришедшее из персидского языка, в современном русском языке обозначает «воришку», «прощельгу», однако в действительности словом «музурик» называли в Астрахани бурлаков, так как в персидском языке оно обозначало «матроса» и т.д. Подобные примеры наглядно демонстрируют особые процессы словообразования на Нижней Волге, в которой участвовали самые разнообразные этнические группы.

Население края, постоянное и временное, очень различно. Каждый народ имеет свое мировоззрение, навыки, склонности. Важной составной частью культурного ландшафта являются *территориальные идентичности*, привязывающие различные группы людей к конкретным территориям. Постепенно складывается образ региона: это изображение особо значимых для региона мест, геральдика, почетные звания. Так, например, Астрахань прочно связана с изображением реки Волги, осетра, горы Богдо, соляного озе-

ра Баскунчак, лotosовых полей Прикаспия. На Нижней Волге постоянно происходил (и происходит по сей день) процесс смешения различных народов, приводя к формированию особого, самобытного культурного ландшафта, характерной только для Астраханского края.

Самобытную культуру края поддерживали многие видные ученые, музыканты, писатели. Собираением народных музыкальных произведений русских, калмыков, казахов, татар, армян Астраханского края занимались М.Балакирев – один из основателей «Могучей кучки», И.В. Добровольский, основавший «Азиатский музыкальный журнал». Такой интерес к музыкальной культуре населения Астраханского края свидетельствует не только о богатстве народных традиций, но и об особом культурном ландшафте края. Это подтверждает и синкретизм жизни общества: здесь существует сложное переплетение мировоззрения оседлых земледельцев и кочевников-скотоводов, рыбаков и купцов. Все эти миры с соответствующими установками сложились в одну культурную традицию, имеющую определенное сходство с культурными ценностями российского общества, и одновременно обладавшую своей уникальностью.

Приезжих особенно поражает экзотическая архитектура края, когда на небольшом пространстве города Астрахани можно встретить православные храмы и монастыри, армяно-григорианские церкви, синагоги, католический собор с двумя башнями-звонницами, лютеранскую кирху, персидский караван-сарай и купольную мечеть, многочисленные татарские мечети с минаретами. Эти здания соседствуют с публичными и казенными каменными постройками в стиле русского провинциального классицизма и тысячами деревянных обывательских домов. Особенно заметны культурные контакты и в архитектуре: например, калмыцкий хурул в селе Речное Харабалинского района, построенный в 1812-1815 гг. в честь победы русских войск над Наполеоном, соединяет в своих

очертаниях особенности как тибетской, так и русской архитектуры¹³⁷; здание Восточного банка представляет восточно-европейский стиль. Но именно этот синкретизм, эта гибридность как нельзя лучше свидетельствуют о том, что перед нами типичные фронтальные архитектурные памятники, возникшие благодаря поликультурной среде нашего края.

Не все здания сохранились, многие из них разрушаются, находятся в плохом техническом состоянии, скрываются за современными постройками. Городской ландшафт развивается и трансформируется. Все отчетливее проявляется деление на престижные и не престижные районы, что влечет за собой серьезные архитектурные изменения, связанные с точечной застройкой центра города. Есть и примеры полного уничтожения объектов культурного наследия в угоду коммерческим интересам бизнес-структур (Московский торговый дом, садово-парковые зоны и т.д.). Элитное жилье поглощает памятники архитектуры.

Объекты культуры, культовые здания и комплексы, историческая жилая застройка, народные промыслы являются национальным достоянием, поэтому нуждаются в охране. На территории Астрахани находится более 500 памятников. Они относятся к разным периодам развития города, имеют различную ценность, но вместе создают неповторимый колорит южного исторического города. Поэтому вопросы сохранения, восстановления и рационального использования памятников истории и культурного наследия особенно актуальны.

Чтобы выявить рациональность восстановительных работ следует смоделировать культурный ландшафт для сопоставления «реконструируемых пространственных структур с их ценностными и качественными характеристиками»¹³⁸. Для этого необходимы исторические и этнографические описания, изображения, отражающие

¹³⁷ Суслов В.В. Заметки о калмыцких и русских постройках/очерки по истории русского зодчества.-СПб, 1889.-С.56.

¹³⁸ Веденин Ю.А. Культурный ландшафт как объект наследия. СПб.: «Дмитрий Буланин» – М.: РНИИ культурного и природного наследия, 2004. –С. 357.

образно-эстетические качества архитектурно-ландшафтных комплексов, экспертные заключения о ценности или своеобразии того или иного ландшафта. Так, культурный ландшафт исторических районов крупных поселений – Баскунчак, Алтынжар, Селитренное и др., несмотря на наложение целого ряда более поздних «пластов освоения», нередко продолжает репродуцировать заложенные еще в XVI-XVII столетиях архетипы и культурные ценности. Во многом остается специфичным и культурный ландшафт ряда степных районов Астраханской области, некогда находившихся на пограничной линии. Сегодня он продолжает оставаться своеобразной переходным рубежом для распространения многих форм культуры, сложившихся в результате синтеза культурных традиций кочевого населения и русских переселенцев.

Несмотря на то, что сегодня многие из районов не играют заметной роли в экономической жизни края, для него они выступают в качестве своеобразного вместилища ценностей традиционной (этнической) культуры, поддерживающих его историко-культурную идентичность. Иными словами, астраханский культурный ландшафт наглядно демонстрирует взаимосвязь центра, «отвечающего за его экономическое развитие, и локусов, организующих его духовную и культурную жизнь»¹³⁹.

Современная Астрахань – промышленный и культурный центр, где легко угадываются очертания прошлых времен. Сохранившиеся исторические здания, особый архитектурный рисунок города позволяют назвать современную Астрахань музеем под открытым небом, где создана культура, основанная на сплаве западно-восточных традиций, со специфичным, граничным типом культурогенеза, определившим формирование взаимопроникающих геополей: этнокультурного, природно-хозяйственного, конфессионального, лингвистического, политического, психологического и

¹³⁹ Ганопольский М.Г., Федоров Р.Ю. Магистраль освоения как основа формирования культурного ландшафта региона (опыт историко-географической реконструкции). // Вестник Тюменского государственного университета №6/2006. С.192.

др. В результате этого взаимодействия оформляются и функционируют рубежные (фронтирные) культурные ландшафты, которые отличаются многослойностью и динамичностью, обладая историко-культурной, научной и художественной ценностью. В этом случае культурный ландшафт сам становится объектом культурного наследия.

Вопросы к разделу.

1. Почему культурный ландшафт играет особую роль в региональном пространстве?
2. Охарактеризуйте атрибуты культурного пространства.
3. Проанализируйте особенности культурного ландшафта Астраханского региона.
4. В чем уникальность системы расселения на территории Астрахани.
5. Как топонимика отражает поликультурную ситуацию на Нижней Волге?

Модули культурного наследия

Глава 4. Модули культурного наследия полиэтнического региона

4.1. Модульный подход к изучению культурного ландшафта

Современная ситуация с культурным наследием требует как переосмысления его места в социуме, так и новых подходов к его анализу и сохранению. Данный подход родился в процессе многолетней работы по Федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» по проектам «Сохранение культурного наследия в полиэтничном регионе» и «Культурная память и культурное наследие фронта». Новый подход предполагает соединение модельного и модульного подходов, в результате чего появилась новая концепция сохранения культурного наследия региона. Она имеет ярко выраженный историко-культурный характер.

Модельный подход предполагает проведение мониторинга состояния сохранности культурного наследия на основании выделения ряда моделей.

Под моделью в данном случае понимается искусственный логический ментальный конструкт с определенной системой параметров, характеризующих данный объект. Поскольку современный уровень исследования культурного наследия показывает его сложность и многоаспектность, построение ряда моделей дает возможность более глубокого и детального анализа отдельных аспектов сохранения культурного наследия.

На начальном этапе можно выделить различные модели сохранения культурного наследия в зависимости от встроенности его в социокультурное пространство и позиции исследователя. Обычно исследователи выделяют «статичную» модель деятельности, связанной с сохранением культурного наследия, которая основана на принципе сохранения и поддержания функциональности материальной структуры уже существующих и неизбежно стареющих и

исчезающих шедевров. Достоинством ее является возможность максимального продления их функциональности.

Выделяют и динамичную, так называемую дальневосточную модель, культивируемую, в частности, в Японии. В этой модели принцип сохранения аутентичной материальной структуры не абсолютизируется и не ставится задача обеспечить бесконечное существование шедевра. Реальное культурное наследие Японии – в отличие от большинства европейских стран – не в их архитектурных постройках, но в художественных традициях и ноу-хау, а также в национальных искусствах и ремеслах. Это то, что позволяет японским историческим центрам сохранять их идентичность как идею «защиты». То есть в контексте данной методологии культурное наследие понимается в Японии не столько как комплекс объектов, сколько как постоянно воспроизводящийся в современности (в истории) процесс национальной духовной и художественной традиции. Условием функциональности этого процесса является сохранение традиционных социальных отношений в сферах религии, культуры, торговли, ремесла.

В отличие от статичной европейской японская модель деятельности по сохранению культурного наследия акцентирует внимание на сохранении творческой традиции, воспроизводящей объекты культурного наследия, а не создании благоприятных социальных условий для поддержания этого процесса (воспроизводство носителей ремесла, сохранение художественной традиции, поддержание престижа новых предметов, воспроизводящих древние шедевры).

Эти две модели деятельности по сохранению культурного наследия не исключают друг друга и в разных соотношениях свойственны каждой культуре. На наш взгляд, синтез этих двух методологических подходов (сохранения древних материальных структур и поддержания условий для процесса воспроизводства национальной духовной и художественной традиции) был бы весьма эффек-

тивным направлением в деятельности по сохранению культурного наследия¹⁴⁰.

В классическом варианте мы видим разделение способов сохранения материального (статичного) и нематериального (динамичного) культурного наследия. Такой вариант, как мы уже указали выше, имеет свои преимущества, однако есть и определенные недостатки.

Любая глобальная модель сохранения культурного наследия чревата тем, что в процессе ее реализации необходим учет практически всех сторон сохранения культурного наследия – экономической, юридической, культурной, исторической и т.д. Разработка и реализация такой модели требуют слишком сложной команды разноплановых специалистов, не всегда учитывающих специфику сопредельной стороны модели.

В данной работе предлагается несколько иной путь: сформировать локальные модели сохранения культурного наследия в рамках одной профессиональной специфики – культурной, исторической, экономической, правовой, медиа и т.д. Такая специализированная модель поможет учитывать все тонкости сохранения, как единичного объекта культурного наследия, так и целых модулей культурного ландшафта. Она разрабатывается с учетом факторов сохранения как материального, так и нематериального культурного наследия.

Культурная модель представляет собой логический ментальный конструкт, позволяющий рассмотреть культурные процессы с учетом большинства культурных тенденций современного мира. В основе формирования культурной модели лежат естественные процессы, происходящие в социокультурной сфере современного общества. Эта модель позволяет при необходимости не только проводить теоретический анализ, но и дает возможность прогнозировать социокультурные процессы.

¹⁴⁰ Николаева Н. В. Художественный образ картины мира (наследие монументальной живописи) <http://art-con.ru/node/1312>

При построении какой-либо культурной модели следует помнить, что она должна быть основана на анализе культурного ландшафта, в который включен данный объект. Если это материальный объект, то это целая совокупность феноменов, рассматриваемая в ансамбле. Во-первых, территория, на которой находится объект, во-вторых, вся информативная, имеющая отношение к объекту, включая легенды, сказания, литературные произведения, исторические факты, с ним связанные, и т.д. В-третьих, языковая среда, в которую вписывается данный объект, и этническая среда, в которой этот объект существует. Следующим этапом формирования модели является анализ самого объекта, его включенность в мировую культуру, уровень его культурного значения, его художественная ценность (как объекта архитектуры, народной культуры, духовной культуры и т.д.).

Параллельно с культурной моделью, для более всестороннего понимания конкретной проблемы, можно составить и модели этого объекта других типов: историческую, архитектурную, экономическую, социокультурную и т.д.

Историческая модель сохранения культурных объектов должна отражать включенность объекта в мировую историю, историю региона, страны и территории. При этом учитывается не только исторический контекст, в котором появляется это объект, но и конкретная история его возникновения и функционирования, а также изменение исторических атрибуций и их влияния на существование объектов культурного наследия. В исторической модели сохранения культурных объектов также необходимо выделить те исторические компоненты, которые детерминируют его изучение и пропаганду.

Экономическая модель сохранения объектов культурного наследия региона должна, прежде всего, учитывать уровень и характер его влияния на экономику территории, занятость людей в сфере культурного туризма, в которой данный объект функционирует. Необходимо учитывать экономическую ценность прилегаю-

щего культурного ландшафта и возможность его преобразования в целях повышения эффективности работы территории.

Экономическая модель должна учитывать коэффициент экономической ценности объекта, который, с нашей точки зрения, должен рассчитываться по формуле:

$$K = \frac{A}{B}$$

Где A – совокупная прибыль объекта, B – затраты, необходимые для его сохранения.

В экономической модели необходимо также прогнозировать убытки от возможного изменения статуса объекта и неправильной рекламной кампании культурного наследия в массмедиа. В экономической модели необходимо просчитать также необходимые затраты для ретрансляции культурного ландшафта.

Виртуальная модель сохранения объектов культурного наследия должна учитывать возможности его виртуального образа, включенность его в медиакультуру, возможности его позиционирования, сохранения информации. Виртуальная модель должна очень четко коррелироваться с экономической, поскольку неграмотное экономическое обращение с объектом и непродуманная медиакомпания могут привести к плачевным последствиям, связанным с исключением из списка культурного наследия. В свою очередь, виртуальная модель позволяет сохранить образ культурного объекта во всех деталях, дать возможность широкой публики познакомиться с объектом не увеличивая при этом физическую нагрузку от его эксплуатации и т.д.

На юге России культурное наследие представлено в широком историческом и этническом диапазоне. Культурное наследие на данной территории представляет собой весьма сложное явление. Это обусловлено наиболее интенсивными миграционными процессами на данные плодородные территории и, соответственно, достаточно длительным (в течение многих столетий) совместным проживанием многочисленных народов. Поэтому специфика культурного наследия Юга России прежде всего всего поликультурности.

Именно не мульти, а поли, поскольку мультикультурализм не как политическая платформа, а как культурная модель представляет собой продукт второй половины XX века, а поликультурность – результат долгих процессов совместного проживания различных этносов на одной территории¹⁴¹. Формированию поликультурной модели способствует отсутствие автохтонного этноса, который бы считал данную территорию «генетически» своей, а все остальные народы – врагами-завоевателями.

Культурное наследие Юга России характеризуется синхронной и диахронной поликультурностью, сформированной различными этносами на протяжении последних пяти веков. Этническая история этих территорий насчитывает несколько тысячелетий и представлена различными историческими пластами (культура скифов, сарматов, гуннов, хазар, половцев, монголов, татар и т.д.), о чем свидетельствует наличие богатейшей археологической составляющей (Хазарский каганат, Великий шелковый путь, Сарай-Бату, Астраханское ханство и т.д.), требующей детального ее изучения и сохранения. Мы, как потомки, живущие на этой территории, не имеем права не считать ее элементом культурного наследия. С другой стороны, раскопки, консервация и музеефикация этих объектов требуют огромных капиталовложений. Это культурное наследие представлено в основном результатами продолжающихся на данный момент археологических раскопок, что постоянно вносит определенные коррективы в культурный портрет объекта. Это требует очень внимательного и взвешенного подхода.

Экологическая модель сохранения культурного наследия состоит из анализа места объекта в экосистеме края, мониторинга экологического состояния культурного ландшафта, в который включены данные объекты, выявления и оценки креативных и деструктивных факторов, влияющих на их состояние, а также уровня антропогенного воздействия на объект.

¹⁴¹ См. Хлыщева Е.В. Культурные модели развития общества в глобализирующемся мире. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2009.

Правовая модель сохранения культурного наследия учитывает место объекта в комплексной правовой системе, включающей в себя международные, национальные, региональные правовые системы. Правовая модель должна учитывать реальный уровень защищенности объекта в конкретной правовой ситуации, когда в результате недостаточного развития гражданского общества, оно не участвует в сохранении культурного наследия. Либо вследствие недостаточной информированности общества о наличии и состоянии культурных объектов, общественность слабо осознает важность проблемы и практически игнорирует опасность деформации культурного ландшафта.

Мы соединяем воедино две модели – культурную и историческую, поскольку именно в таком варианте наиболее удачно используются диахронный и синхронный методы исследования.

Структура историко-культурной модели представляет собой последовательную систему слоев культурного наследия, где базовым слоем является совокупность недвижимых архитектурных памятников, включенных в список культурного наследия, включенная в ретроспективный диахронный исторический контекст. Причем в базовом слое исторической модели присутствуют не только актуально существующие, включенные на момент исследования в список памятников регионального культурного наследия объекты, но и исключенные из списка по разным причинам и даже утерянные памятники. Последующие слои представляют собой движимые материальные объекты культурного наследия, требующие музеефикации, книжные памятники, в том числе и нарративные источники, объекты нематериального культурного наследия как объективированные в ритуалах, традициях, праздниках, так и представленные в вербальной форме в виде мифов, легенд, сказаний и т.д.

Историко-культурная модель культурного наследия Астраханской области представлена в виде модулей, выступающих в качестве составных частей этой системы. Под *модулем* в данном случае понимается законченная единица культурного ландшафта, обладающая четкими территориальными, темпоральными, экономически-

ми, семантическими и прагматическими характеристиками. Модуль не является единичным памятником культуры, охраняемым государством, а выступает некой системной единицей: городским районом, историческим местом, частью биологической или экологической системы (экологическая ниша, особая хозяйственная деятельность, осуществляемая в рамках экономической системы края) и т.д. Модульный подход дает возможность комплексного анализа культурного ландшафта региона и в определенных случаях историко-культурный ландшафт сам может рассматриваться как отдельный модуль культурного ландшафта.

Особая организация модулей в рамках системы культурного ландшафта была названа ее синтаксисом. Естественно, что каждый модуль данной системы (ландшафта) тесно связан со всей системой в целом, имеет определенную функцию и конкретные параметры (характеристики: пространственные, временные, смысловые и т.д.).

Таким образом, можно выделить ряд факторов, которые представляют собой некие константы, т.е. универсальные маркеры, учет которых помогал бы оценке состояния объектов.

Сложность в создании подобной комплексной оценки, по нашему мнению, проистекает из ряда объективных факторов. Прежде всего, гетерогенности объектов культурного наследия. Как известно, в перечень объектов культурного наследия входят самые разнообразные феномены, как объекты материальной культуры, так и нематериальной, которые в нашей стране принято называть духовной. Это могут быть широкий спектр обычаев, традиций, устных нарративов и т.д. В разряд культурного наследия могут попадать и всевозможные способы трудовой деятельности: технологии, способы лова, ремесла и т.д. Особый разряд объектов, требующих бережного к ним отношения, составляют продукты человеческого труда, на получение которых потребовались усилия многих поколений. Это различные сорта сельскохозяйственных растений, полученные в результате селекции и обладающие теперь уникальными биологическими свойствами. Вполне закономерно, что подобные объекты (как, например, астраханские сорта яблок, томатов, бахче-

вых и т.д.) не могут рассматриваться как чисто материальные, поскольку сохранения требуют сорта в целом, а не отдельные яблоко, томат или арбуз. Однако, здесь существует множество противоречий экономического, биологического, культурного и правового характера. И, наконец, возникает вопрос о природных объектах – биологических и географических. Многие из этих объектов не могут относиться лишь к природным, так как, являясь также культурными символами, часто выступают в качестве региональных брендов и объектов коммерческой эксплуатации т.д.

Все это делает невозможным построение единой универсальной комплексной системы оценки состояния сохранности и жизнеспособности объектов культурного наследия, поскольку часть факторов, обуславливающих их существование может носить и деструктивный характер. Так, например, коммерческий фактор будет общим для всех объектов, правда, очень часто его влияние может носить как положительный, так и отрицательный характер. В отдельных случаях коммерциализация некоторых особых региональных сортов, в конечном итоге может привести к их активному сохранению, в то же время отсутствие коммерческого интереса может означать для них полное забвение и исчезновение при отсутствии государственной поддержки. Таким образом, фактор государственной поддержки будет также являться универсальным принципом, существенным для сохранения культурного наследия.

Антропогенный фактор, т.е. фактор воздействия человека на объекты наследия, тоже можно считать универсальным, оказывающим существенное влияние как на природные, так и на материальные объекты культурного наследия (архитектурные памятники, комплексы, урбанистические районы, этнографические деревни и т.д.). Безусловно, многие объекты не могут существовать вне антропогенной составляющей. Они являются частью регионального или национального (и порой глобального) социума, и общество постоянно воздействует на эти объекты. Причем, негативное воздействие человеческий фактор может оказывать как при наличии высокой степени влияния, так и при низкой. Повышенный интерес к тому

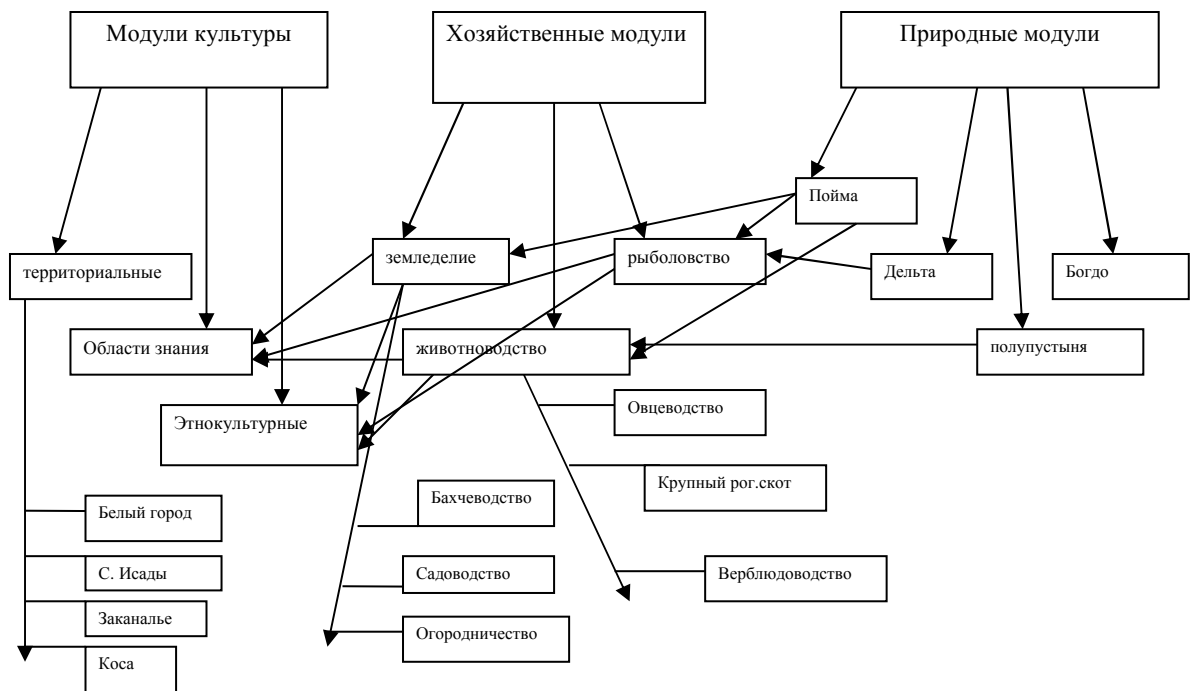
или иному объекту увеличивает индекс его коммерциализации, но в то же время приводит к техногенному воздействию, разрушающему объект. Активный интерес к различным этнографическим объектам способствует притоку туристов, но ведет к упрощению традиционного уклада, превращению объекта в туристический симулякр. Антропогенный фактор, выраженный в отрицательных величинах, также не всегда положительно сказывается на том или ином объекте, так как напрямую зависит от вкладываемых в него средств, а вложенные средства – результат внимательного отношения к объекту, его «популярности» в социуме.

Таким образом, здесь мы подходим к еще одному фактору – информированности общественности об уникальности того или иного культурного объекта наследия. Об индексе популярности такого объекта можно судить по вовлеченности или отчужденности от него в общественном дискурсе, т.е. насколько часто он упоминается в средствах массовой информации, интернет источниках и т.д.

Следующим фактором, который может рассматриваться в качестве своеобразного критерия оценки жизнеспособности самых различных объектов наследия, выступает ландшафтный фактор.

Если термин «географический ландшафт» широко укоренился в нашей повседневности, то понятие культурного ландшафта еще слабо используется как в средствах массовой информации, так и в научной литературе. Во взглядах на культурный ландшафт существует некоторая методологическая антиномия, вызванная разными гносеологическими (предметными) подходами, так как это понятие выходит за рамки только естественно научных или гуманитарных дисциплин. Каждый из специалистов пытается вычленить нечто свое в этом понятии. Как мы уже писали выше, в рамках традиционных монодисциплинарных подходов природная среда оказывается в зоне интересов географии, язык – филологии, этнические традиции – этнологии или культурной антропологии и т.д. Постулирование проблемы культурного ландшафта как целостной единицы позволяет включать в него целые системы, с учетом их внутреннего синтаксиса и прагматики.

Таким образом, культурный подход позволяет рассматривать ряд региональных явлений в комплексе, с помощью междисциплинарного подхода, что во многом обогащает как теоретическую, так и практическую стороны вопроса сохранения культурного наследия. Введение в проблематику сохранения культурного наследия концепта культурного ландшафта позволило взглянуть на локальное культурное наследие Астраханской области как на определенную динамичную систему, построенную на основе принципов синхронии и диахронии. Системный подход к культурному ландшафту и культурному наследию как наиболее ценной составляющей его привел к необходимости разработки синтаксиса этой системы, а также ее прагматики. Все это стало возможным благодаря формализации концепции культурного ландшафта края и представления его с помощью математических языков и логических схем.

Естественно, что каждый из этих факторов может быть обозначен через определенную математическую величину, например, от -10 до + 10. Это позволяет рассматривать каждый объект в его количественной составляющей, т.е. индексировать его уровень сохранности и прогнозировать жизнеспособность. Чем выше абсолютная совокупная цифра, тем жизнеспособней объект, вне зави-

симости от его типа (биологического, фольклорного, архитектурного и т.д.).

Все это можно представить в таблице:

№	Наименование фактора	-10/+10
1	Государственная поддержка	
2	Коммерциализация	
3	Антропогенное воздействие	
4	Информированность общества	
5	Включенность в ландшафт	
6	Динамика изменений, фактор жизнеспособности	
	Итого	-60/+60

В качестве примера этот принцип можно продемонстрировать с помощью эвалюации такого объекта культурного наследия, как дом купца Тетюшинова, который представляет собой памятник деревянного зодчества XIX в. (1872 г.). В советский период он находился в частном пользовании нескольких семей. Постепенно ветшал, и в конечном итоге все семьи были расселены по причине аварийности. Длительное время он был в заброшенном состоянии, пока в начале XX в. в нем не была проведена реставрация, после чего дом был передан на баланс Астраханской картинной галереи. Там был организован музей культуры XIX в., в котором проводятся различные массовые мероприятия. Все эти события часто освещаются в местной прессе, о доме и мероприятиях, проводимых в Музее, создаются телепередачи. В целом общественность хорошо информирована о данном объекте.

Вместе с тем следует отметить, что проведенная реставрация во многом нарушила первоначальный облик дома. Дом утратил практически полностью резной фасад, который был заменен новоделом. В настоящий момент дом, хотя и является в целом памятником деревянному зодчеству XIX в., может быть отнесен к нему уже весьма условно. В силу самых различных причин администрация Астраханской Картинной галереи и подрядная организация «Реставподрядинвест» пошли по более лёгкому пути, превратив дом в

некий симулякр, сохранив внутреннюю структуру, но создав внешнюю новую оболочку в стиле псевдорусского зодчества. Старые пластины были заменены на декоративные панели, имитирующие бревенчатый сруб, что было нехарактерно для деревянных построек на Нижней Волге.

Несмотря на то, что объект находится на территории Астрахани, застраиваемой в XIX в., современное состояние окружающих зданий в целом резко контрастирует с данным объектом, не создавая единого культурного ландшафта.

Все это позволяет следующим образом оценить данный объект с помощью вышеуказанных констант.

Эволюция Дома купца Г.В. Тетюшинова

№	Наименование фактора	Баллы	Примечания
1	Государственная поддержка	5	Филиал крупной организации Министерства культуры
2	Коммерциализация	7	Проводятся различные мероприятия коммерческого плана
3	Антропогенное воздействие	5	Подвергся перестройке
4	Информированность общества	7	
5	Включенность в ландшафт	0	
6	Фактор жизнеспособности	8	
	Итого	22	

Полученная оценка может служить своеобразным критерием, позволяющим многопланово оценить тот или иной объект, сравнить его изменения на протяжении ряда лет, проанализировать те факторы, которые способствуют его сохранности или, напротив, деструктивно влияют на него.

Возможность оценивать каждый показатель в положительных и отрицательных величинах дает нам возможность гибко подходить к оценке рисков и положительных факторов, благотворно влияющих на объект.

Безусловно, данная таблица не может считаться конечным вариантом в комплексном подходе мониторинга объектов культурного наследия, она должна еще тщательно тестироваться и отлаживаться. Вне всякого сомнения, каждый из отмечаемых критериев должен быть подробно расписан с точным указанием методов количественного подхода к оценке объекта. Любые параметры конкретного критерия (от отрицательной до крайней положительной величины) должны быть учтены и промаркированы в абсолютных числах в виде общей инструкции для всех пользующихся данным

методом. Все это даст возможность избежать субъективности в оценке объекта и позволить использовать данный метод разными людьми, применимо к одному и тому же объекту.

С учетом общих параметров модельно-модульного подхода нами были предложены основные ведущие сценарии с сохранением культурного наследия в полиэтничном регионе.

Пессимистический сценарий предполагает:

– недостаточное государственное финансирование как реставрации памятников материального культурного наследия, так и поддержки и пропаганды памятников нематериального культурного наследия;

- вследствие этого переход объектов материального культурного наследия в частные руки, в силу чего наиболее вероятно их разрушение и возможен снос или перепланировка данных объектов. Для объектов нематериального культурного наследия, требующих периодического воспроизводства и демонстрации (традиции, обряды, ритуалы, праздники), наступит период деформации и постепенного исчезновения;

– дальнейшее развитие глобализационных процессов и разрушение культурного ландшафта может привести к отчуждению объекта от аутентичного культурного ландшафта;

– перманентное ухудшение экологической обстановки окажет влияние прежде всего на памятники материального культурного наследия, которые требуют превентивных мер и постоянной борьбы с химическими реагентами, смогом и осадками. Не надо упускать из виду и возможность спонтанных пожаров, что, например, характерно для деревянного фонда культурного наследия многих российских городов, в том числе и Астрахани.

– недостаточная защищенность законом памятников материального культурного наследия приведет к его частичному уничтожению с целью использования земли в коммерческих целях;

– вместо аутентичного культурного наследия увеличится количество симулякров;

– в результате недостаточного развития гражданского общества, оно не участвует в сохранении культурного наследия;

– вследствие недостаточной информированности общества о наличии и состоянии культурных объектов, общественность слабо осознает важность проблемы и практически игнорирует опасность деформации культурного ландшафта.

Оптимистический сценарий предполагает:

– формирование развитой законодательной базы, которая надолго и прочно защитит культурное наследие регионов от деструктивного влияния и в том числе от коррупционных факторов;

– создание развитой инфраструктуры, в которую грамотно и логически выстроено включены объекты как материального, так и нематериального культурного наследия;

– наличие постоянно действующей системы подготовки и переподготовки квалифицированных кадров, открытие в региональных университетах специальности «Музейное дело и сохранение культурного наследия», включение в учебный план гуманитарных специальностей предмета «Сохранение культурного наследия с учетом полиэтничного характера региона»;

– имеющаяся в наличии инфраструктура и законодательная система охраны должны обеспечить возможность объектам культурного наследия стать отдельным кластером региональной экономики, что позволит в дальнейшем реставрировать, развивать, пропагандировать уникальность культурного ландшафта края;

– наличие продуманной информационной политики, являющейся одним из факторов формирования гражданского общества, неизбежно приведет к активизации интереса общественности к сохранению культурного наследия и развитию туристической сферы и сопутствующих ей секторов экономики.

Реалистический сценарий предполагает:

– частичную передачу объектов в частные руки и их последующее отчуждение от аутентичного культурного ландшафта, часть объектов поменяет свой статус, часть останется в прежнем статусе в федеральном и региональном подчинении;

– ряд объектов в результате смены хозяев и непродуманной реставрации превратится в симулякры;

– все это приведет к частичному изменению культурного ландшафта и еще большему отчуждению общества от проблем сохранения культурного наследия;

– однако часть объектов будет спасена за счет федеральных программ, дотаций местного бюджета и включения некоторых объектов (например, Астраханский кремль) в Список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО, а также спонсорской помощи и введения некоторых объектов в сферу туризма.

Следует учесть, что в стране, где долгое время частная собственность отсутствовала, и к ней сложилось особенное отношение, очень трудно будет найти как эффективные способы передачи объектов культурного наследия в частные руки, так и обеспечение надлежащих условий их существования. Поэтому на данном этапе изучение опыта управления наследием развитых европейских стран является скорее ориентиром, а не руководством к действию, и российское культурное наследие в настоящее время возможно сохранить только при определяющей роли государства в данном процессе.

На современном этапе сценарий сохранения и дальнейшего использования объектов культурного наследия Астрахани в рамках разрабатываемой модели должен учитывать перспективу развития туристической деятельности в регионе, богатом культурным наследием, а так же перспективу развития индустрии симулякров объектов культурного наследия.

Данный сценарий должен учитывать и тот факт, что культурный ландшафт Астрахани является фронтирным. Фронтирная среда характеризуется очень сложной моделью межкультурного диалога, в котором решающую роль играют самые разнообразные факторы, как внешние, так и внутренние. Внешние факторы, как правило, определяются через множество закономерных и случайных феноменов, таких, например, как вооруженные конфликты, религиозные идеи, миграционные потоки и т.д. Внутренние факторы доминант-

но привязаны к фронтальным ресурсам и возможностям доступа к ним основных фронтальных акторов. Конечно, и профессиональные идеи также играют определенную роль, но они могут быть не столь доминантны в силу общедоступности ресурсной базы. Вместе с тем, даже при условии ресурсной эгалитарности множество моментов может выступать в качестве дестабилизирующих во фронтальном диалоге.

При анализе межкультурного диалога на фронте, необходимо учитывать и особенности его типологии или периодизации: предфронт (ранний фронт), активный фронт, постфронт и рефронт. В каждый из периодов проявляются разные формы культурного диалога. Нередко в тот или иной период происходит кардинальная смена форм межкультурного диалога: от мирного обмена в ранний период, до военных конфликтов в период экспансионистской фазы фронта, когда один из акторов стремится к полному порабощению или уничтожению другого. В постфронтальную фазу нередко происходит пересмотр предыдущего фронтального диалога, поиск новых ориентиров.

Современный межкультурный диалог на территориях, которые можно отнести к фронтальным зонам, не возможен без ориентации на определенные сигнификаты, как правило, завязанные на культурную память фронтальных этносов. Учитывая тот факт, что за все периоды культурный диалог принимал самые разнообразные формы, то и сами сигнификаты могут иметь противоречивый характер.

Под сигнификатами понимаются определенные историко-культурные феномены (исторические события, традиции, места ландшафта, персоналии, фольклорные, нарративные и прочие реалии), которые фиксируются в народной памяти, транслируются и выступают своеобразными фиксированными центрами этнической идентификации.

Учитывая тот факт, что на фронтальной территории в формировании фронтальной памяти участвуют самые разнообразные этнические акторы, то и их сигнификаты столь же разнообразны, а по-

рой и взаимоисключающе. Примером таких взаимоисключающих сигнификатов на Северном Кавказе могут служить такие персоналии, как имам Шамиль и российский генерал Ермолов. Один в этнической памяти дагестанских этносов выступает в качестве борца за независимость горских народов, другой – душитель этой свободы. В результате памятник Ермолову в советское время постоянно подвергался актам вандализма со стороны вайнахских националистов. В то же время портреты Шамиля служили своеобразными маяками (сигнификатам) исторической идентификации борьбы кавказских народов за свою независимость.

Вполне закономерно, что сигнификаты существуют в народной памяти на самом разнообразном уровне и какие-либо попытки борьбы с ними обречены на провал. Вместе с тем полное их игнорирование столь же неверно, так как любой подобный сигнификат может в конечном итоге выступить в качестве не деструктивного, а конструктивного фактора в культурном диалоге. При этом следует понимать, какую роль он играет в системе этнических сигнификатов культурной памяти фронтальных акторов.

В любом случае необходимы действия по снижению деструктивных характеристик этого сигнификата, включение его не в этническую, а в общенациональную систему культурной памяти и без какой-либо негативной его оценки. Выключение его из этнических сигнификатов и превращение в сигнификат национальный создает единый культурный ландшафт, который теперь является общим для всех акторов фронта. В результате тот или иной сигнификат уже не может выступать в качестве опорного этнического сигнификата, противостоящего сигнификатам других этносов.

Примером подобной сигнификативной деконструкции могут служить такие персонажи американского фронта, как индейские вожди Ситтинг Бул, Джеронимо и т.д. Из отрицательных персонажей, борцов с американской армией, инсургентов, они превратились в своеобразные общенациональные бренды, которыми гордятся все американцы вне этнической принадлежности. Как пример такого сигнификата в нашем культурном ландшафте можно приве-

сти Курманазы Сагырбаева, который из конокрада и аутсайдера превращается в столп казахской культуры на территории Астраханского.

Вне сомнения, подобный процесс не может протекать стихийно, вне определенной региональной или национальной политики, в которой участвуют самые разнообразные стороны. Для поддержки и развития культурной памяти очень важен ввод новых сигнификатов, как этнических, так и национальных, которые бы инкорпорировали в себя предыдущие сигнификаты, обогащали бы их и транслировали в культурную память фронтальных акторов. Все это обеспечивает как функционирование идентификационных сигнификатов, так и их воспроизводство, что необходимо для нормального функционирования любого общества.

Вопросы к разделу:

1. Что представляет собой культурная модель сохранения объекта культурного наследия?
2. Что представляет собой модульный подход к сохранению культурного наследия?
3. Что представляет собой сигнификационный подход к анализу культурной памяти?
4. Какова роль фронтального культурного ландшафта в сохранении объектов культурного наследия и культурной памяти?
5. Рассчитайте жизнеспособность какого-либо регионального объекта культурного наследия.

4.2. Базовые модули фронтального города на примере Астрахани

В астраханском городском культурном ландшафте можно выделить несколько модулей – Заканалье, Закутумье, Коса, каждый из которых обладает культурным своеобразием.

4.2.1. Белый город

Модуль «Белый город» – это исторический центр Астрахани, включающий наибольшее количество объектов материального культурного наследия, в том числе и Кремль. Модуль «Белый город» – представляет собой отдельную самостоятельную историко-культурную единицу, и является одновременно и уникальным, и типичным, поскольку вырос из огороженного посада, окружавшего астраханский кремль. Такой же посад, с аналогичным названием был построен и в Москве в 1585-93 гг. Как и в московском, внутри астраханского Белого города располагались церкви, монастыри, административные сооружения, жилые дома. Он как бы формировал упорядоченное социальное пространство города, превращая его в административный и культурный центр Астрахани. Однако Астраханский Белый город можно считать более древним сооружением, чем московский, так как частично он был построен из камней, взятых из Хаджи-Тархана и Сарай-Бату. Ввиду своих меньших размеров и меньшей подверженности архитектурной трансформации в последние годы, он хорошо сохранился и представляет собой несомненную историко-культурную ценность.

Временем основания Белого города можно считать конец XVII в. В Астраханской летописи А. Штылько¹⁴² есть запись о том, что в 1582 г. произошло укрепление города тыном и палисадом, и в этом же году началась постройка Кремля, оконченная в 1589 г. Как и Кремль, астраханский Белый город был обнесен стеной. Как и в

¹⁴² Штылько А. Астраханская летопись: исторические известия, события, постановления правительственных и др. учреждений и факты из общественной жизни г. Астрахани с 1554 г. по 1896 г. включительно. Астрахань: Тип. Н.Л. Рослякова, 1897. С. 5.

Кремле, по контуру оборонительных стен вокруг Города были сооружены 13 сторожевых башен с воротами: «Гарянские, Староисадные, Спасские, Вознесенские, Решеточные, Мочаговские»¹⁴³. Белый город, окруженный с трех сторон реками, органически вписывался в окружающий ландшафт, что тоже усиливало его фортификационную функцию. Современные улицы практически до сих пор очерчивают контуры не сохранившихся стен.

На территории Белого города сохранилось наибольшее количество памятников истории и культуры. Его архитектурные ансамбли XVIII и XIX вв. наиболее ярки и привлекательны. Многие из них выполнены в астраханском эклектичном стиле, вобравшем в себя стили различных эпох от нарышкинского барокко и русского рококо до различных элементов восточной архитектуры. Именно здесь проживали или временно останавливались знаменитые государственные деятели, писатели и путешественники во время своего пребывания в Астрахани: Петр Паллас, Самуил Гмелин, Карл Бэр, Иоганн Георги, Александр Гумбольдт, Герард Миллер, Петр I, Александр II, Артемий Волинский, Иоганн Бларамберг, Василий Тредьяковский, Иван и Софья Тимирязевы, Александр Дюма-отец, Ян Потоцкий, Тарас Шевченко, Иван Аксаков и многие многие другие.

С утратой основных оборонительных функций аналогичные Белому городу сооружения, как правило, разрушались и уничтожались. Так в Москве были разрушены и Белый, и Китай-город, подобное случилось и с частью крепостных стен Запретного города в Пекине при сооружении главной пекинской площади. Эта же участь постигла и Белый город в Астрахани.

Реконструированный нами модуль Белого города имеет три слоя. Первый, актуально данный – это те 62 объекта культурного наследия, которые на данный момент включены в список культурного наследия как на федеральном, так и на региональном уровне. Это реально существующие объекты в различном состоянии, в том

¹⁴³ Рыбушкин М. Записки об Астрахани. Издание 3-е, дополнительное Астрахань, с.22.

числе и в аварийном. Второй слой модуля – это объекты, существующие или недавно утраченные и снятые с учета и, соответственно, лишенные статуса памятников – шесть объектов¹⁴⁴. Третий слой – это виртуальные объекты, исчезнувшие задолго до их включения в реестр, но остающиеся в культурной памяти и представляющие собой историко-культурную ценность (около 20). Они сохраняют свою значимость в историко-культурном контексте культурного ландшафта Белого города, проявляясь через различные нарративы: биографии, городские легенды, описания исторических событий и т.д. Поэтому они сохраняются в культурной памяти горожан, нарративных источников, старых фотографиях, гравюрах, зафиксированы в картах и архивных документах.

В историко-культурном ландшафте Белого города уна данный момент утрачены не только крепостные стены, но и часть исторических построек. Вместе с тем, планировка улиц Астрахани, как мы уже писали выше, практически полностью совпадает по форме с Белым городом, что позволяет говорить об определенном урбанистическом культурном наследии в Астрахани и ландшафтной преемственности. Длительное время в рамках Белого города существовали особые архитектурные традиции, призванные обеспечить сохранность и особый стиль зданий, располагавшихся в его пределах. Городская дума в XVIII - XIX вв. постоянно следила за поддержанием этого общего архитектурного стиля.

На сегодняшний день воссоздать в реальности весь архитектурный ансамбль Белого города невозможно. Однако возможно реконструировать историко-культурный ландшафт, как в виртуальном варианте, так и в виде символического преобразования современных зданий, построенных на месте утраченных, придав им новое архитектурное или лингвистическое звучание.

Белый город может рассматриваться как единый модуль не только в силу исторического его формирования как единого про-

¹⁴⁴ Приложение 2 к Постановлению Главы Администрации Астраханской области от 27 декабря 1993 г. № 230.

странства, но и в силу того, что в нем находилось все необходимое для автономного функционирования: административные здания, торговые заведения, жилые дома, сфера обслуживания, сакральные центры и т.д. Все это нашло свое отражение в лексике горожан, которые определяют Центр через понятие «город». До сих пор коренные астраханцы под фразой «пойти в город» подразумевают всего лишь «направление в центр города». В этом смысле понятия Астрахань и Город, как бы разделяются. Астрахань – это нечто большее, а Город – это всего лишь городской центр, совпадающий по определению с Белым городом.

Белый город является единым модулем еще и потому, что он включает в себя целую группу культурных объектов, связанных с полиэтничностью Астрахани, как одной из главных особенностей ее историко-культурного ландшафта. Прежде всего, это торговые дома и казенные заведения, имевшие отношения к различным этносам, проживающим на этой территории. Гостиные двory, или караван сараи, или как в Астрахани их до сих пор называют «подворья» - одна из ярчайших примет торгового города. В Астрахани они еще и придавали городу особый колорит. Далеко не все ясно с историей этих дворов. Традиционно принято считать, что торговые подворья были построены в Астрахани в первой половине XVII в.: «Первый гостиный двор в Астрахани появился в 1625 г., выстроенный в складчину иноземцами, Русский же гостиный двор выстроен самими торговцами в 1663-1665 гг.»¹⁴⁵. Однако исследовательница Е.В. Гусарова нашла доказательства, что гостиные двory уже существовали на данный момент на территории Астрахани¹⁴⁶, а, следовательно, возникли гораздо раньше. Так, в Памятниках дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, есть ряд упоминаний о гостиных дворах: в статейном списке посланника Г.Б. Васильчикова (1589) упоминается о гилянце с гостиного двора

¹⁴⁵ Штылько.А. Исторический очерк города Астрахани.// Альбом видов Астрахани. Саратов.1896.с22

¹⁴⁶ Гусарова Е.В. Астраханские находки С-Пб 2009 с.55-92.

в Астрахани. В переписке персидского посла Ази Хосрова (1593) упоминание о тезицком дворе и т.д.¹⁴⁷. Как об уже существовавших дворах русском, бухарском, кызылбашском (а так же «крымском», позже бесследно исчезнувшем) торговых дворах упоминает русский купец Ф.А. Котов в своем «Хождении» в 1623 г.¹⁴⁸. В другом источнике говорится, что «в 1625 году персияне, армяне и индийцы построили... гостиные дворы: армянские, персидские и индийские каменные по обряду азиатскому, неподалеку от Спасского монастыря».¹⁴⁹

Персидское подворье

Мы не можем на данный момент полно и достоверно проследить количество, историю возникновения, перестройки и утраты гостиных дворов. Однако необходимо заметить, что частновладельческие торговые дома практически почти все сохранились и на данный момент являются включенными в список памятников культурного наследия. Это, прежде всего, *персидское* подворье, называемое так же «Усейновским двором», построенное в XVIII в. по типу восточного караван-сарая на пересечении улиц Индийской, Почтовой и Екатерининской. (ныне Чернышевского, Володарского и Советской). Здание с мезонинами нарушало городской указ о разрешении строительства в центре города только двухэтажных зда-

¹⁴⁷ Веселовский Н.И. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т.1 СПб.1890 с.15,198.

¹⁴⁸ Хождение купца Котова в Персию. М.1958.с.39

¹⁴⁹ Кирилл Васильев. Ключаревская летопись: история о начале и возобновлении Астрахани, случившихся в ней происшествиях, об архиереях в оной бывших, а также о воеводах, градоначальниках и губернаторах. — Астрахань: Тип. Губернского Правления, 1887. — 89 с.

ний, однако персы использовали третий этаж как молельню, поэтому мансарда была сохранена. Этот факт тоже вносит свой акцент в культурный ландшафт Белого города.

Не меньший колорит привнесило в культурный ландшафт и *индийское* подворье, которое так же «имело свою кумирню»¹⁵⁰. Проживая на астраханской территории, индусы еще умудрились сформировать новую этническую группу. В период восстания Сеньки Разина, когда разинцы перебили многих персов и индусов, татары приняли индусов под свое покровительство. Индусы были приняты в татары, со статусом младшие или нечистые (отсюда и их название - агрыжане). Позже они начали вступать в брак с татарками и другими женщинами других дворов, образовав Агрыжанскую слободу. Агрыжанскими татарами становились дети индусов, родившиеся от татарок, которых они получали от татар за долги (жен и дочерей). О насилии со стороны разинцев по отношению к индусам писали и Татищев, и Гмелин. Интересную информацию оставил Ян Потоцкий: «Большая часть индейцев, живущих в Астрахани, родом из Мультана. У них есть брамины, кающиеся, вода из Ганга, одним словом, все, что принадлежит к их религии. Я видел, как они вечером молились Вишну. В их божественной службе есть наружное великолепие, сколько позволяют место и обстоятельства. Астраханские индейцы питаются мясом, но не едят говядины из уважения к корове.

Татарское подворье

¹⁵⁰ Рыбушкин Записки об Астрахани, М.1841.- с.73

Подворье Усейнова

Они часто покупают птиц и выпускают их на волю, кормят собак, бегущих по улицам, и вообще оказывают великую привязанность к животным. Окончив дневную работу, они прогуливаются в саду, который нанимают;

курят калеун, едят сарачинское пшено; чудясь, рассматривают прекрасный цветок или травку, удивляются творцу в малейших его творениях и с довольным лицом возвращаются в свои караван-сарай. Они почитают себя весьма счастливыми, если у них есть платье темно-зеленое или алое, два цвета, которые они весьма любят. Когда они умирают, тела их предают огню, и пепел отправляют в Индию. Прежде они и при жизни охотно туда возвращались, но теперь начинают чувствовать цену личной свободы»¹⁵¹.

К подворьям Белого города относился и гостиный двор с торговыми лавками Аджи (подворье Усейнова), в народе называемой *армянским* подворьем, так как армяне играли значительную роль в культурном ландшафте города. К комплексу подворий относилось и так называемое «*Татарское*» или «Темный ряд» Оно датируется XVIII-XIX вв. и является остатком когда-то большого квартала.

¹⁵¹ Потоцкий Я. Путешествие Яна Потоцкого в Астрахань и окрестные страны в 1797 году // Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV-XVIII вв. Сталинград, 1936, С. 209.

Благодаря многим вышеперечисленным факторам в Белом городе образовалась особая поликультурная среда, на что указывал еще Ян Потоцкий: «В Астрахани больше купцов персидских, нежели индейских; я видел двести первых, собравшихся в караван-сараяе, который они украсили для праздника Госсейна; здание было

Кондитерская Шарлау

освещено большими фонарями в китайском вкусе, что производило прекрасный вид. Но самое большое впечатление произвела на меня веротерпимость, какую, может быть, чрезвычайно трудно найти на каком-нибудь другом месте земного шара. Последователи Али, проклиная в своих караван-сараях приверженцев секты Омара, могут слышать, как призывают на молитву крики муедзинов с их последних, колокола греческой церкви, тамтам индейцев, и, может быть, жужжание лам. К этим разным религиям можно еще присовокупить несколько сект староверцев, и все европейские и азиатские христианские общества»¹⁵².

Калмыцкая управа

К поликультурному пласту Белого города относились и учреждения, связанные с

¹⁵²Там же, с. 210.

решением национальных вопросов. В центре Белого города находилась так называемая Калмыцкая управа. Она была построена арх. К.Л. Депенри. Официально в здании помещались Палата государственных имуществ, присутственные места Калмыцкого управления и Калмыцкое мужское училище. Белый город был еще и центром розничной торговли. Торговля в Белом городе велась не только через торговые дома, в том числе и иноземные, но и через многочисленные магазины, которые составляли важную часть городского культурного ландшафта. Это и кондитерская Шарлау, и магазин швейных машин Зингер, писчебумажный магазин Л. Шарбера, «где можно было купить и открытки с видами Астрахани»¹⁵³ и т.д..

Усадьба надворного советника К. Федорова

Белый город представляет собой определенный модуль и по совокупности объектов сакрального назначения. К территории Белого города примыкал Кремль с многочисленными церковными постройками. На территории Белого города находились исключительно православные церковные постройки, мечети строились за его пределами. Не попали в черту Белого города католический костел и лютеранская кирха, а приезжие иноземные купцы осуществляли свою культовую деятельность в молельнях при подворьях.

Первая деревянная церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы была построена в Белом городе в 1560 г в Конной стрельцкой слободе. По улице Рождественской располагался Спасо-Преображенский монастырь. Сооруженная в 1607 г. башня монастыря сохранилась до настоящего времени. В 1672 г. построена Знаменская церковь, перестраивавшаяся неоднократно, в настоящее время это территория хлебзавода.

¹⁵³ Марков А.С. Астрахань в старых открытках, 2007. с.71-72.

Входо-Иерусалимская церковь

К несохранившимся сакральным памятникам Белого города относится и Входо-Иерусалимская церковь, на месте которой сейчас находится жилой дом и салон «Леди Шарм». Еще одним сакральным памятником, исчезнувшим из культурного ландшафта, но оставшимся в культурной памяти горожан, была Рождество-Богородицкая церковь, находившаяся на месте Пушкинского садика и магазина «Современник». Одно время одна принадлежала

грузинской общине,¹⁵⁴ затем была студенческой церковью, а в начале XIX в. ее приписали к Каспийскому флоту и снесли в 1932 г.

Основу культурного ландшафта Белого города составляли кварталы, наполненные добротными купеческими двухэтажными особняками, с балконом и парадным входом, часто с въездными воротами, которые сохранились до наших дней. Именно они формируют в настоящий момент особый неповторимый колорит Белого города и входят в список памятников культурного наследия регионального уровня. Очень часто особняки выполняли двойную функцию. На первом этаже были магазины и служебные помещения, а на втором – жилые. Типичным купеческим особняком со знаменитыми львами на воротах

Башня Спасо-Преображенского мужского монастыря

¹⁵⁴Протоиерей Иоанн Саввинский. Грузины в Астраханской епархии. - Астрахань, 1898. — С. 9 -12

является усадьба надворного советника Кирилла Федорова, известного астраханского купца и кутилы.

Именно в его доме помещается впоследствии знаменитая аптека Оссе, а затем и чайный магазин Козлова. Не менее типична и усадьба С.Г. Сундукова, построенная, как и кофейня Шарлау архитектором К.К. Домонтовичем.

Усадьба Сундукова С.Г.

На первом этаже размещалась известная в городе фотография Шляхова. До настоящего времени комплекс дошел со значительными искажениями первоначального облика, особенно на уровне 1-го этажа – изменены многие дверные и оконные проемы, со двора наблюдается масса поздних пристроек и переделок¹⁵⁵.

Дом доходный Багирова М.А.Д

Типичным доходным домом был дом купца Хан-Мир Абуталиба Багирова, вышедший на Московскую улицу (ныне Советская). На первом этаже располагались 7 магазинов, в том числе

¹⁵⁵ ГКУ АО «Государственный архив Астраханской области» Характеристику дал начальник инспекционно-охранного реставрационного отдела Подколзин Н.И. 1997.

часто посещаемый астраханцами большой магазин фирмы «Граммофон», книжный магазин Никольского, магазин «Энергия» и магазин игрушек. Наверху была женская гимназия Н.С. Шавердовой, сестры крестной матери Б.М. Кустодиева.¹⁵⁶

Дом Репина А.А. и его наследников

Традиционным для Астрахани был и дом городского головы – А.А. Репина (1879-1886 гг.) - известного мецената, подарившего городу свою библиотеку и уникальную коллекцию европейских гравюр. На первом этаже дома располагались кумысные лавки, магазин по продаже изделий из золота и серебра братьев Мизандронцевых, и даже завод по производству искусственных минеральных вод П.М. Никольского.

Особое место в культурном ландшафте Белого города занимает Усадьба Хачикова. Его домовладение состояло из нескольких построек, наиболее ранняя из которых – одноэтажный жилой дом в 7 окон по уличному фасаду, образец рядовой жилой постройки городского

Усадьба Хачикова

¹⁵⁶ Богатырев А.И. Астрахань:улицы, годы, судьбы.-Астрахань, 1999.С.19; Марков А.С. Сто лет назад.-Астрахань,2006.-С.470-471

центр¹⁵⁷. Дом знаменит в Астрахани и за ее пределами тем, что в нем с 1883 по 1889 гг. проживал ссыльный писатель и революционер Чернышевский Н.Г.

Заметными маркерами культурного ландшафта купеческого города были банки, которые, правда, начинают появляться достаточно поздно с 1880 г. Первый Астраханский

Восточный банк

банк располагался в городской усадьбе 1830г. на перекрестке улиц Московская и Мало-Демидовская, (ныне Советская и Челобяна) в так называемом доме Геллерта. Еще одно знаковое для Астрахани архитектурное сооружение, вносящее евразийский колорит в культурный ландшафт Белого города –Русский банк для внешней торговли, или Восточный банк, или Азиатский банк на Эспланадной. Именно эта улица к концу XIX в. стала именоваться банковской, «поскольку на ней разместились отделения государственного банка, Общество взаимного кредита, Комиссионерство русского торгово-промышленного банка, Ссудо-сберегательное товарищество и Астраханско-Красноярское общество взаимного кредита». ¹⁵⁸

Важным компонентом модуля «Белый город», определяющим его статус, являлись административные здания. Прежде всего, это дом генерал-губернатора, принадлежащий первоначально купцу Дилянчеву, здание войскового казачьего правления.К

¹⁵⁷ Козлова Н.В. Некоторые черты личностного образа купца XVIII века //Менталитет и культура предпринимателей России XVII –XIX вв. Сборник статей. М., 1998.с.46-57.

¹⁵⁸ Штылько А. Иллюстрированная Астрахань. Очерки прошлого и настоящего города, его достопримечательности и окрестности. Саратов. 1896 г. с. 59

административному сектору относится и здание почтово-телеграфной конторы и телефонной станции, 1900-1903 гг.

Здание имело автономную электростанцию. Отсюда можно было посылать телеграммы во все концы России¹⁵⁹.

Неотъемлемой составной частью культурного ландшафта Белого города были

Здание почтово-телеграфной конторы и телефонной станции

так называемые общественные постройки: гимназии, училища, больницы, дома презрения. В этом, как и во многом другом, культурный ландшафт Белого города эклектичен. В самом центре, в здании нынешней Областной Думы, размещалось Реальное училище, находившееся первоначально тоже в черте Белого города в доме Агамжанова. Реальное училище было частью комплекса так называемых зданий городских учреждений, в которых размещались городская Дума и городская Управа. К развлекательным учреждениям, которые тоже в основной массе находились на территории Белого города, относились городской театр и ныне утраченный кинотеатр «Модерн», открытый в 1909 г.

¹⁵⁹ Марков С. «Астрахань в старых открытках, 2007.-С.68-69

Во многом утраченный нами культурный ландшафт Белого города достаточно сложно восстановить в реальности. Однако мы можем зафиксировать его в культурной памяти, не только описав в монографиях и учебниках, и воспроизводя в учебном процессе, но и смоделировав его виртуально в виде табличек и памяток на месте утраченных домов и памятников или в виде виртуальных экскурсий.

Кинотеатр "Модерн"

4.2.2 Заканалье

Характеризуя культурный ландшафт Астрахани, мы уже обращали внимание на существование множества рек и речушек, которые охватывали город непрерывным водяным кольцом от Кутума до Волги. Это и приводило многих к выводу, что Астрахань находится на острове. Такую точку зрения высказывал и первый воевода И. Черемисинов, и первые иностранные купцы, и послы¹⁶⁰.

К сожалению, в сухое время года низина пересыхала, оставляя зловонные ямы. Между ними в некоторых местах устанавливались мостки на временных поставках-козлах. Место это было нездоровое, гнилое. Именно на него обратил внимание Петр 1 во время

¹⁶⁰ Там же.-С.23.

своего пребывания в Астрахани и принял решение углубить линию под канал. Канал разрешил сразу две проблемы, стоявшие перед городом. Во-первых, астраханцы осушили заболоченные участки, открыв путь новому строительству за стенами Белого города. Новые кварталы, возникшие на осушенных участках, получили название Зakanалье. Во-вторых, и это не менее важно, был сохранен оборонительный рубеж. Но теперь уже не естественный, а искусственный. Канал соединился с Кутумом и через речку Скаржинку (ныне не существует) выходил к Волге. Это обеспечило Астрахани прежнюю безопасность.

Канал начали рыть в 1744 году по проекту, утверждённому ещё в 1722 году Петром Первым. Для защиты этой местности от затопления, вследствие ненадёжности береговых укреплений канала, устья его, как со стороны Волги, так и со стороны Кутума, были загорожены забойками из деревянных свай, щебня и мешков с землёй. Посередине забойки оставались отверстия, через которые в канал пропускалась волжская вода, а при паводке эти отверстия забивались наглухо. Этот земляной вал (или забойка у Волги) являлся переправой через канал с городской стороны в татарскую часть города, впоследствии он был превращён в мост и получил название Земляного.

На прорытие канала была затрачена огромная, по тому времени, сумма в сто тысяч рублей¹⁶¹. Однако канал был прорыт без учёта верхового стока Волги, поэтому вода по-прежнему застаивалась, что не уменьшало зловония.

Канал первоначально назывался Астраханским и был небольшим – неглубоким и неухоженным. Он быстро обмелел и зарос. Вот за этот неприглядный вид канал и получил с тех пор в народе прозвище «Канава», однако денег на расчистку его в городской казне так и не хватало.

В конце XVIII – начале XIX вв. его расширили, углубили, построив через него четыре моста и набережные на средства почетно-

¹⁶¹ Рыбушкин М. С. Записки об Астрахани. - М.: Тип. С.Селивановскаго, 1841. С. 132.

го гражданина грека Ивана Варвация. В 1817 году этот канал высочайшим повелением приказано было именовать Варвациевским.

Но, хотя в благоустройство канала огромные деньги сначала вложил купец И. Варваций и не меньшие средства отдал на доработку С.М. Лионозов, ирригационная ошибка проектировщиков до сих пор дает о себе знать. Потому-то астраханцы по-прежнему называют эту искусственную речку «канавой».

С историей астраханских каналов тесно связано имя коммерции советника С.М. Лионозова, который в 1894 году предложил осуществить заветную мечту всех астраханцев – углубление Варвациевского канала, реки Кутум и Адмиралтейского затона. Эти три водовместилища являются наиболее легким и дешевым путем сообщения, как в самом городе, так и с уездами. В Адмиралтейском затоне даже можно оборудовать бухту для стоянки и зимовки судов.

Такое полезное для города дело Лионозов пожелал осуществить на свои деньги, «сколько бы это ни стоило» и передать в дар городу. Стоимость такого мероприятия, по подсчетам специальной комиссии была оценена в 300000 рублей. Однако Лионозов поставил условие: доходы от настоящего пожертвования должны пойти на благотворительные цели, а именно на образование Благотворительного Фонда им. Степана Мартыновича Лионозова. Он высказал пожелание, чтобы средства из этого Фонда шли не отдельным лицам, а на постройку в Астрахани дома трудолюбия, устройство ночлежного дома, поддержание детских больниц, Комиссии народных чтений. Особое внимание он уделял выдаче премий через каждые 2 года за 3 лучших сочинения, касающихся благоустройства города Астрахани, развития торговли и промышленности¹⁶².

Такое пожертвование было как нельзя кстати, так как в конце XIX века канал почти утратил свое значение и даже было предло-

¹⁶² Журналы Астраханской Городской Думы (январь-июнь 1894 г.).-Астрахань.: «Паровая Новая Русская Типография», 1905. С.6-7.

жено его засыпать. Благодаря С.М. Лианозову канал вновь приобрел важность, как внутренний водяной путь.

В «заканалье» находились Армянская, Персидская, Бухарская и Агрыжанская слободы, которые соединялись с Центром мостами. Татарский и Армянский мосты на «Канаве» получили свои названия как переправы, связывающие центральную часть города с его районами, расположенными за Канавой и населёнными татарами и армянами. За Полицейским мостом через канал, как писал летописец, «в Астрахани – настоящая Азия»¹⁶³.

Каждая из национальных слобод имела свои мечети, характерным элементом которых является соединение основного объема храма с вертикалью минарета над центральным входом в мечеть. Все мечети до начала XIX в. были деревянными. Мечети Бухарского двора в XIX веке были перестроены в камне - Черная мечеть на средства купца Якупова, Белая мечеть на средства купца Исмагилова. Персидская мечеть была построена в камне в 1860 г. на средства Персидского общества¹⁶⁴. Неподалеку от Персидской мечети, в Армянской слободе, в 1771 г. армянским купцом Астуровым была построена церковь во имя святых Петра и Павла. Здесь же находилось компактное поселение астраханских немцев, где по проекту архитектора К. Домонтовича было построено каменное здание немецкой кирхи, средства на которую собирались долгие годы.

В Заканалье, в доме, сдаваемом Алиевым, с 1885 года на Армяно– Петропавловской улице проживал Франц Шперк, который работал во врачебном отделении губернского правления помощником инспектора. Это был очень уважаемый человек, отмеченный за труды высокими российскими наградами: четырьмя орденами Святого Владимира 4 степени, Святой Анны 2 и 3 степени, Святого Станислава 2 степени, бронзовой медалью в память войны 1777-

¹⁶³Исторические путешествия: извлечение из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV - XVIII вв. / сост. В.Алексеев. - Сталинград: Краев.кн. изд-во, 1936.-С.67..

¹⁶⁴ Вся Астрахань и весь Астраханский край. Астраханская губерния на 1910 год.- Астрахань, 1910. С.45-46

78 гг., знаком Красного Креста и бриллиантовым перстнем от государыни императрицы. Им был написан труд «Опыт хронологического указателя литературы об Астраханском крае с 1478 по 1887 год», научные статьи на медицинские темы, о рыбной промышленности, географии, истории с. Енотаевки, народном образовании.

Недалеко находилось Армянское Агабабовское уездное училище, почетным смотрителем которого был почетный гражданин Кирилл Агамжанов. Член Благотворительного Общества Ф.П. Кафтанников пожертвовал в 1888 году свой дом на Набережной Варвацевского канала между Татарским и Земляным мостами для женской ремесленной школы. Образована она была ранее, в 1872 году. Обучение и содержание там были бесплатными, принимались сироты, дети из приютов. Здесь девочки обучались швейному, прачечному, башмачному, переплетному и белошвейному ремеслам. С 1892 года сюда добавляется обучение кулинарному искусству, как полезному и необходимому в жизни. На выпуске девочкам давалось за счет школы «приданое»: 2 платья, 3 перемены белья, пара обуви и теплое пальто.

В 1887 году астраханский армянин Саркис Тамазянц пожертвовал в пользу армянской общины только что отстроенный каменный дом стоимостью в 5 тыс. рублей на берегу Варвацевского канала (дом 119). Это массивное здание со своеобразными башенками наверху несет в себе элемент эклектики, смешение двух архитектурных стилей – древнеармянского и модерна. Здание стало центром армянской благотворительности.

4.2.3. Закутумье

Река Кутум, прорезающая левобережную часть Астрахани с запада на восток, является одним из бесчисленных рукавов Волги. Происхождение названия реки достоверно неизвестно. Этот рукав мог получить свое название по имени татарского князя Кутума, хотя возможно, что и прозвище свое татарский князь получил от имени реки, на берегах которой, может быть, стояли его кибитки. Вто-

рое предположение более вероятно, так как названия рек всегда древнее, прозвище или фамилий владельца земли, по которой протекает река или на которой расположено селение. Скорее всего, название свое река получила по имени изобиловавшей здесь когда-то рыбы кутум (рыба из семейства карповых, подвид вырезуба, похожая на сазана).

За стеной Кремля и Белого города первоначально селились «людишки помельче, чаще не имевшие к государственной службе никакого отношения. По росписному списку 1707 г. указывается, что за Земляным городом у реки Кутумовой находилось 58 дворов. После восстания 1705-1706 гг. многие дома в этом районе были сожжены, чтобы царские войска не могли подойти к городским стенам»¹⁶⁵. Но Астрахань быстро разрасталась. В пространстве между городом, Волгой и Кутумом и на юге вдоль стен сначала появлялись хозяйственные постройки, амбары, причалы.

Кутум был в прошлом судоходной рекой, и, как единственный годный в течение навигации водяной путь к Большим Исадам, открыт для провоза продуктов во всякое время дня и ночи на судах, которые могли пройти по Кутуму. Берега Кутума в пределах города были укреплены деревянными забойками и ивовыми плетнями, что создавало вид набережной. Часть берега была отведена Городской Управой для бесплатного пристанища перевозных лодок, небольших судов с рыбными товарами и сельской продукцией. Стоянка других судов более положенного времени на Кутуме запрещалась. Но постановление часто нарушалось, и с судов велась торговля, преимущественно сухой рыбой, мешая свободному движению других судов. Меры, предпринимаемые Городской Управой особого действия не имели, и тогда было решено с таких судов-магазинов брать арендную плату¹⁶⁶.

¹⁶⁵ Соколов А.П. Астрахань в её прошлом и настоящем: ст. III и последняя // Журнал Министерства Внутренних Дел. - 1845. - Ч. XII, кн. 10-11. С. 379.

¹⁶⁶ Журналы Астраханской Городской Думы (январь-июнь 1894 г.). Астрахань: «Паровая Новая Русская Типография», 1905. С.279.

Зимой на Кутуме у Иорданской сени и Коммерческого моста возникали рыбные базары, где продавалась свежевьяленая и мороженая рыба. Зимний берег реки Кутум был буквально завален мороженой рыбой. Количество ее было огромно¹⁶⁷.

Судам разрешалось заходить в реку Кутум для спасения во время бури при северном и западном ветрах, но по окончании бури они должны были немедленно оттуда уйти. Исполнение данного постановления лежало на обязанностях Речной Полиции. На каналах во избежание несчастных случаев дежурили лодочники. Особенно это практиковалось в ночное время.

Позднее стали возводиться жилые и управленческие дома. По спуску к стрелке Волги и Кутума расположился Деловой двор, заботой которого было судоходство. Дальше по берегу тянулись хозяйственные дворы церквей, монастырей, причалы, склады купцов, рыбопромышленников. По кутумной городской стороне вдоль стен Белого города строились горшечные сараи, кожевни.

Сейчас уже трудно представить, что по обеим сторонам Кутума, Луковки, Криуши были многочисленные виноградники, сады, огороды, принадлежавшие казне, монастырям и частным лицам. Река Луковка впадала в Кутум в месте нынешнего моста Победы и, не доходя до Покровского монастыря, поворотом впадала в Казахий ерик. На ее берегах близ Ивановского монастыря жили плотники, корабельные умельцы, строившие по заказу купцов и владельцев рыбных вод торговые и промысловые суда.

Весенние дни располагали к отдыху на природе, и многие астраханцы отдавали предпочтение прогулкам по воде. Для этого был огромный выбор различных плавающих средств – лодки, куласы, будары, шлюпки, паровые катера. Особенно оживленно было на Кутуме и Варвацевском канале. Иногда водные катания заканчи-

¹⁶⁷ Очерки рыболовства по реке Волге и берегам Каспийского моря. Астрахань, 1856. С. 27

вались трагически: часто лодки были перегружены и переворачивались¹⁶⁸.

Некоторые астраханцы специально содержали небольшие лодочки для любителей развлечений. Но никаких правил для таких содержателей установлено не было: нередко лодки текли, не были устойчивы, не имели спасательных средств.

Зимой были иные развлечения: катание на санях, коньках, чунках – небольших санках, на которых передвигались, сидя на коленях, отталкиваясь ото льда специальными палками с острием на концах – дротиками. Особенно много тут было молодежи. Ходатайствовали даже об открытии общего, бесплатного катка для учащихся. Хороший, благоустроенный каток уже был в порту, но он был платный и недоступен для многих детей и юношей. Однако дело затянулось и бесплатный каток так и не был открыт.

Из новогодней праздничной череды выделялось водосвятие на Кутуме. Проходило это обычно 6 января (19 января по новому стилю). На льду реки высекались из ледяных глыб крест, врата, подсвечники и ледяная часовня, которые окрашивались в розовую, синюю и голубую краски, создавая удивительную гамму. Строители ходили в толпе и собирали деньги за свой труд. До начала церемонии выпускали голубей, которые кружили над часовней. После молебствия самые смелые купались в прорубях.

¹⁶⁸ Марков А.С. Сто лет назад. Астраханская губерния на меже веков. -Астрахань:ГП АО «Издательско-полиграфический комплекс Волга»,2006. С.166.

В августе проводился «лошадиный праздник». Каждый год 18 августа астраханцы приводили своих разукрашенных коней на площадь к церкви Михаила Архангела в излучине Кутума в Ямгурчеевской слободе.

С Кутумом связано и функционирование самого значительного базара в городе – Большие Исады, отличавшегося от других рынков Астрахани и, тем более, от рынков других городов. Рынок появился в XVI в. рядом с главной пригодной пристанью. Вот поэтому его и называли «Исады», так как это слово означало «пристань». Долгое время Большие Исады играли роль главного рынка города.

Большие Исады

Некоторые из посетивших Астрахань писателей видели в астраханских Больших Исадах своего рода достопримечательность: «татары, торгующие зеленью, персы со своими персидскими товарами, «чурешники» (продавцы татарского хлеба), армяне, торгующие армянским сыром и солеными закусками»¹⁶⁹. Первоначально Большие Исады принадлежали Ивановскому монастырю... со вре-

¹⁶⁹ Штылько А. Иллюстрированная Астрахань: очерки прошлого и настоящего города, его достопримечательности и окрестности.- Саратов: Паровая скоропечатня Губернского Правления, 1896. С.74.

менем это место было передано Городской управе и с 1803 г. на берегу Кутума были построены для торговли деревянные сараи, лавки, палатки. В 1881 г. Городское управление внесло решение о благоустройстве рынка, и в 1882 г. началось строительство крытого рынка и ряда других, меньших по размеру, корпусов, рыбных и зеленых рядов. Традиционное устройство торговых рядов с открытыми галереями, которые в период классицизма нередко включались в композицию жилых и общественных зданий, в середине XIX столетия было дополнено введением совершенно нового по характеру торгового здания – пассажа. По типу пассажа было выстроено в Астрахани центральное здание рынка Большие Исады: прямоугольное в плане, замкнутое в объеме, строение состоит из трех нефов, трех галерей, с металлическими перекрытиями. Центральный неф выделен по высоте. Строительство нового здания рынка сопровождалось сооружением в районе Больших Исад каменных домов под гостиницы, торговые дома, столовые, «номера». В 1891 г. у Красного моста на средства рыбаков, окрестных жителей, торговцев была построена часовня во имя святого Николая, в народе прозванная «Красивой».

«Закутумье» во второй половине XIX столетия обустроилось солидными особняками купцов и промышленников. Вдоль южного (ближнего к Кремлю) берега Кутума идет Красная набережная, наиболее примечательные здания на которой – Демидовское подворье (конец XVII — начало XVIII века), огромный комплекс складских помещений, возможно (это никак не документировано) принадлежавший купцам Демидовым.

На берегах реки Кутум, напротив друг друга, стоят два особняка «рыбного короля» В.В. Беззубикова (Красная набережная, 24) и рыбопромышленника А.И. Губина (Красная набережная, 7). Особняк В.В. Беззубикова представляет собой двухэтажное здание с мезонином, который в завершающей части образует неполный третий этаж. Фасад украшен стилизованными полуколоннами. Верхняя часть здания буквально насыщена декором. И все-таки этот дом трудно назвать парадным дворцом – в нем все предусмот-

рено для жизни «на каждый день». Интерьеры по сей день сохранили изразцовые печи, не уступающие калужским образцам¹⁷⁰.

Противоположностью является особняк А.И. Губина: это уже не претензия на роскошь, а роскошь в чистом виде. Его архитектура воспроизводит все элементы дворцового палаццо в стиле барокко. Здание возведено в 1897 – 1900 гг. по проекту архитектора К. Домантовича. В нижних этажах размещались магазины, комнаты верхних этажей занимала семья домовладельца.

Особняк А.И. Губина

Парадный вход украшен декоративными светильниками, в форме грифонов. Проезд во двор огражден массивными чугунными воротами, в центре которых монограммы домовладельцев. Композицию венчает голова купидона с распростертыми крыльями. Композицию фасадов завершают 6 аттиков, придающих зданию особую художественную выразительность. Живописные объемы, включающие скульптуры античных богинь, создают сплошную силуэтную линию фасадов. Здание величественно и грандиозно: в интерьере дворца много просторных залов, оформленных оригинальным лепным декором и наборным паркетом, декоративными росписями, скульптурными произведениями и металлическим декором: балконные решетки, ворота, карнизные и лестничные обрамления выполнены по эскизам самого архитектора. Уникальной для астраханских построек является беломраморная лестница, оформленная кованной стальной решеткой. Достопримечательностью дома являются и паркетные полы, составленные из 9 пород дерева¹⁷¹.

¹⁷⁰ Никитин В.П. Астрахань и ее окрестности. М.: Искусство, 1982. С.61.

¹⁷¹ Там же. С.63.

Дом рыбопромышленника Будагова (Красная набережная 43) является примером классического типа зданий, а вот дом рыбопромышленника Маслова построен в стиле барокко.

Дом рыбопромышленника Будагова

Одним из интереснейших строений этого времени в Астрахани является особняк М.А. Шелехова главы «Торгового дома Братья Шелеховы» на набережной Кутума. В основе проекта этого сооружения лежит принципиально новый для архитектуры конца XIX-начала XX столетия прием - расчленение здания на отдельные, функционально разнохарактерные объемы, объединенные в единую асимметричную композицию. Здание с башенкой вверху выстроено под ренессансную виллу. Во внутреннем дворике на скате крыши раньше можно было увидеть статую женщины в античной одежде. Говорят, что Михаил Акимович не мог утешиться после смерти дочери и попросил известного итальянского медиума воплотить душу девушки в камне, за что и заплатил чуть ли не целое состояние¹⁷².

Дом рыбопромышленника Маслова

¹⁷² Дом Шелехова.-[Электронный ресурс].-Режим доступа: <http://asip.ru>

В 1918 году в шелеховском доме обосновался «Комитет больных и раненых бойцов за свободу», а затем длительное время там располагался «Противотуберкулезный диспансер».

Здесь же на набережной Кутума, неподалеку от Сапожниковского моста, находится небольшое строение – одноэтажный дом с мезонином, построенный в середине XIX столетия в тогда еще малонаселенном районе Астрахани. С этим скромным особняком связана история возникновения первого в Астрахани художественного музея. С 1880-х гг. этот особняк принадлежал купеческой семье Догадиных, в которой родился будущий основатель художественного музея.

Особняк М.А. Шелехова

Особую прелесть придает Кутуму множество перекинувшихся через него мостов – пешеходных и проездных. Здесь, на Кутуме, располагается и старейший астраханский мост – Красный (1706 г.), перекинутый через Кутум между Ивановским монастырем и Большими Исадами. Монастырь стоял на небольшом пригорке близ урочища Красный бугор. Возможно, именно с этим связано и название моста. Другая версия – покраска данного моста яркой красной краской¹⁷³.

Луковский мост, выстроенный в 1911-1912 гг., именовался по названию части города за Кутумом, в свою очередь, называвшейся Луковкой по одноимённому ерику, когда-то здесь протекавшему. Ныне это мост Победы – в память о победе над белоказаками в 1918 году.

Коммерческий мост долгое время был местом продажи рыбы, здесь же заключались торговые договора, а в конце XIX века рядом

¹⁷³ Достопримечательности города Астрахани и его ближайшей окрестности. - Астрахань, 1872.С. 12.

расположилась торговая биржа. Этим и объясняется название моста, сохранившееся до сегодняшнего дня. Зато Бражский мост изменил свое название в романтическом стиле, теперь он - «Мост влюбленных».

4.2.4 Коса

Классическим историко-культурным ландшафтом представляется район Косы, появившийся в результате наносных отложений Волги под западными стенами Кремля и к XIX веку превратившийся в преуспевающий коммерческий центр. До середины XVIII в. река Волга вплотную подходила к стенам Кремля, и главная пристань находилась около Никольских ворот. Постепенно река мелела и уходила все дальше от стен. Образовалась сначала песчаная отмель, потом песчаная наносная коса, которая стала застраиваться для нужд судовладельцев и промышленников. Вскоре здесь начали строиться домишки ремесленников, грузчиков, торговцев, ночлежные дома для иногородних рабочих.

Первоначально обмеление реки вызвало тревогу и поэтому городские власти пытались углублять русло Волги и даже прорыть канал непосредственно к стенам Кремля. Однако эта мера не дала желаемых результатов, и уже в начале XIX в. вся отмель совершенно высохла, а от прорытого канала осталось только его начало в виде пруда, известного нам как «Лебединое озеро». Впоследствии, соединившись с городом, песчаная отмель дала образование целому району города, быстро застроенному и ставшему торговым центром, так и сохранившему свое изначальное название – Коса.

Район протянулся от Порта по Варвациевскому каналу, мимо Лебединого пруда, Кремля до самого Кутума, а в пределах застройки ул. Никольской и прилегающих улиц Урицкого, Ульянова, Горького, Анатолия Сергеева вообще является настоящим архитектурным реликтом современной Астрахани. Банки, конторы, гостиницы и бывшие доходные дома представляют сегодня архитектурную палитру астраханских зодчих того времени. Здесь широко использовались все архитектурные стили, но особенно ценился наимоднейший тогда «модерн». Сооружения отличаются повышенной этажностью, красочностью разнообразных отделочных материалов, обилием кованых и литых решеток, оград, что придает удивительный колорит даже современному городу.

Вдоль набережной Косы сплошной линией шли пристани или как их называли «причалы номер (такие-то)». Поскольку разнообразных мест для причаливания по всему городу было много, мы обозначим только самую известную – причал № 17. Пристани многих пароходных обществ не мыслились ранее без персов – грузчиков, которых называли крючниками или амбалами. «Покорно работает крючник в невыносимый летний зной, бросая работу лишь тогда только, когда пятки его ног расщепляются от постоянной ходьбы босыми ногами под тяжелою ношею. Выносят они на своих спинах невероятные тяжести. Работают они почти совсем без костюма»¹⁷⁴. Несмотря на то, что грузчиками работали люди разных национальностей, изображать на открытках любили именно персов.

Среди пароходств самыми известными были «Самолет», основанное в 1854 году и общество «Кавказ и Меркурий», образованное в 1858 году. Они имели в Астрахани самые обширные и благоустроенные пристани, а также самые фешенебельные пароходы. У входа на пристань общества «Кавказ и Меркурий» стояла известная триумфальная арка, сооруженная в 1871 году к приезду царя Александра II. В ее строительстве принимал участие отец Максима Горького – плотник Максим Савватиевич Пешков. Арка была деревянной, ажурной, с накладной резьбой, символизирующей богатства края. «В основании арки лежали груды соли из астраханских озер, колонны были увиты гроздьями винограда на зеленых лозах, а весь фасад живописно драпировали модели различных судов с новейшими принадлежностями рыболовства, покрытые золотыми сетями с мелькавшими в ячеях серебряными рыбами»¹⁷⁵

Арка в сильно перестроенном виде дожила до конца 80-х годов XX века и ее успели увековечить в фильме Алексея Германа «Мой друг, Иван Лапшин».

¹⁷⁴ Штылько А.Н. Иллюстрированная Астрахань.- С.53.

¹⁷⁵ Марков А.С. Астрахань на старых открытках.-Астрахань, 2007.-С.92.

Местные жители хорошо знают это место под старым названием - «Семнадцатый причал». Ныне здесь высятся элитные многоэтажные дома, а в центре площади стоит памятник Петру I.

Украшением городской застройки до сего времени остаются выразительные архитектурные объемы зодчих К. Домонтовича, В. Варганек-Вальдовского, А. Малаховского, а по проекту столичного архитектора Ф. Лидваля в 1910 году строится на ул. Никольской корпус Азовско-Донского коммерческого банка; проекты этого зодчего использованы и при возведении отдельных доходных домов.

На месте слияния Волги и Кутума (Стрелке) когда-то было построено скромное здание биржи, так как тогда полагали, что «по причине знойного астраханского климата, при частых и резких переменах его, мелкие наружные украшения из дерева могут оставаться в проектируемом виде самое короткое время, после чего здание примет безобразный вид»¹⁷⁶. Поэтому архитектор Э. Фольрат решил обойтись без них. Биография здания достаточно извилиста. Начало оно свою жизнь коммерческой биржей, а потом чего в нем только не располагалось – политотдел Волжско-Каспийской флотилии, типография, столовая, канцелярия, гребной клуб и даже горком КПСС. С 1964 г. и по сей день тут размещается ЗАГС. Главный в городе, конечно.

Здание биржи

¹⁷⁶ Штылько А. Иллюстрированная Астрахань. Очерки прошлого и настоящего города, его достопримечательности и окрестности. Саратов. 1896 . С.68.

На улице Ульяновых (бывшей Казачьей) сохранились здания торгового комплекса Плотниковых (конец XIX века) или как их называли «Мучные ряды».

И его же доходный дом.

Здесь же находится музей истории города, расположившийся в бывшем доме Ульяновых, где в 1831 году родился и провел детство Илья Ульянов, отец Владимира Ульянова – Ленина.

По ул. Фиолетова рядом стоят две гостиницы – «Россия» и «Московская», чуть дальше – провиантские склады (начало XIX века).

Здесь «когда-то располагалось много притонов и ночлежных домов, но существовали и первоклассные гостиницы. Особой славой пользовались «Европейская» и «Большая Московская»¹⁷⁷, здания которых сохранились до сих пор. Центральная улица Косы – это музей архитектуры XIX века, где

находились не только гостиницы, но и роскошные магазины, конторы, банки. Многие из них сохранились до сегодняшнего дня. Так, в здании бывшего Русско-Азиатского банка ныне расположен

«Мучные ряды».

Доходный дом

Дом Ульяновых

¹⁷⁷ Марков А.С. Астрахань на старых открытках.-Астрахань, 2007.-С.85.

детский кукольный театр, а здание Азовско-Донского банка (дом № 3) продолжает славную традицию банковского дела.

С самого края косы уходят на другой берег железнодорожный и автомобильный мосты. Это так называемый «старый» городской мост через Волгу, строившийся в 1946-49 гг. Хо-

тя о времени открытия движения по нему нет однозначной и точной информации, говорят и о 1952 и о 1955 годах.

Помимо этого, исторически тут была таможня, ремонтные доки и все прочее необходимое для эксплуатации судов. В этих промышленных кварталах были интересные образцы старой промышленной архитектуры, но сейчас все интенсивно застраивается жилыми многоэтажными домами. Однако и сейчас горожане называют этот район еще старым названием – «Эллинг».

Сегодняшние улицы Сен-Симона и Бабефа до революции назывались 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я Адмиралтейские. Тут собственно и была военная верфь (Адмиралтейство) заложенная Петром Первым. Река постоянно отступала и количество улиц все увеличивалось.

«Никольская улица переполнена конторами богатейших фирм, агентов разных страховых и транспортных обществ, нотариусов, маклеров. Ресторанов, трактиров, портерных, кухмистерских — масса; на этой же улице и близ её, лучшие номера для приезжих. Тут же Волжско-Камский банк. Несколько крупных бакалейных, гастрономических и колониальных магазинов, десятков винных погребов, несколько магазинов с пароходскими материалами, масса часовщиков, цирюльников, жестянщиков, табачных лавок, торговцев персидскими фруктами и т. п., два аптекарских мага-

Гостиница "Московская"

Гостиница "Россия"

зина; живописцы, булочники, портные, ювелиры, сапожники, фельдшера, крендельщики, квасники, черкесы-лудильщики, медники и проч. Все это на коротенькой, небольшой улице. Вообразите, что это за столпотворение вавилонское! Жить на этой улице нельзя; можно только торговать и обделывать свои делишки. Ни по ценам на квартиры, ни по удобствам — не представляется возможным жить здесь»¹⁷⁸.

Дом №1 – типичный Доходный дом, принадлежавший Артемьевым Н.И. и Д.И. (конец XIX в.). Дом Телетовой Т.Г. (№4) приютил инкассаторов. Дом №10. Дом Чурбакова.

Доходный дом

Дом Телетовой Т.Г.

¹⁷⁸Штылько А. Иллюстрированная Астрахань. Очерки прошлого и настоящего города, его достопримечательности и окрестности. Саратов. 1896 . С.43..

Дом №6 построен по проекту архитектора А.С. Малаховского). И в нем тоже был банк! «Верхний его этаж занимало отделение Русского торгово-промышленного коммерческого банка, здесь же были квартиры управляющего, бухгалтера, кассира, контора, а внизу – магазины, аптека, булочная, винно-бакалейный гастроном, рыбный магазин, а также лечебница врачей Краснова и Зумерова». Заказчик постройки Артемий Тавризов – купец, почётный благотворитель Агабабовского армянского училища. Ныне здесь располагается Астраханский речной колледж (бывшее Астраханское речное училище).

Дом Чурбакова

Дом №7 построен архитектором П.И. Коржинским (по другим источникам К.К. Домонтовичем) в 1890-1893 гг. для купца Н.П. Григорьева, он был скромным многофункциональным зданием с магазином, отделением банка, страховым обществом и прочими заведениями. Но в 1910-1912 г. его реконструировали (знаменитый В.Д. Вальдовский-Варганек) в выразительно богатом стиле. С тех пор в здании размещался Русско-Азиатский Банк, а с 1991 г. – кукольный театр

Соседний дом №5 – бывший доходный дом купцов Агамжановых, следующий дом Сергеевой сегодня является Гарнизонным госпиталем Каспийской флотилии.

Дом №9 или Дом Мочалова (с номерами и трактирами). Одно из самых старых зданий на улице (1868-1886 гг.). И когда-то самая фешенебельная гостиница в городе.

Никольская улица (в советское время ул. Розы Люксембург, ласково называемая астраханцами «розочка») прочно вошла в историю. Здесь снимался фильм Л. Гайдая «Не может быть». А какие здесь балконы – кованые, ажурные, всем своим видом демонстрирующие высокое положение своих хозяев.

Нельзя обойти вниманием и белое здание на Набережной Волги – это Спасательная станция. Здесь до войны работал Степан Здоровцев, летчик, герой Советского Союза

Спасательная станция

Сегодня Астрахань остается торговым портом и важным административным центром, расположенном на стыке разных культур и даже цивилизаций. Именно об этом свидетельствуют сохранившиеся памятники древности, которые повествуют об интереснейшей истории великого города. И

эту память необходимо поддерживать, а значит беречь культурное достояние края.

Вопросы к разделу:

1. Какие районы города Астрахани были названы Закутумье, Заканалье, Коса и почему?
2. Почему канал был в народе назван Канавой?
3. Кто способствовал сохранению существования канала и по каким причинам?
4. Охарактеризуйте слободы, существовавшие в Заканалье.
5. Какие выдающиеся архитектурные постройки сохранились в Заканалье?
6. Какую роль в развитии города играла река Кутум?
7. Что такое Большие Исады?
8. Какие развлечения, связанные с реками, существовали у астраханцев?
9. Чем интересны дома промышленников, построенные на берегах Кутума?
10. Проанализируйте название астраханских мостов.
11. Какую роль в истории Астрахани играла Коса?

Глава 5. Археологические объекты как ранне-культурные модули Нижневолжского фронта

5.1. Особенности археологического наследия Астраханской области

Территория современной Астраханской области обладает во многом уникальным и разнообразным археологическим наследием, представленным всеми видами археологических памятников: поселенческими (стоянками, селищами, городищами, остатками оборонительных сооружений, культурным слоем городских и сельских поселений и пр.); погребальными (курганскими и грунтовыми могильниками), ритуально-культовыми (святыми могилами, мавзолеями, жертвенниками и пр.); кладами; одиночными находками артефактов и др.

Человек появился в Северном Прикаспии лишь в эпоху мезолита, в XII-X тысячелетиях до н.э. – до этого времени Прикаспийская низменность была покрыта водами Каспийского моря.

По данным 2011 г. на территории Астраханской области поставлено на государственную охрану около 120 памятников археологии регионального значения. Два археологических памятника – Селитренное городище, а также городище и комплекс золотоордынских мавзолеев у села Лапас – являются памятниками археологии федерального значения.

Между тем, археологическими разведками на территории Астраханской области было выявлено и частично исследовано свыше полутора тысяч археологических памятников. Поэтому изучение, сохранение и использование этих памятников является актуальной проблемой, как для деятелей региональной исторической науки, так и для органов государственной власти.

Наибольшее количество стоянок эпохи камня выявлено археологами в песчаной полупустынной зоне, с севера прилегающей к современной дельте Волги. Здесь находят массу черепков лепных сосудов, кремнёвые наконечники стрел, скребки, проколки, остроконечники, топоры. В природных условиях прикаспийских степей у

Раскопки стоянки «Байбек» в песках Красноярского района. Эпоха неолита.

народов, населявших наш край, получило развитие скотоводство. По некоторым предположениям, уже в V-IV тысячелетиях до н.э. в степях Северного Прикаспия началось одомашнивание овцы. Люди вели подвижный образ жизни, пе-

ремещааясь вместе со стадами.

В 1980-х годах археологами из г. Куйбышева (современной Самары) проведены масштабные исследования в песчаных массивах Северного Прикаспия, благодаря которым в настоящее время нам для эпохи мезолита-неолита известно около сотни памятников. До недавнего времени было известно лишь четыре из них, на которых имеется сохранившийся культурный слой. Однако, в 2013 году Т.Ю. Гречкиной (ГНПУ "Наследие") была открыта неолитическая стоянка у с. Байбек, на которой зафиксирован культурный слой прекрасной сохранности. Среди памятников с подъемным материалом выделяются «условно закрытые»: Же-Калган II, Каир-Шак V, Жол-тюбе и др. Анализ материальной культуры памятников мезолита позволяет выделить для этого периода две самостоятельных культуры – жекалганскую и истайскую, которые входят в северо-прикаспийскую культурную область, названную в свое время А.Н. Мелентьевым сероглазовской культурой. Жекалганская и истайская культуры мезолита становятся субстратом для сложения единой неолитической культуры Северного Прикаспия.

Для эпохи неолита на территории Астраханского края известна только одна каиршакская археологическая культура, представ-

Курган эпохи бронзы в Черноярском районе

ленная рядом памятников, располагающихся на юго-востоке области, которая сменяется хвалынской энеолитической культурой, пришедшей с Устьярта (памятники Комбак-Тэ, Тентек-Сор).

В середине IV тысячелетия до н.э. в Прикаспийских степях

начинается использование меди и бронзы. В этот период протоарийские племена, предки большинства современных европейских и части азиатских народов, становятся ведущей силой в степной полосе Восточной Европы. В археологической науке они получили наименование древнеямной, катакомбной и срубной культурно-исторических общностей. Название они получили по специфическим чертам погребальных обрядов под курганными насыпями. События эпохи бронзы могут быть реконструированы по таким памятникам как многочисленные курганные группы вдоль русла Кривой Луки, а также к северу и югу от неё, на территории Черноярского и Енотаевского районов, многочисленным курганным группам на территории Ахтубинского района (в частности, по курганам у села Успенка). Имеются многочисленные захоронения эпохи бронзы в составе грунтовых могильников, таких как «Маячный бугор» и «Комсомольский» в Красноярском районе, «Дачный» в Икрянинском районе, «Сасыкколь-Тобе» в Приволжском районе, и др.

В IX-VIII вв. до н.э. в степях Нижнего Поволжья началась эпоха железа. В степях появляются племена савроматов и сарматов – потомков предшествующих срубных племён. Памятники этого времени – это большое количество отдельных курганов и курган-

ных групп, и множество стоянок по берегам пересохших водоёмов. Железный век знаменуется распространением савроматских памятников, представленных преимущественно могильниками: Кривая Лука у пос. Комсомольский, грунтовый могильник у с. Косика в Енотаевском районе. С III в. до н. э. Нижнее Поволжье начинает играть особую роль в истории сарматов. Здесь сосредотачивается значительная часть сарматских курганных могильников. Однако, на данной территории до сих пор не обнаружено никаких поселений сарматского времени, за исключением нескольких местонахождений керамики в песках, культурный слой на которых находится в переотложенном состоянии. В настоящее время на территории Астраханского края известны такие курганные и грунтовые могильники как «Маячный бугор», «Косика», «Кривая Лука», курганный могильник «Успенский», могильник у пос. Комсомольский, Лбище. Скопление значительных масс сарматов на Нижней Волге, как считает А.С. Скрипкин, привело к тому, что этот «регион стал своеобразным генератором сарматской экспансии. Здесь формировались многие племенные союзы, которые потом направлялись на юго-запад в Предкавказье или в Среднюю Азию». На рубеже новой эры наступает период политического объединения сарматских племён, так называемая «позднесарматская эпоха». Поздние сарматы известны уже как аланы. Образование аланской конфедерации имеет непосредственную связь с процессом зарождения государственности на этой территории. Однако, этот процесс был прерван с появлением в нижневолжских степях могучих завоевателей с Востока — племён гуннов. Началось Великое переселение народов, связанное с гуннским нашествием, с ним же начинается и эпоха Средневековья.

Памятников, связанных с гуннами, в астраханских степях довольно мало. Один из бесспорных памятников этого времени – погребение на бугре «Лисий» в Приволжском районе, обнаруженное в 1994 г. Второе было обнаружено на Хошеутовском грунтовом могильнике В.В. Дворниченко в 2000 году. Вероятнее всего, гунны прошли через территорию Нижней Волги очень быстро в первой половине – середине IV в. н.э., а переправиться с восточного берега Волги на западный они смогли где-то на территории нынешних Волгоградской и Саратовской областей. Однако, значительная часть алано-сарматских племён влилась в ряды орд завоевателей и приняла участие в походах на Запад.

Землянка XII-XIII веков. Самосдельское городище.

В конце VI н.э. степи Нижнего Поволжья и Северного Предкавказья вошли в состав Тюркского каганата. В составе населения региона, наряду с остатками ираноязычных сармато-алан, появляются тюрко-

язычные болгары, а позже – хазары. Хазарский каганат известен с VII века, но уже в первой четверти VIII века в волжской дельте была выстроена крепость, ставшая столицей хазарского государства. Существует предположение об идентификации хазарской столицы с Самосдельским городищем в Камызякском районе. Крепость и город вокруг неё были названы Итиль – по тюркскому названию реки Волги. Собственно, слово «Итиль» («Атиль», «Идель») означает по-тюркски просто «река». Видимо, Волга в картине мира для ранних тюрков имела ключевое значение и выполняла роль некой «оси мира». Многочисленные памятники археологии - курганные группы «Кривая Лука», «Косика», «Солёное Займище», грунтовый

могильник «Лбище» в Володарском районе, значительное число могильников на бэровских буграх в Красноярском районе, а также местонахождения керамики, которые встречаются в переотложенном состоянии в песках на левобережье Ахтубы, свидетельствуют о достаточно плотной заселённости Нижнего Поволжья в хазарскую эпоху.

После падения Хазарии степи Нижнего Поволжья захватывают тюркоязычные огузы, которые в X в. становятся самой значительной силой в степях. Огузские захоронения расположены на грунтовом могильнике на бугре «Лбище», 3 погребения обнаружены в составе курганной группы «Косика», отдельные захоронения встречаются в песках на левобережье Ахтубы, в частности – у посёлка Лапас в Харабалинском районе. На смену огузам в конце X – начале XI вв. в нижневолжские степи приходит с востока новая волна завоевателей – кыпчаков, более известных под именами «половцы» или «куманы».

Раскопки многокомнатного кирпичного дома на Самосдельском городище. Город Саксин, XI-XII века.

В XI веке торговля по Волжскому пути возобновилась, а в дельте Волги возник торговый город Саксин (Саджсин) и даже целая полуоседлая область вокруг него. Путешественники упоминают среди населения еще и города болгар, сувар, хазар (вероятно, остатки населения, сохранившегося со времен Хазарского каганата).

Раскопки грунтового могильника «Маячный бугор». Эпоха Золотой Орды, XIII-XIV вв.

Город Саксин соотносится в настоящее время с Самосдельским городищем в Камызякском районе. Интересно, что ещё одно поселение X-XIII веков обнаружено в черте города Астрахани, на территории посёлка Мошаик.

В XIII-XIV вв. степи Нижнего Поволжья становятся столичными областями Улуса Джучи или Золотой Орды. Развалины крупных золотоордынских городов обнаружены археологами у сел

Красный Яр, Селитренное. Лапас, у пос. Комсомольский. В этот же период, в середине XIII в., возникает предтеча нынешней Астрахани – город Хаджи-Тархан. По мнению В. Л. Егорова здесь образуется зона сплошной оседлости. Города левобережья Ах-

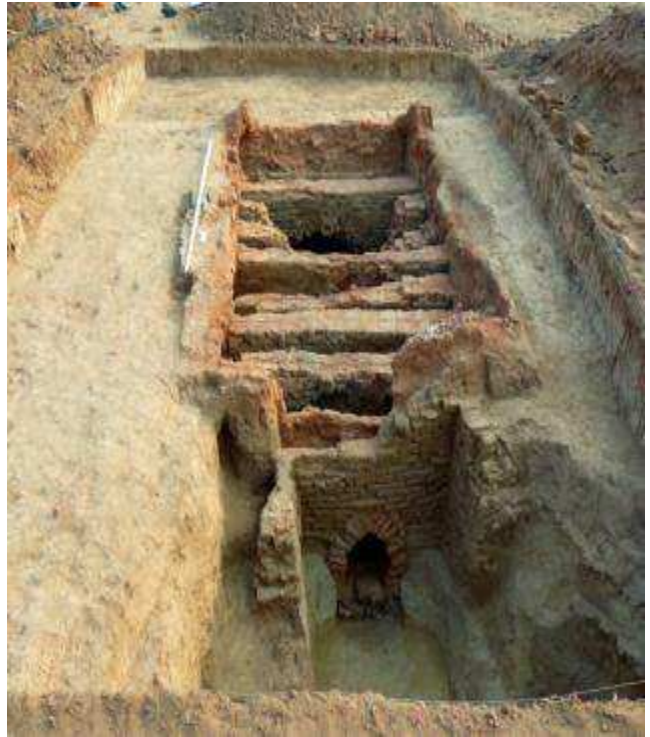
Раскопки большого усадебного дома на Селитренном городище. Эпоха Золотой Орды, XIV век.

тубы располагаются через каждые 30-40 км (дневной переход каравана) – на караванном пути из Средней Азии и Хорезма вверх по Волге и на запад, к Чёрному морю. Именно к эпохе Золотой Орды относится наибольшее количество памятников археологии Астраханской области.

Кроме того, на территории нашего края выявляются и изучаются археологические объекты, связанные с периодом освоения Нижнего Поволжья под властью Московского царства и Российской империи.

Начало астраханской археологии связано с именами таких великих учёных, как В.Н. Татищев, С.-Г. Гмелин, которые описали руины золотоордынской столицы на Селитренном городище. В созданном в 1872 году Петровском обществе исследователей Астраханского края археологическими исследованиями занимались П.А. Русаков, И.А. Житецкий, развалины Хаджи-Тархана по приглашению Петровского общества обследовал А.А. Спицын, отдельные работы на территории Астраханского Поволжья проводили члены Саратовской учёной архивной комиссии, в частности

С.С. Краснодубровский. В 20-30 гг. XX века в Нижнем Поволжье работали Ф.П. Рыков, И.В. Сидницын.

Остатки горна для обжига кирпича. Селитренное городище. Эпоха Золотой Орды, XIV век.

Раскопки подземного купольного склепа на Селитренном городище. Золотая Орда, XIV-XV века.

Широкомасштабные работы начинаются в Нижнем Поволжье только после Второй мировой войны. До конца 1960-х гг. в Астраханской области не существовало самостоятельного археологического центра, хотя периодически разведки проводил ученик И.В. Сеницына, директор Астраханского

Раскопки землянки на городище у пос. Комсомольский. Золотоордынское время, конец XIV века.

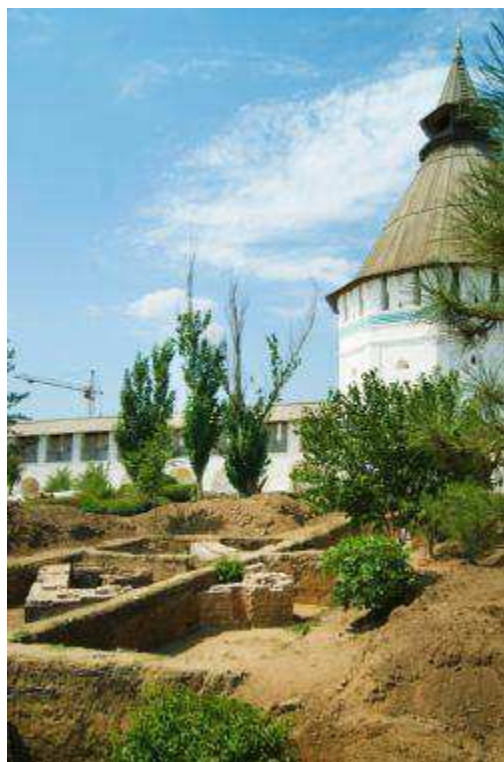
краеведческого музея (АКМ) В.А. Филипченко. Основные археологические работы здесь велись Астраханской экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (В.П. Шилов и др.), Поволжской археологической экспедицией Московского государственного университета и Института археологии АН СССР, а также экспедицией Государственного Эрмитажа. Поволжская археологическая экспедиция (ПАЭ), организованная в 1959 году А.П. Смирновым и Г.А. Федоровым-Давыдовым, с 1966 года начала стационарные исследования остатков столицы Золотой Орды на Селитренном городище. Поволжская археологическая экспедиция заняла ведущее место в научных и новостроечных исследованиях на территории Астраханской области и во многом стала объединяющей и направляющей силой для астраханской археологии в целом. Очень много сделал для расширения археологических исследований в области отряд ПАЭ под руководством В.В. Дворниченко. Работы велись на протяжении 1970-х гг. в зоне сооружения оросительных систем в районе старого русла Волги. С середины 1980-х гг. инициативные исследования в зонах новостроек вёл совместный отряд ПАЭ ИА АН СССР и Астраханского государственного объ-

единённого историко-архитектурного музея-заповедника (АГОИАМЗ), сделавший много уникальных открытий.

Ленинградским ученым В.Д. Белецким в 1956-1958 годах проведены масштабные разведки и составляется карта археологических памятников различных эпох на территории Астраханского края. А.Н. Мелентьевым в 1967-69 и 1972 гг. в Северном Прикаспии был собран обширный материал, охватывающий огромный хронологический период от эпохи мезолита до средневековья.

В 70-80-е гг. активные исследования в Нижнем Поволжье вела археологическая экспедиция Астраханского педагогического института под руководством Е.В. Шнайдштейн, открывшая ряд памятников в различных районах области: средневековое городище на окраине Астрахани (Мошаик), Ахтубинский могильник, Успенский могильник, поселение Тумак-Тюбе, комплекс обжигательных горнов на бугре Кан-Тюбе, Красноярское городище. Хронологический диапазон памятников довольно широк: от эпохи бронзы до позднего средневековья. Е.В. Шнайдштейн в 1960-е годы активно участвовала в работах столичных археологов, а также в хоздоговорных экспедициях в Калмыкии. В конце 1970-х гг. она поступила на работу в Астраханский пединститут (АГПИ), в первой половине 1980-х гг. возглавила новостроечную экспедицию в зонах сооружения оросительных систем в правобережье Волги и Ахтубы.

С начала 80-х годов в Астраханской области начала работу экспедиция Куйбышевского педагогического института под руководством И.Б. Васильева. Куйбышевские археологи изучали археологические памятники Северного Прикаспия в зоне освоения газоконденсатного месторождения и строительства газопроводов. Их

Археологические исследования в Астраханском кремле.

работы в песчаных массивах левобережья Волги позволили выявить в ныне пустынной зоне до сотни памятников мезолита, неолита, бронзы.

В середине 80-х годов XX в. в окрестностях поселка Аксарайский начала работу экспедиция Астраханского историко-архитектурного музея-заповедника под руководством В.В. Плахова. В 1987 году были исследованы мавзолей XIV в. и могильник у поселка Комсомольский. На территории самого поселка исследовались остатки крупного золотоордынского города (городище Ахтубинское).

Работы Е.В. Шнайдштейн и В.В. Плахова стали началом нового этапа в развитии археологии в Астрахани. Начала формироваться новая, собственно астраханская археологическая школа. И В.В. Плахов, и Е.В. Шнайдштейн вели активную работу по привлечению молодых кадров в науку. На базе педагогического института и Астраханского краеведческого музея долгие годы действовали археологические кружки для студентов и школьников. Практически все современные астраханские археологи начинали свою научную деятельность в этих объединениях.

В начале XXI в. в Астрахани уже в полной мере сформировались самостоятельные археологические центры. Одним из таких центров стала совместная учебно-научная археологическая лаборатория Астраханского государственного университета и Института этнологии и антропологии РАН, которую возглавляет Д.В. Васильев. Студентами АГУ и сотрудниками лаборатории проводятся активные хозяйственные и научные исследования по всей территории города и области. Одним из основных объектов, изучаемых сотрудниками лаборатории, является Самосдельское городище в дельте Волги. Для его исследования создана совместная комплексная экспедиция АГУ и ИЭА РАН, к работе привлекаются сотрудники ведущих научных центров страны. На базе лаборатории ведётся подготовка археологов – студентов, магистрантов, кандидатов наук.

Охранные раскопки и разведки на территории области проводит археологическая экспедиция Государственного научно-

производственного учреждения «наследие» под руководством Д.В. Кутукова и Т.Ю. Гречкиной. Эта организация была создана при Министерстве культуры Астраханской области специально для проведения спасательных археологических исследований.

Археологическая научно-исследовательская активность Астраханского государственного объединённого историко-архитектурного музея-заповедника в нашей области в начале XXI в. несколько снизилась после того, как В.В. Плахов перенёс свои исследования на территорию Западного Казахстана. Тем не менее. Руководство музея принимает меры для воспитания нового поколения молодых археологов и концентрирует усилия на расширении выставочной деятельности и обновлении археологической экспозиции музея.

5.2. Концепция охраны и использования памятников археологии Астраханской области

Настоящая концепция определяет основные приоритеты, критерии и направления охраны и использования археологического наследия Астраханской области. Она предлагает основные направления охраны, реставрации и использования памятников археологии, а также строительства на территории исторического центра города Астрахани и в Астраханской области. Концепция призвана обеспечить смысловые, правовые и процедурные аспекты преобразования и совершенствования современного городского и областного культурных ландшафтов, сущность которых определяется формулой «сохранение через развитие, развитие через сохранение».

Мы исходим из того, что культурное наследие – «капитал» невозместимой ценности. Утраты культурных ценностей невозполнимы и необратимы. Любые потери наследия неизбежно отразятся на всех областях жизни нынешнего и будущих поколений, приведут к духовному оскудению, разрывам исторической памяти, обеднению общества в целом. Они не могут быть компенсированы ни развитием современной культуры, ни созданием новых значитель-

ных произведений. Накопление и сохранение культурных ценностей – основа развития цивилизации.

Археологическое наследие Астраханской области представляет собой совокупность археологических объектов, находящихся на территории области, которая отражает историческую последовательность развития и культурную преемственность народов Нижнего Поволжья. Каждый отдельный археологический памятник в связи с этим уникален и самобытен. Он в равной степени подлежит охране и изучению.

Уникальность Нижневолжского региона проявляется в его географическом расположении на стыке степной и пустынной зон, на границе кочевого и оседлого миров, что обусловило его рубежное положение и запустило культурообменные процессы. Именно здесь, в контактной зоне, располагались столицы крупнейших кочевых империй средневековья – Хазарского каганата и Золотой Орды. Такие памятники археологии, как Самосдельское городище в Камызякском районе, городище Мошаик в Приволжском районе, Селитренное городище, городище у пос. Лапас в Харабалинском районе, Красноярское городище и городище у пос. Комсомольский в Красноярском районе, городище и пригородные усадьбы городища Хаджи-Тархан (Шареный бугор) в Наримановском районе являются остатками крупнейших городских поселений эпохи средневековья на территории области и демонстрируют этапы развития оседлой культуры и городской цивилизации в Нижнем Поволжье. Крупнейшие погребальные памятники – курганные группы вдоль русла Кривой Луки, курганные могильники вдоль Волго-Ахтубинской поймы, грунтовые могильники в окрестностях Красноярского городища (в частности, могильник «Маячный бугор») и на бэровских буграх в дельте Волги позволяют судить об этапах развития духовной культуры населения Нижнего Поволжья на протяжении тысячелетий, а также о сложных этнических процессах, протекавших в данном регионе. Уникальными археологическими памятниками являются культурные слои Астраханского кремля и

Белого города, свидетельствующие о материальной и духовной культуре полиэтничного населения Астрахани в XVI-XXI вв.

Без культурного наследия немыслимы современная жизнь Астрахани и области и перспективы их развития. Археологическое наследие во многом формирует особый менталитет астраханцев, утверждает преемственность культурных ценностей, подчеркивает древность культуры региона, создает мировой имидж астраханской области.

Осознание астраханцами своего края, как края трёх столиц (Хазарии, Золотой Орды и Российского Прикаспия) способствует гармоничному равновесию в обществе, развитию широкого диапазона деятельности.

Мобилизация экономического ресурса археологического наследия – один из приоритетов в развитии Астраханского региона. Именно высокая историческая значимость, высокая степень изученности и сохранности памятников археологии смогут обеспечить особую инвестиционную привлекательность Астраханской области и послужат залогом благосостояния граждан. Это должно выражаться не только в немедленной экономической отдаче и росте занятости населения в различных областях деятельности, но и в широком круге не прямых выгод, которые станут достоянием всего населения Астраханской области (доходы от управления наследием, реставрации, туризма и его инфраструктуры).

Основные принципы охраны историко-культурного наследия сформулированы Федеральным законом от 25 июня 2002 г. №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Базовый принцип – комплексное сохранение археологического наследия, согласно которому эта деятельность эффективна только в рамках политики экономического и социального развития Астраханской области. Сохранение объектов археологического наследия должно стать одним из ключевых элементов стратегии масштабного строительства и хозяйствования на территории области.

Принцип комплексного сохранения включает иницилирующую, контролирующую и координирующую функции государственных органов охраны памятников и государственного управления в развитии партнерских отношений с общественностью и негосударственным сектором. Следует стимулировать междисциплинарный, межведомственный подход к сохранению археологического наследия, используя все доступные ресурсы. Задача сохранения культурного наследия должна решаться не только органами охраны памятников, но также теми структурами, которые ведают вопросами градостроительства и архитектуры, экономики и промышленного развития, экологии, транспорта, благоустройства, имущественного комплекса, жилищно-коммунального хозяйства, юридических служб и т.д.

Охрана памятников археологии должна строиться не только на запретительных мерах, например, на запретах строительства. Такая политика порождает конфликты органов охраны памятников с хозяйствующими субъектами. Безусловным правилом, тем не менее, должно стать обязательное проведение предварительных археологических исследований перед началом строительных работ на территории города и области. При этом совершенно необходимо включать памятники археологии, которые могут подлежать музеефикации, в культурную жизнь современного общества. Некоторые, связанные с охранными ограничениями неудобства проживания на особой территории, компенсируются определенными льготами. Целостность культурной и природной среды становится фактором, которое может обеспечить развитие общества (через доходы от туризма, реставрационно-восстановительные работы, повышение социального статуса и т.д.). Настоящая концепция должна привести к признанию общей ответственности за сохранение наследия.

Специфика археологического наследия Астраханской области диктует необходимость выделения особо значимых объектов из состава памятников археологии Астраханской области, которые могут и должны быть использованы в качестве основы для создания культурных и экономических кластеров. Необходимо разработать и

утвердить на уровне губернатора Астраханской области список таких объектов. К таковым могут относиться упоминавшиеся выше городища Селитренное, Самосдельское, Хаджи-тархан, Лапас, Чёртово городище. Красноярское городище и его некрополи.

Наряду с отдельными наиболее значимыми объектами культурного наследия подлежат охране и учёту на общих основаниях все без исключения памятники археологии – как поставленные на госохрану, так и вновь выявленные. Только изучение и сохранение исторического и культурного контекста придаёт наивысшую ценность выдающимся памятникам археологии.

На территории города Астрахани необходимо соблюдать режим археологических исследований для наиболее ранних и ценных участков культурного слоя, поисковые и мониторинговые мероприятия в центральной исторической части города, а также на его исторических окраинах, которые стремительно археологизируются.

Зоны охраны – это территория защиты, где устанавливается режим градостроительной и хозяйственной деятельности, обеспечивающий физическую сохранность объекта археологического наследия и его исторического окружения. Особенность охранного зонирования в Астрахани – наличие объединенной зоны охраны исторического центра, включающей территорию Астраханского кремля и Белого города. Кроме неё, совершенно необходимо введение новых охранных зон в рамках исторически сложившихся микрорайонов (Белый город, Коса, Татар-базар, Ямгурчев, Зakanалье, Криуши, Большие Исады, Мошаик, исторические центры сельских поселений, включённых в городскую черту Астрахани). Необходимо новое определение границ распространения золотоордынского города Хаджи-Тархана и восстановление статуса городища как объекта археологического наследия первостепенной значимости.

Угрозы физической утраты объектов наследия связаны с процессами естественного разрушения, которые ускоряют:

– неблагоприятные климатические условия (процессы выветривания); стихийные бедствия (наводнения, паводки,

подтопления); геологические и гидрологические особенности дельты Волги;

- неконтролируемая урбанизация и движение автотранспорта;

- неуместное новое строительство в исторической среде;

- вандализм и несанкционированные раскопки.

Для сохранности объектов археологического наследия представляет опасность также интенсивный туризм, приводящий к излишней нагрузке на объекты.

Общие меры приостановления процессов разрушения:

- сокращение опасности разрушения поверхности памятника (запрет проезда и остановки автотранспорта, ограничение выпаса скота, ограничение хозяйственной деятельности, вывод промышленных и сельскохозяйственных предприятий с территорий памятников);

- эффективное использование памятников археологии, не противоречащее сохранности;

- запрет на применение непригодных и вредных материалов в реставрации и консервации;

- соблюдения правового режима проведения археологических исследований, соблюдение их методики;

- недопущение самовольных раскопок, борьба с незаконным оборотом предметов старины.

Одним из наиболее эффективных способов сохранения археологического наследия является его изучение. Лишь постоянное присутствие археологов на памятнике, изучение его в процессе раскопок обеспечивают наиболее надёжную защиту от так называемых «чёрных» археологов, от непрофессиональных и несанкционированных раскопок.

Изучение памятника раскопками с привлечением местного населения к процессу исследований, имеет огромный культурно-просветительский эффект, способствует распространению знаний о

прошлом и формированию понимания необходимости охраны археологических объектов в среде местного населения.

Однако, процесс археологического исследования связан с неизбежным уничтожением участков культурного слоя, которые подвергаются изучению. Археологи, таким образом, стоят перед дилеммой – изучить памятник, получить о нём информацию, но при этом его уничтожить, либо сохранить археологический объект, но не получить должного объёма информации о нём. Современные методики полевых археологических исследований исходят из охранительного подхода и рекомендуют закладывать раскопы лишь на тех участках памятника, которые могут подвергаться опасности разрушения в силу естественных или техногенных причин. Ни один археологический объект не раскапывается полностью, если ему не грозит опасность разрушения. Он должен хотя бы частично быть сохранён для будущего, когда появятся более совершенные методы археологических исследований.

Реставрация – мера вынужденная, чрезвычайная, она предусматривает глубокое вмешательство в подлинную ткань памятника, влечет за собой элементы воссоздания и уносит частицу подлинности. Венецианская хартия, утвердившая международные принципы реставрации, отдает предпочтение **консервации**, а реставрация проводится в исключительных случаях, когда другие способы сохранения бессильны.

Историзм современного мировоззрения устанавливает требование к реставрации - максимальное сохранение подлинности.

Реконструкция археологического объекта, то есть натурное воспроизведение его внешнего облика и внутреннего устройства практически всегда есть результат научного эксперимента, поиска, поэтому каждый элемент реконструированного памятника должен быть объяснён и обусловлен экспериментально. Реконструкция должна максимально близко отражать исчезнувшую реальность. Реконструкции проводятся либо с целью проведения научных экспериментов, либо создания объекта туристического показа. При этом необходимо сознавать, что турист, не обладающий историче-

ским мышлением, будет воспринимать объект прошлого таким, каким он реконструирован, то есть некритично, видеть его глазами реконструктора. В связи с этим нельзя признать удачным опытом реконструкции недавно появившийся на территории Астраханской области объекта туристического показа – комплекс декораций, оставшихся от съёмок художественного фильма «Орда» около села Селитренное. Данные декорации, по замыслу художника и режиссёра должны были изображать город Сарай в эпоху расцвета, однако они совершенно не соответствуют историческим реалиям Нижнего Поволжья эпохи средневековья и не находят аналогий в археологических материалах. К сожалению, данный развлекательный объект стал постепенно затмевать по значимости для туристов само расположенное рядом Селитренное городище, поскольку там до сих пор не создано никаких туристических объектов на базе реальных раскопанных и законсервированных сооружений.

Современный опыт охраны культурного наследия опровергает устаревшее понятие о затратном характере содержания и использования памятников археологии. Анализ экономических преимуществ сохранения историко-культурного наследия выявил положительное воздействие на экономический рост в трех сферах: строительстве и реставрации, стоимости недвижимости, туризме. Мировой опыт показывает, что наиболее эффективен для сохранения памятников археологии путь включения исторического наследия в планы городского развития.

Универсальные принципы сохранения культурного наследия:

1. Разграничение полномочий между государственными органами всех уровней.
2. Разнообразие форм собственности при четкости обременений на использование.
3. При приоритете культурной ценности принцип экономической выгоды при пользовании памятником.
4. Принцип окупаемости капиталовложений в сохранение и консервацию за счет доходных инвестиционных проектов, развития инфраструктуры и благоустройства.

5. Создание благоприятного инвестиционного климата.

Абсолютное большинство объектов археологического наследия находится в собственности государства. Особо ценные объекты культурного наследия, памятники и ансамбли, включенные в Список Всемирного наследия, историко-культурные заповедники, объекты археологического наследия не подлежат отчуждению из государственной собственности. Тем не менее, при наличии определённого статуса памятника археологии, ему можно придать также определённый режим использования (пастбище, сельскохозяйственное угодье, объект туристического показа). Хозяинствующий субъект имеет право использовать земельный участок, на котором находится археологический объект, не нанося вреда самому памятнику археологии.

Государство как гарант сохранности культурного наследия, конституционных прав каждого на доступ к культурным ценностям обязано устранить все законодательные препятствия для развития пользования этим особым видом недвижимости. В Российской Федерации никто не вправе делать с исторической недвижимостью все, что захочет. Пользователь обязан содержать, сохранять памятники археологии и обеспечивать доступность их осмотра. Для обеспечения сохранности памятника землепользователь подписывает охранное обязательство, в котором определяется режим землепользования и которое хранится в государственном органе охраны историко-культурного наследия. При изменении режима землепользования пользователь обязан уведомить госорган об этом и получить соответствующее разрешение.

Одним из наиболее эффективных методов охраны археологического наследия следует признать археологические исследования – разведки и раскопки – на территории области, имеющие целью оценку состояния ранее выявленных памятников и выявление новых с целью постановки их на государственную охрану.

В Главе IV Закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» говорится о ведении Государственного реестра объектов историко-

культурного наследия. В связи с этим государственным органам охраны историко-культурного наследия на территории области необходимо наладить работу по проведению постоянного мониторинга состояния всех памятников археологии, по продолжению их учета и инвентаризации, корректировке реестра памятников путём внесения в него новых объектов. Насущной необходимостью становится создание археологической карты Астраханской области. Кроме того, необходимо также своевременное выявление разрушения памятников археологии, изучение способов приостановки и причин процесса разрушения.

Астраханская область обладает мощным потенциалом для развития туризма, который должен стать важной отраслью её экономики. Целевое выделение части туристических доходов дает значительные ресурсы для содержания и сохранения культурного наследия.

Туризм обеспечивает широкий доступ к археологическому наследию, но следует избегать излишней эксплуатации объектов туристических маршрутов. Количество посещений достопримечательностей не должно превышать допустимые нормы, установленные в зависимости от их особенностей и степени защищенности.

Необходима разработка модели культурного туризма, отличной от обычных видов массового туризма, чтобы избежать излишнего давления на объекты археологического наследия. В этом плане следует признать положительным опыт создания туристического объекта показа рядом с Селитренным городищем вне границ охранной зоны собственно памятника археологии, что переориентирует основную часть туристов на реконструированный объект, оставляя посещение городища лишь действительно заинтересованным людям.

Особая задача - обеспечение равномерного сезонного распределения туристических потоков, а также создание комфортных условий проживания и передвижения.

Отсутствие объективных данных об археологическом и историческом наследии порождает мифологизацию этнической и куль-

турной истории, что может быть весьма опасно в полиэтничном регионе. Каждое поколение ищет свою интерпретацию прошлого и извлекает из него новые идеи.

Образовательные курсы должны использовать исторические, художественные и этические ценности, воплощенные в археологическом наследии, для воспитания достойных граждан современного общества. Привить молодежи уважение к многообразию культурных традиций и чувство терпимости, умение противостоять проявлениям ксенофобии и национальной исключительности - актуальная задача дня.

Требуется выработка следующих эффективных форм противодействия проявлениям вандализма и стяжательского отношения к памятникам археологии:

- усиление воспитательной и просветительной работы в сочетании с комплексом правоохранительных мер (милицейские посты, маршруты патрулей, видеонаблюдение на отдельных наиболее значимых объектах);

- развитие молодежного волонтерского археологического движения;

- проведение праздников и фестивалей, связанных с памятниками археологии (по примеру фестивалей, организуемых в окрестностях Селитренного городища);

- широкая информация общественности об опасностях, грозящих наследию, а также о мерах, принимаемых для его сохранения.

Важным условием успехов в области сохранения культурного наследия является активное и творческое участие всех астраханцев, формирование общественного сознания в духе понимания ценности исторического пространства Нижнего Поволжья. Использование современных средств массовой информации, аудиовизуальных средств и приемов рекламы, стимулирование частных и общественных проектов должно быть направлено на активное вовлечение в эту деятельность представителей бизнеса, интеллигенции,

молодежи и ветеранов. Без общественного участия невозможна эффективная охрана культурного наследия.

Необходимо пробуждать активность горожан, профессиональной общественности в сборе и передаче информации; поддерживать общественные инициативы по постановке на учет новых объектов, проведению историко-культурных экспертиз.

Комплексный подход к популяризации археологического наследия включает широкий спектр форм: создание и публикация Свода памятников археологии, фиксирующего современный уровень знаний о них; различные научные, научно-популярные и справочно-информационные издания; общественные слушания; выступления в средствах массовой информации; проведение массовых мероприятий и акций; организация научно-практических конференций всех уровней; установка мемориальных и охранных досок, создание информационных стендов по истории объектов археологического наследия; организация тематических выставок; развитие сети небольших муниципальных, ведомственных и частных музеев.

Только совместные усилия государственных органов охраны историко-культурного наследия, общественных организаций и всех астраханцев, которые дорожат историей своего края, позволят нам сохранить для потомков материальные свидетельства богатого и насыщенного историческими событиями прошлого Нижнего Поволжья.

Вопросы к разделу:

1. Когда начинается заселение Нижнего Поволжья человеком?

2. Каково число памятников археологии, известных на настоящий момент учёным и стоящих на государственной охране в Астраханской области?

3. Назовите основные археологические культуры и памятники археологии эпохи камня, и бронзы, расположенные в Астраханской области.

4. С какими народами связаны памятники археологии эпохи раннего железного века в Астраханском крае? Назовите эти памятники.

5. Расскажите о памятниках археологии эпохи Средневековья на территории Астраханской области.

6. Расскажите об истории археологических исследований на территории Астраханского края.

7. Разработайте свой вариант туристического маршрута по памятникам археологии Нижнего Поволжья с рассказом об этих объектах.

8. Пользуясь положениями предложенной выше концепции охраны и использования памятников археологии, а также Федерального закона «Об объектах культурного наследия народов Российской Федерации» разработайте тезисно свой план охранных мероприятий для памятников археологии одного из районов области (одного или нескольких).

Приложения

Приложение 1. Государственное регулирование в области сохранения культурного наследия (Законодательная система сохранения культурного наследия)

Первое упоминание о законодательном урегулировании сохранения артефактов/предметов/памятников древности (ведь именно так они назывались, поскольку такого интегративного термина, как «культурное наследие», еще не существовало) в Европе датируется XV в.

Однако система защиты культурного наследия, воплощенная в юридических актах, начинает формироваться только в XX в.

Так в Афинском Уставе (1931г.), учитывается сохранение артистического и археологического наследия. Гаагское соглашение (1954г.) расширяет понятие культурного наследия, включая в него культурные ценности и обращая внимание на его защиту в связи с вооруженными столкновениями. В 1956г. в Новом Дели, Unesco Recommendations определили принципы сохранения археологических раскопок, которые должны быть применены ко всем памятникам, имеющим мировое значение с художественной и исторической точки зрения. В Unesco Recommendations 1962г., была учтена потребность сохранности природного и культурного ландшафта, имеющего культурную и эстетическую ценность и представляющего собой гармоничное целое.

Более или менее полное определение культурному дается только Международным Уставом Венеции или Венецианской хартией (1964г.). «Наполненные сообщениями от прошлого, исторические памятники поколений людей остаются до настоящего момента живущими свидетелями их старых традиций. Люди более ощущают единство человеческих ценностей и расценивают исторические памятники как общее наследие. Общая обязанность охранять их для будущих поколений признана. Это наша обязанность передать их наследникам в полном богатстве и подлинности».

В статье 1 Устава дано определение «исторического памятника» оно применяется не только к масштабным произведениям искусства, но также и к более скромным работам прошлого, которые приобрели культурное значение с течением времени. В Венецианской Хартии эти проблемы были предложены в качестве объекта обсуждения в течение последующих лет. Таким образом, с начала 1950-ых, с типологической точки зрения, было расширено основание для определения процедуры сохранения культурного наследия в международных документах.

В 1972 г. была принята «Конвенция об охране Всемирного культурного и природного наследия». По сути это был первый документ, официально закрепляющий статус культурного наследия наряду с природным наследием. Согласно этой конвенции под культурным наследием понимались:

- памятники: произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки;

- ансамбли: группы изолированных или объединенных строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки;

- достопримечательные места: произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии.

За этим последовала целая серия европейских правовых актов, имеющих юридический статус на территории Европы, таких как Европейская конвенция по правонарушениям, связанным с культурными ценностями 1985 г.; Конвенция об охране архитектурного наследия Европы 1985 г.; Европейская конвенция об охране археологического наследия 1992г.; Европейская конвенция по ландшафт-

там 2000 г. Как всемирные, так и европейские конвенции наряду с попытками разобраться в терминологическом многообразии определяют перечень обязательств стран участников по отношению к объектам культурного наследия.

В большинстве международных документов делаются попытки однозначного и объективного определения понятие «культурное наследие», тех уставов, директив и резолюций, где этот термин может быть универсально применен и будет изучен более подробно.

Документы, созданные после Венецианского Устава, концентрируются на двух других проблемах: определение общих принципов для идентификации новых областей сохранения, в том числе предлагаемая Уставом Совета Европы в 1972 году попытка объединения принципов охраны с системами управления территорией и перспективами ее экономического и социального развития. В Конвенции ЮНЕСКО по защите мира, всемирного культурного и природного наследия (1972г.), выражение «культурное наследие» включает те памятники и места, которые имеют «исключительную универсальную ценность» с точки зрения истории, искусства или науки.

Этот нормативный подход в определении культурного наследия характерен для Европейского устава архитектурного наследия Амстердама (1975г.), для в Гренадского соглашения по защите архитектурного наследия (1985). Уставы по Защите исторических городов (Устав Вашингтона 1987, ICOMOS) призваны защищать исторические города из-за их роли в воссоздании прошлого страны, поскольку они воплощают ценности городских традиций культуры. Эти ценности представлены и материальной и духовной составляющими и определяют отношения между городом и его средой, что на тот момент являлось весьма инновационным .

Начиная в середины 1970-х, в международных документах прекращаются попытки определить общие критерии сохранения культурного наследия, которые были бы обязательны для всех документов. Вырисовывается тенденция к типологизации объектов защиты в многочисленных документах (Палермский Устав 1990,

Декларация 1982 (Тлаккала, Мексика), Парижская Рекомендация 1989,

Следующей крупной вехой в истории законодательства связанного с охраной культурного наследия стало ратифицирование «Конвенции об охране нематериального культурного наследия» (2003), где «нематериальное культурное наследие» означает обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и в некоторых случаях отдельными лицами в качестве части их культурного наследия». Такое нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей среды, их взаимодействия с природой и их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека. Для целей настоящей Конвенции принимается во внимание только то нематериальное культурное наследие, которое согласуется с существующими международно-правовыми актами по правам человека и требованиями взаимного уважения между сообществами, группами и отдельными лицами, а также устойчивого развития.

Также данная Конвенция определяет, в каких областях проявляется нематериальное культурное наследие:

а) устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве

носителя нематериального культурного наследия;

б) исполнительские искусства;

в) обычаи, обряды, празднества;

г) знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной;

д) знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами.

Обе конвенции 1972 и 2003 гг. декларируют создание комитетов (Межправительственный комитет по охране всемирного культурного и природного наследия, Межправительственный комитет по охране нематериального культурного наследия), где подробно

прописаны полномочия и организация их работы. Обе конвенции содержат главы, посвященные учреждению фондов охраны всемирного культурного наследия и нематериального культурного наследия. Средства фондов формируются одинаково. Однако в конвенции об охране нематериального культурного наследия есть дополнительный пункт, где сказано, что средства фонда могут формироваться за счет средств, ассигнованных для этой цели Генеральной конференцией ЮНЕСКО.

Говоря о создании Европейской юридической базы в области защиты культурного наследия, нельзя не отметить деятельность РФ в этой сфере. Прежде всего, в Конституции РФ говорится: «Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры». Сохранение объектов культурного наследия – одна из важнейших функций государства в культурной сфере. Оно обусловлено не только экономическими факторами, так как объект культурного наследия обладает повышенной экономической привлекательностью в долгосрочной перспективе, но и политическими, духовными, т.к. объект, как правило, является материальным носителем культуры народов конкретного государства. Именно это и обуславливает наличие в небольшом перечне конституционных обязанностей требование заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры. Ясно, что данная обязанность не может лежать только на государстве, к тому же многие культурные ценности находятся в частной собственности у граждан. Можно отметить, что конституционная обязанность беречь памятники истории и культуры выступает в качестве одной из наиболее сложно реализуемых в Российской Федерации, по причине долгосрочного и неочевидного результата реализации данной обязанности гражданами. Отношения в этой области регулируют Основы законодательства РФ о культуре, Закон РФ « Об охране и использовании памятников истории и культуры». Указом Президента РФ утвержден Перечень объектов исторического и культурного наследия

федерального значения, включающий такие объекты всех регионов страны.

Данная конституционная обязанность направлена на сохранение материальных и духовных ценностей многонационального народа России, развитие его культуры.

Также на территории РФ существует Федеральный закон от 25 июня 2002 г. N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Анализ данного закона позволяет сделать вывод об отсутствии явно выраженных противоречий между международными актами и федеральным законодательством. В преамбуле закона говорится, что государственная охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации является предметом совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Государственная охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) является одной из приоритетных задач органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Предметами регулирования настоящего Федерального закона являются:

- отношения, возникающие в области сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации;

- особенности владения, пользования и распоряжения объектами культурного наследия (памятниками истории и культуры) народов Российской Федерации как особым видом недвижимого имущества;

- порядок формирования и ведения единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации;

- общие принципы государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

Согласно данному закону объекты культурного наследия подразделяются на следующие виды:

– **памятники** – отдельные постройки, здания и сооружения с исторически сложившимися территориями (в том числе памятники религиозного назначения: церкви, колокольни, часовни, костелы, кирхи, мечети, буддистские храмы, пагоды, синагоги, молельные дома и другие объекты, специально предназначенные для богослужений); мемориальные квартиры; мавзолеи, отдельные захоронения; произведения монументального искусства; объекты науки и техники, включая военные; частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека, включая все движимые предметы, имеющие к ним отношение, основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки (далее – объекты археологического наследия);

– **ансамбли** – четко локализуемые на исторически сложившихся территориях группы изолированных или объединенных памятников, строений и сооружений фортификационного, дворцового, жилого, общественного, административного, торгового, производственного, научного, учебного назначения, а также памятников и сооружений религиозного назначения (храмовые комплексы, дацаны, монастыри, подворья), в том числе фрагменты исторических планировок и застроек поселений, которые могут быть отнесены к градостроительным ансамблям; произведения ландшафтной архитектуры и садово-паркового искусства (сады, парки, скверы, бульвары), некрополи;

– **достопримечательные места** – творения, созданные человеком или совместные творения человека и природы, в том числе места бытования народных художественных промыслов; центры исторических поселений или фрагменты градостроительной планировки и застройки; памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории Российской Федерации, историческими (в том числе военными) событиями, жизнью выдаю-

щихся исторических личностей; культурные слои, остатки построек древних городов, городищ, селищ, стоянок; места совершения религиозных обрядов. В Федеральном законе также прописывается одно из обязательств стран участниц Конвенции – охрана культурного наследия. Под государственной охраной объектов культурного наследия в целях настоящего Федерального закона понимается система правовых, организационных, финансовых, материально-технических, информационных и иных принимаемых органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в пределах их компетенции мер, направленных на выявление, учет, изучение объектов культурного наследия, предотвращение их разрушения или причинения им вреда, контроль за сохранением и использованием объектов культурного наследия в соответствии с настоящим Федеральным законом. В законе детально прописаны полномочия Российской Федерации в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия. Согласно закону, источниками финансирования мероприятий по сохранению, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия являются федеральный бюджет, бюджеты субъектов Российской Федерации, внебюджетные поступления.

Закон предполагает создание единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

В законе сказано, что полномочия органов местного самоуправления в отношении объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации определяются настоящим Федеральным законом и законами субъектов Российской Федерации.

Порядок формирования, финансирования и реализации региональных программ охраны объектов культурного наследия регионального значения и объектов культурного наследия местного (му-

ниципального) значения устанавливается законом соответствующего субъекта Российской Федерации.

Раскрытия понятия «обязанности граждан по сохранению культурного наследия» в нормативно-правовых актах нет, но, разумеется, оно вытекает из общего смысла нормативно-правовых актов. У граждан есть обязанность предпринимать меры, направленные на сохранения культурного и исторического наследия. Это может проявляться, как в недопустимости причинять вред памятникам истории и культуры (уровень охраны объектов, обладающих культурной либо исторической ценностью выше, чем объектов, выполняющих те же функции, но не имеющих исключительной ценности), так и в обременении собственника такого объекта. То есть собственник объекта культурного наследия, помимо обычных ограничений, как гражданин, обладает дополнительными ограничениями на свое абсолютное право собственности, ввиду его конституционной обязанности «заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры» (Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г.).

Зачастую памятник истории и культуры является недвижимым имуществом. Это создает дополнительные трудности в реализации данной обязанности.

Согласно постановлению Правительства РФ от 26.04.2008 № 315 «Об утверждении положения о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации», Положение устанавливает порядок разработки проектов зон охраны объектов культурного наследия, требования к режимам использования земель и градостроительным регламентам в границах данных зон.

Установлено, что на сопряженной с объектом культурного наследия территории может быть установлена одна или несколько зон охраны: охранный зона, зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности, зона охраняемого природного ландшафта.

Отдельно следует отметить мероприятия по сохранению памятников культурного наследия. В первую очередь, это реставра-

ция (меры по укреплению (консервированию) физического состояния, раскрытия наиболее характерных признаков, возобновления потерянных или поврежденных элементов объектов культурного наследия, с обеспечением сохранения их подлинности) и музеефикация (мероприятия по приведению объектов культурного наследия в состояние, пригодное для экскурсионного посещения). Также используются такие методы, как:

- Консервирование – мероприятия, которые позволяют защитить объекты культурного наследия от последующих разрушений и обеспечивают сохранение их подлинности с минимальным вмешательством в их существующий вид,

- Реабилитация (ревалоризация) – мероприятия по возобновлению культурных и функциональных свойств объектов культурного наследия, приведения их в состояние, пригодное для использования. Но в последнее время многие деятели культуры выступают за приватизацию памятников архитектуры и истории частными лицами. По их мнению, только это может спасти культурное наследие России. Таким образом, мы видим, что нет ярко выраженных противоречий между международными актами и федеральным законодательством.

Так же, как и в конвенции 1972 г., в российском законодательстве выделяют основные виды культурного наследия: памятники, ансамбли, достопримечательные места. Закон предполагает создание единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

Надо отметить, что за рубежом приватизация памятников истории и культуры в частную собственность – вполне привычная практика. Например, в Чехии тот, кто владел собственностью (предположим, замком) до 1945 года, может получить его обратно, а затем продать или отдать в ренту. Те памятники, которые остаются в собственности у государства, выставляются на специальные аукционы. Во Франции владельцы памятников должны содержать их в соответствии с атрибутикой той исторической эпохой, к кото-

рой принадлежит этот памятник и платить довольно большие налоги, если не используют его для проведения экскурсий. Подобная практика нашла поддержку у некоторых российских политиков.

Многие государственные деятели одобряют подобную инициативу. Поскольку многие памятники истории и культуры находятся в плачевном состоянии, желающим хоть как-то продлить их существование нужно идти навстречу. Однако специалисты говорят о том, что необходим жесткий контроль над процедурой приватизации.

В связи с отсутствием у государства денег на финансирование сохранения памятников истории и культуры, весьма актуальным становится вопрос о приватизации объектов культурного наследия, наиболее активно эту проблему пытаются решить в Санкт-Петербурге, где Комитетом по государственному использованию и охране памятников разработана «Петербургская стратегия сохранения культурного наследия». Стратегия определяет основные приоритеты, критерии и направления деятельности по сохранению культурного наследия Санкт-Петербурга. Она раскрывает проблемы охраны, реставрации и использования памятников, ансамблей и городской среды, а также реконструкции и нового строительства в исторических районах.

Существует еще один документ, на который необходимо обратить внимание. Он не является федеральным законом, но является весьма показательным в области охраны объектов культурного наследия.

На учредительном съезде Конгресса интеллигенции Российской Федерации, проходившем 10–11 декабря 1997 г. в Москве, была принята «Декларация прав культуры», проект которой был предложен академиком Д.С. Лихачевым. Заслуживает внимания сформулированное в ст. 1 понятие культуры, под которой понимается сотворенная человеком материальная и духовная среда обитания, а также процессы создания, сохранения, распространения и воспроизводства норм и ценностей, способствующих возвышению человека и гуманизации общества.

Здесь же отмечается, что культурно-историческое наследие является частью культуры в целом и понимается как форма закрепления и передачи совокупного духовного опыта человечества. Это наследие включает в себя язык, идеалы, традиции, обычаи, обряды, праздники, памятные даты, фольклор, народные промыслы и ремесла; произведения искусства, музейные, архивные и библиотечные фонды, коллекции, книги, рукописи, письма, личные архивы; памятники археологии, архитектуры, науки и искусства, памятные знаки, сооружения, ансамбли, достопримечательные места и другие свидетельства исторического прошлого; уникальные ландшафтные зоны и местности археологического, исторического и научного значения, совместные творения человека и природы, современные сооружения, представляющие особую ценность с точки зрения истории, искусства и науки, а также другие предметы и явления, обладающие историко-культурной ценностью

В ряде статей данной Декларации приведен перечень того, что обязано делать государство как: 1) гарант сохранения и развития культурного наследия (ст. 12); 2) субъект права (ст. 13); 3) субъект власти (ст. 14); 4) субъект международного права (ст. 15). В контексте нашего рассмотрения ст. 12 и ст. 13 представляют наибольший интерес, поскольку касаются именно вопроса сохранения культурного наследия. Представляется вполне целесообразным привести некоторые положения этих статей в нашем изложении, которое предполагает частичные сокращения.

Итак, как гарант сохранения и развития культурного наследия государство обязано:

рассматривать в качестве приоритетной задачи сохранение культурного достояния нации и обеспечивать его передачу будущим поколениям;

содействовать воспитанию у граждан интереса, любви и уважения к культурному наследию своего народа, а также к культуре других народов мира;

способствовать интеграции культурного потенциала каждого этноса в духовную жизнь всей нации;

брать под защиту объекты и памятники культуры, нуждающиеся в охране, консервации, реставрации и музеефикации;

осуществлять финансовую и организационную поддержку в издании полных каталогов музейных фондов;

использовать для реставрации особо значимых памятников истории и культуры специалистов самой высокой категории;

привлекать к судебной ответственности виновных за уничтожение, искажение или нанесение какого-либо ущерба произведениям, предметам и объектам, имеющим культурную ценность;

выявлять, учитывать и охранять составляющие достояние народа культурные ценности от незаконного ввоза, вывоза и передачи на них прав собственности;

не допускать разрушения созданных как единое целое исторических центров, ансамблей памятников истории и культуры, имеющих общечеловеческое значение;

обеспечивать стабильное местопребывание произведений культуры, имеющих национальное и общемировое значение;

сохранять исторические поселения как единое культурное и стилевое целое.

Как субъект права государство обязано:

обеспечивать законодательную базу поддержки и развития культурной жизни и принимать административные меры по неукоснительному соблюдению международных и государственных норм в области культуры;

создавать систему социальных, экономических и правовых гарантий свободного творчества и профессиональной деятельности в сфере культуры;

обеспечивать свободный доступ к памятникам, произведениям и предметам культуры вне зависимости от того, в чьем владении они находятся;

законодательно гарантировать выполнение воли жертвователей произведений и предметов культуры, имеющих общечеловеческую ценность;

не допускать ущемления права граждан пользоваться своим языком, который является главной культурной ценностью любого народа.

Некоторые властно-правовые аспекты относительно сохранения культурного наследия зафиксированы также в статьях 14 и 15.

Как субъект власти государство обязано:

считать главной целью национальной культурной политики создание системы экономических, правовых и иных условий, способствующих спасению, сохранению и развитию культуры как духовной основы существования народа;

обеспечивать минимум культурного развития членам общества, испытывающим трудности в реализации прав человека на участие в создании, сохранении, распространении и потреблении культурных ценностей;

стимулировать инициативу и участие различных групп населения в создании, сохранении, распространении и потреблении ценностей культуры;

обеспечивать сохранение национальной культуры как гармоничной целостности .

Как субъект международного права государство обязано:

способствовать установлению международных контактов и сотрудничества в области сохранения и развития культурных богатств, поощрять распространение культурных ценностей, благоприятствующих укреплению мира и безопасности;

участвовать в международном сотрудничестве с целью возвращения незаконно вывезенных с территории того или иного государства культурных ценностей;

неукоснительно соблюдать требования «Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» от 14 мая 1954 г.

Однако, судя по продолжающемуся порой варварскому отношению в нашей стране к культурному наследию в разных его формах этот документ не только не приобрел какой-либо узаконенности, но даже не стал достоянием широких кругов общественности.

Подводя итог анализу законодательной базы РФ по охране культурного наследия можно прийти к выводу, что она еще недостаточно хорошо проработана, т.к. до сих пор законом не защищены объекты нематериального культурного наследия.

Главным необходимым условием обеспечения сохранности объектов культурного наследия в настоящее время является совершенствование государственной политики на основе всестороннего учета состава и состояния объектов культурного наследия, современных социально-экономических условий развития общества, реальных возможностей органов власти, местного самоуправления, общественных и религиозных организаций, иных лиц, особенностей национально-культурных традиций народов Российской Федерации и множества других факторов.

Государственная политика по обеспечению сохранности объектов культурного наследия должна исходить из признания приоритетности сохранения историко-культурного потенциала как одного из главных социально-экономических ресурсов существования и развития народов Российской Федерации и реализовывать комплексный подход к решению вопросов государственной охраны, непосредственного сохранения, распоряжения и использования объектов культурного наследия всех видов и категорий.

Приложение 2. Политика Астраханской области в сфере культурного наследия

Астрахань – один из немногих городов России, на территории которого проживают представители более 100 этнических групп. Благодаря многовековому взаимодействию различных народов сложилась своеобразная культура Астрахани. На территории современной Астрахани находится огромное количество Национальных обществ, которые продолжают сохранять свою культуру, передавая её новым поколениям.

На территории Астраханской области действует Закон Астраханской области от 30.12.2005 N 94/2005-ОЗ (ред. от 02.07.2008) "ОБ ОБЪЕКТАХ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (ПАМЯТНИКАХ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ) НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, РАСПОЛОЖЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ" (принят Государственной Думой Астраханской области 22.12.2005).

Действие настоящего Закона распространяется на все расположенные на территории Астраханской области объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации независимо от их формы собственности, характера использования и степени сохранности.

Закон содержит полномочия Государственной Думы Астраханской области по сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия. К полномочиям Государственной Думы Астраханской области по сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия относятся:

- принятие законов и иных нормативных правовых актов в пределах полномочий, предоставленных субъектам Российской Федерации

Федерации в области государственной охраны объектов культурного наследия;

- утверждение перечня объектов культурного наследия, не подлежащих отчуждению из государственной собственности Астраханской области;

- принятие решения о включении объекта культурного наследия в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации как объекта культурного наследия регионального значения. Согласно Федеральному закону для принятия решения о включении объекта культурного наследия в реестр, соответствующий орган охраны объектов культурного наследия представляет в Правительство Российской Федерации (в случаях, предусмотренных пунктом 9 статьи 18 настоящего Федерального закона), либо в орган государственной власти субъекта Российской Федерации, определенный законом данного субъекта Российской Федерации:

- заявление о включении выявленного объекта культурного наследия в реестр;

- заключение государственной историко-культурной экспертизы;

- сведения о наименовании объекта;

- сведения о времени возникновения или дате создания объекта, дате основных изменений (перестроек) данного объекта и (или) дате связанного с ним исторического события;

- сведения о местонахождении объекта;

- сведения о категории историко-культурного значения объекта;

- сведения о виде объекта;

- описание особенностей объекта, послужившее основанием для включения его в реестр и подлежащих обязательному сохранению (далее – предмет охраны);

- описание границ территории объекта;

- фотографическое изображение объекта;

- сведения о собственнике объекта культурного наследия и пользователе объектом культурного наследия;

- сведения о собственнике земельного участка и пользователе земельным участком, а также о правовом режиме использования земельного участка, в пределах которого располагается объект археологического наследия);

- обращение в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющей функции по контролю и надзору в сфере массовых коммуникаций и по охране культурного наследия об исключении объекта культурного наследия из единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

Федеральный закон и закон Астраханской области содержит нормы, регулирующие льготы, предоставляемые физическим или юридическим лицам, вложившим свои средства в работы по сохранению объектов культурного наследия. В Федеральном законе сказано, что порядок установления льготной арендной платы и ее размеры в отношении объектов культурного наследия, находящихся в собственности субъектов Российской Федерации или муниципальной собственности, определяются соответственно органами государственной власти субъектов Российской Федерации или органами местного самоуправления в пределах их компетенции.

Оба закона, федеральный и областной содержат статьи, посвященные сохранению культурного наследия, например вопрос воссоздания утраченного объекта культурного наследия. В Федеральном законе сказано, что решение о воссоздании утраченного объекта культурного наследия за счет средств федерального бюджета принимается Правительством Российской Федерации по представлению федерального органа охраны объектов культурного наследия, основанному на заключении историко-культурной экспертизы и согласованному с органом государственной власти субъекта Российской Федерации, определенным законом данного субъекта Российской Федерации, с учетом общественного мнения, а

также в случае воссоздания памятника или ансамбля религиозного назначения с учетом мнения религиозных организаций. Закон Астраханской области говорит, что решение о воссоздании утраченного объекта культурного наследия регионального или местного (муниципального) значения за счет средств бюджета Астраханской области принимается Государственной Думой Астраханской области по представлению Правительства Астраханской области, основанному на заключении государственной историко-культурной экспертизы.

Совсем недавно на территории Астраханской области действовала Областная целевая программа «Развитие культуры и сохранение культурного наследия Астраханской области» 2011-2013. Целями настоящей Программы по сохранению культурного наследия Астраханской области являются:

- обеспечение государственной охраны объектов культурного наследия народов РФ;
- обеспечение сохранности, пополнения, изучения музейного фонда Астраханской области, модернизация деятельности музеев, создание современных экспозиций;
- внедрение в деятельность учреждений культуры новейших информационных технологий;
- комплекс мероприятий, предусматривающих поддержку коллективов и мастеров профессионального искусства и народного творчества сельской культуры, национальной культуры;
- модернизацию и укрепление материально-технической базы учреждений культуры образовательного процесса, библиотечного и музейного дела;
- обеспечение сохранности и эффективного использования объектов культурного наследия.

В Уставе Астраханской области в числе полномочий Правительства Астраханской области записано, что оно разрабатывает и осуществляет меры по формированию и содержанию объектов культурного наследия регионального значения (п. 25 ст. 27), архив-

ных фондов Астраханской области (п. 24 ст. 27), которые также имеют непосредственное отношение к культурному наследию.

В Законе Астраханской области от 30.12.2005 г. № 94/2005-ОЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации, расположенных на территории Астраханской области» определена сфера действия настоящего Закона (распространяется на все объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации, независимо от их формы собственности, характера использования и степени сохранности (ст. 1); определены полномочия Государственной думы Астраханской области по сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия (ст. 2); также определены полномочия исполнительных органов государственной власти Астраханской области по сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного значения. К этим полномочиям, в частности, относится осуществление работ по выявлению и учету объектов, представляющих собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и рекомендуемых для включения в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (ст. 3).

На территории Астраханской области деятельность по сохранению культурного наследия непосредственно регулируется «Административными регламентами», утверждаемыми Постановлением министерства культуры. При этом эти «Административные регламенты» разрабатываются в соответствии с такими основополагающими документами, как:

Конституция Российской Федерации;

Федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»;

Постановление Совета Министров СССР от 16.09.82 г. № 865 «Об утверждении Положения об охране и использовании памятников истории и культуры»;

Устав Астраханской области от 9.04.2007 г. № 21/2007-ОЗ (с изменениями от 1.10.2007 г., 29.02, 14.10. 2008 г., 27.03., 8.05, 20.08. 2009 г.);

Закон Астраханской области от 30.12.2005 г. № 94/2005-ОЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации, расположенных на территории Астраханской области»;

Постановление правительства Астраханской области от 18.04.2005 г. № 62-П «О министерстве культуры Астраханской области»;

Постановление правительства Астраханской области от 15.10.2008 г. № 535-П «О порядке разработки и утверждения административных регламентов исполнения государственных функций (предоставления государственных услуг»;

Постановление правительства Астраханской области от 11.12.2007 г. № 535-П «Об утверждении перечня государственных услуг, предоставляемых исполнительными органами государственной власти Астраханской области»;

Постановление министерства культуры Астраханской области от 18.10.2006 г. № 4-п «Об условиях охранных обязательств в отношении объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации регионального значения, выявленных объектов культурного наследия (памятников истории и культуры)»;

Приказ Министерства культуры СССР от 13.05.86 г. № 203 «Об утверждении Инструкции о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры»;

Приказ Министерства культуры СССР от 13.05.86 г. № 203 «Об утверждении Инструкции о порядке учета, обеспечения со-

хранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры»;

Приказ Министерства культуры РФ от 29.12.1993 г. № 810 «Об утверждении РНиП 4.05.01-93 «Методические рекомендации по определению стоимости научно-проектных работ для реставрации недвижимых памятников истории и культуры»;

Постановление министерства культуры Астраханской области от 14.06.2007 г. № 3-п «Об утверждении положения об объединенном научно-реставрационном совете при Министерстве культуры Астраханской области»;

Постановление правительства Астраханской области от 02.07.2009 г. № 338-П «Об утверждении порядка принятия решения о выдаче задания, выдаче разрешения, согласовании проектной документации на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия регионального значения, выявленного объекта культурного наследия».

В настоящее время на территории Астраханской области приняты и действуют шесть «Административных регламентов» относительно различных сторон деятельности по охране культурного наследия (расположим их в хронологическом порядке).

Административный регламент министерства культуры Астраханской области по исполнению государственной функции осуществления работ по выявлению и учету объектов, представляющих собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и рекомендуемых для включения в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» (утвержден Постановлением правительства Астраханской области от 26 сентября 2007 г. № 413-П в ред. постановлений правительства Астраханской области от 18.04.2008 г. № 175-П, от 02.09.2008 г. № 472-П, от 15.10.2008 г. № 539). Настоящий административный регламент министерства культуры

Астраханской области определяет сроки и последовательность действий (административные процедуры) структурных подразделений министерства культуры Астраханской области при исполнении государственной функции.

Административный регламент министерства культуры Астраханской области по предоставлению государственной услуги «Выдача разрешения на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия регионального значения и выявленного объекта культурного наследия» (утвержден Постановлением министерства культуры Астраханской области от 2 июля 2009 г. № 13-п). Настоящий регламент определяет сроки и последовательность действий (административных процедур) по предоставлению государственной услуги «Выдача разрешения на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия регионального значения и выявленного объекта культурного наследия».

Административный регламент министерства культуры Астраханской области по предоставлению государственной услуги «Согласование проектной документации на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия регионального значения и выявленного объекта культурного наследия» (утвержден 2 июля 2009 г. № 14-п). Настоящий регламент определяет сроки и последовательность действий (административных процедур) по предоставлению государственной услуги «Согласование проектной документации на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия регионального значения и выявленного объекта культурного наследия».

Административный регламент министерства культуры Астраханской области по предоставлению государственной услуги – «выдача задания на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия регионального значения и выявленного объекта культурного наследия» (утвержден 2 июля 2009 г. № 15-П). Настоящий регламент определяет сроки и последовательность действий (административных процедур) по предоставлению государственной

услуги «Выдача задания на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия регионального значения и выявленного объекта культурного наследия».

Административный регламент министерства культуры Астраханской области по предоставлению государственной услуги «Согласование в порядке и случаях, установленных федеральным законодательством, проведения землестроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ и проектов проведения указанных работ» (утвержден 30 декабря 2009 г. № 31-п). Настоящий регламент определяет сроки и последовательность действий (административных процедур) по предоставлению государственной услуги «Согласование в порядке и случаях, установленных федеральным законодательством, проектной документации на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия регионального значения и выявленных объектов культурного наследия».

Административный регламент министерства культуры Астраханской области по предоставлению государственной услуги «Оформление охранных обязательств с пользователями и (или) собственниками объектов культурного наследия регионального значения и выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Астраханской области» (утвержден 30 декабря 2009 г. № 32-п). Настоящий регламент определяет сроки и последовательность действий (административных процедур) по предоставлению государственной услуги «Оформление охранных обязательств с пользователями и (или) собственниками объектов культурного наследия регионального значения и выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Астраханской области».

Приложение 3. Законодательная основа охраны археологического наследия

До рубежа 1980-1990-х гг. целенаправленных мероприятий охранного характера в отношении археологического наследия Астраханской области не проводилось, за исключением раскопок в зонах строительства рисово-оросительных систем, которые велись ПАЭ и экспедицией Астраханского пединститута. Кроме того, по инициативе директора музея В.А. Филипченко в 1960-х годах на государственную охрану были поставлены два памятника археологии – городище «Селитренное» и городище у пос. Лапас с комплексом мавзолеев. Им был придан статус памятников археологии всеобщего значения.

В 1989 г. в Астрахани была создана Госдирекция по охране памятников истории и культуры, в качестве сотрудников которой выступали молодые специалисты, получившие стажировку в экспедициях Е.В. Шнайдштейн. Госдирекции пришлось задействовать на себя весь цикл, связанный с охранными работами – от согласования проектов застройки и составления археологической карты области до собственно раскопок. Закономерно возникли проблемы с охраной археологического наследия на новостройках, управление которой оказались в руках чиновников. Эти проблемы были порождены общим кризисом в стране, связанным с распадом Советского Союза и развалом экономики, которые были усилены в связи с борьбой за передел собственности.

В 1990-е годы в археологической экспедиции Госдирекции охраны памятников под руководством С.А. Котенькова начали свою научную деятельность такие исследователи, как С.А. Пантелеев, Е.М. Пигарёв, Д.В. Васильев, Д.В. Кутуков. Благодаря их совместным усилиям, на территории области было выявлено свыше трёх сотен новых памятников археологии, девяносто из них поставлено на государственную охрану. Была начата работа по паспортизации археологического наследия, усилен контроль за соблюдением норм и правил проведения археологических исследований, а также

начала формироваться система проведения обязательных предварительных археологических разведок и раскопок перед началом любых строительных работ в городе и в области.

Преемником Госдирекции охраны историко-культурного наследия стали Управление по сохранению культурного наследия и развитию культурного туризма и Государственное научно-производственное учреждение «Наследие». Управление является государственным органом охраны историко-культурного наследия и осуществляет контроль за соблюдением законодательства в сфере охраны памятников истории и культуры, регулируя взаимодействие хозяйствующих субъектов и организаций научно-исследовательской и культурной направленности, а ГНПУ «Наследие» проводит охранные археологические исследования и мероприятия по охране объектов историко-культурного наследия на территории Астраханской области.

В настоящее время в комплексе государственных преобразований, переживаемых российским обществом, выдвинулась законотворческая деятельность по формированию новой правовой системы Российского государства, затрагивающая и область правового регулирования отношений, связанных с охраной и использованием памятников истории и культуры. Основа и большая часть имеющегося на данный момент нормативно-правового массива в сфере охраны, сохранения и использования историко-культурного наследия была сформирована в условиях социалистического государства, а те дополнения последних постперестроечных лет лишь конкретизировали отдельные положения старого законодательства, либо восполняли определенные его пробелы, связанные с организацией охраны недвижимых объектов историко-культурного наследия в новых условиях.

В статье 44.3 Конституции Российской Федерации сказано: «Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры».

На сегодняшний день основным законом, регулирующим деятельность в области охраны и использования памятников истории и

культуры, является Федеральный закон от 25.06.2002 N 73-ФЗ (ред. от 23.07.2013) "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2014)

Согласно закону, археологические памятники, включая движимую их часть, со дня обнаружения являются государственной собственностью и подлежат охране. Свободный оборот археологических артефактов запрещен (ст. 49-50 ФЗ № 73) и преследуется по закону (ст. 175 УК , ст.164 УК , ст. 14.2 КоАП). Археологические разведки и раскопки без разрешения (Открытого листа), выдаваемого Министерством культуры, запрещены и преследуются по закону (ст. 243 УК , ст.164 УК , ст. 7.15 КоАП).

На региональном уровне действует закон Астраханской области от 30.12.2005 N 94/2005-ОЗ (ред. от 02.07.2008) "ОБ ОБЪЕКТАХ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (ПАМЯТНИКАХ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ) НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, РАСПОЛОЖЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ" (принят Государственной Думой Астраханской области 22.12.2005).

Помимо этого, постановка или снятие с государственной охраны памятников археологии регулируется действующими Постановлениями Губернатора (ранее - Главы Администрации) Астраханской области.

Действующее законодательство не в состоянии решить ряд проблем, связанных с охраной, сохранением и популяризацией археологического наследия, как в регионе, так и в стране в целом.

В отношении большинства археологических памятников в области зоны охраны установлены, однако паспортизация памятников, начатая в конце 1990-х годов, не завершена. Охранные обязательства собственников или пользователей земельных участков, на которых располагаются памятники археологии, требуют обновления. Значительное количество памятников бесхозно или находится в аварийном состоянии, установлены случаи фактической утраты памятников археологии. Так, например, было полностью разруше-

но и снято с государственной охраны городище «Шареный бугор» – остатки центральной части города Хаджи-Тархана, предтечи современной Астрахани.

Во многом сказывается отсутствие достаточного финансирования.

Еще одной серьезной проблемой в области являются нелегальные раскопки. Вред, причиняемый кладоискателями, без преувеличения огромен. Собираемый ими материал имеет историческую ценность в комплексе с другими артефактами, вне комплекса подобные находки теряют часть научной информации. Многие уникальные в археологическом отношении памятники гибнут безвозвратно, такие раскопки ведутся тайно, без составления какой-либо документации.

Особенно страдают от «черных» археологов Селитренное и Красноярское городища, золотоордынские поселения в окрестностях Астрахани (поселения – спутники Хаджи-Тархана), поселения и грунтовые могильники на территории Лиманского, Приволжского, Икрянинского, Камызякского, Красноярского районов.

Противодействие расхищению археологических ценностей России в настоящее время – одна из наиболее актуальных задач в сфере сохранения историко-культурного наследия страны. Чтобы определить конкретные меры по нормализации ситуации необходимо, прежде всего, проанализировать, почему малоэффективны существующие правовые нормы, регулирующие отношения в этой области.

Реальное применение существующего законодательства для преследования за браконьерские раскопки затруднено целым рядом обстоятельств. Во-первых, отсутствие учётной документации на археологические объекты (на учёте состоит меньшая часть памятников) и неясности с определением их границ лишают специалистов возможности доказать факт разрушения памятника истории и культуры самовольными раскопками - при всей его очевидности. Во-вторых, несмотря на обилие древних вещей, циркулирующих на антикварном рынке, факт происхождения их из браконьерских рас-

копок, как правило, не может быть доказан, если участники этих раскопок не схвачены за руку непосредственно в котловане.

Немалым источником угрозы для археологических памятников является строительство: они уничтожаются при прокладке дорог, газопроводов и прочее. Большое количество уникальных памятников археологии уничтожаются вследствие элементарной распашки в сельской местности и ведения хозяйственной деятельности. Игнорирование установленной Законом обязанности отчасти способствует тому, что территория многих объектов археологического наследия ежегодно повреждается бесконтрольной хозяйственной деятельностью. Самовольно была проведена частичная запашка территории Селитренного городища, памятника федерального значения. На территории уникального памятника археологии – Красноярского городища – продолжается самовольное строительство жилых домов и хозяйственных объектов, прокладка коммуникаций, которые уничтожают остатки доступного для изучения культурного слоя.

Однако проблема сохранения культурного наследия имеет комплексный характер. Огромную роль здесь играет политика, право, экономика, мораль, решимость сохранить культурное наследие, исследовать его и передать следующему поколению в преумноженном и обновленном виде.

Одним из основных факторов, определяющих низкую степень эффективности системы охраны историко-культурного наследия, является практически полная незаинтересованность должностных лиц, осуществляющих руководство органами охраны, в результатах своей деятельности. По-прежнему процветает «телефонное право», складывается ситуация, в которой строительство выгоднее согласовать без археологического обследования, чем пойти на конфликт с вышестоящим руководством, которое требует сократить сроки сооружения значимого объекта. Так, например, совершенно безо всякого предварительного археологического обследования были проведены реставрационные работы, сопровождавшиеся выемкой грунта на территории памятника археологии - Благовещенского

женского монастыря в исторической части города Астрахани. В ходе подготовки к празднованию 450-летнего юбилея Астрахани было археологически обследовано лишь два объекта – часть подвалов и фундаментов Русского гостиного двора на углу улиц Третьяковского и Ахматовской и часть подворья с Настоятельским корпусом бывшего Спасо-Преображенского монастыря по улице Эспланадной. При этом данные работы велись на средства частных предпринимателей, но прокладка новых коммуникаций в черте памятника археологии «Культурный слой Белого города» велась без предварительного археологического обследования при попустительстве органов охраны историко-культурного наследия. Из-за недофинансирования сильно сократились сроки и объёмы археологических исследований на территории Астраханского кремля в 2007-2012 гг. Таких примеров можно привести множество, как на областном, так и на районном уровне.

Список рекомендованной литературы

1. Авдусин Д.А. Основы археологии. М.: «Высшая школа», 1989
2. Агеев А. Д. Американский «фронтир» и «сибирский рубеж» как факторы цивилизационного разлома // Американский и сибирский фронтир: материалы Междунар. науч. конф. "Американский и сибирский фронтир (фактор границы в американской и сибирской истории)", 4–6 окт. 1996 г. Томск, 1997. Вып.2: Американские исследования в Сибири.
3. Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М.: Аспект–Пресс, 2005
4. Адорно В.Т. Эстетическая теория.(Философия искусства). М., 2002.
5. Аксаков И.С. Бродяги // Московский сборник. М., 1852, т. 1.
6. Актуальные проблемы сохранения культурного и природного наследия. М., 1995.
7. Арнаутова Ю. А. Культура воспоминания и история памяти История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени /Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2006
8. Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции. (г. Астрахань, 18-21 октября 2010 г.). Астрахань : ИД «Астраханский университет», 2010
9. Археология СССР. Мезолит СССР. М, «Наука», 1989
10. Археология СССР. Палеолит СССР. М, «Наука», 1984
11. Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., «Наука», 1981
12. Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., «Наука», 1989
13. Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., «Наука», 1992
14. Археология СССР. Энеолит СССР. М., «Наука», 1982
15. Археология. Неолит Северной Евразии. М., «Наука», 1996

16. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004
17. Астраханские губернаторы. Астрахань, 1997.
18. Астрахань и астраханский край /сб краеведения.- под ред. Рейсса А.А. и Зыкова П.Ф. кн.2. 1925.
19. Атлас Астраханской области – М., 1997
20. Бадер, О.Н. Музеефикация археологических памятников // Советская археология. – 1978. – № 3. – С. 138-153.
21. Баллер Э. А. Социальный вопрос и культурное наследие. М., 1987.
22. Беляев Л.А. Проведение археологических исследований при реставрации памятников истории и культуры (полевые исследования). М., 1986
23. Берг Л. Предмет и задачи географии / Л. С. Берг // Изв. РГО. 1915.т.51, Вып. 9.
24. Богатырев А.И. Астрахань: улицы, годы, судьбы. Астрахань, 1999
25. Богусловский, М.М. Международная охрана культурных ценностей – М., 1979.
26. Болховитинов И.И. О времени и о себе: заметки историка // Историки России. Вып. 1. М., 1997, с.67-80.
27. Болховитинов Н. Н. О роли «подвижной границы» в истории США// Вопросы истории, 1962, № 9, с. 57-74.
28. Большая советская энциклопедия. М., 1969-1978.
29. Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М., 1990.
30. Булатов, Н.М. Археологический музей-заповедник в системе музейного строительства / Тр. НИИ культуры. Т. 74. М., 1978. С. 120-126.
31. Бурстин Д.Дж. Американцы: национальный опыт. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Литера», 1993.
32. Васильев Кирилл. Ключаревская летопись: история о начале и возобновлении Астрахани, случившихся в ней происшествиях, об архиереях в оной бывших, а также о воеводах, градоначальниках и

- губернаторах. Астрахань: Тип. Губернского Правления, 1887.
33. Веденин Ю. А. Очерки по географии искусства. СПб., 1997.
34. Веденин Ю.А. Культурный ландшафт как объект наследия. СПб.: «Дмитрий Буланин» М.: РНИИ культурного и природного наследия, 2004
35. Веселовский Н.И. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб.1890
36. Взгляд на кочевую культуру калмыков и причины ее живучести. Астрахань, 1888.
37. Вся Астрахань и весь Астраханский край. Астраханская губерния на 1910 год. Астрахань, 1910.
38. Ганопольский М.Г., Федоров Р.Ю. Магистраль освоения как основа формирования культурного ландшафта региона (опыт историко-географической реконструкции). // Вестник Тюменского государственного университета №6/2006
39. Города Поволжья в средние века. М., 1974
40. Грицай О. Центр и периферия в региональном развитии. М.:Наука, 1991
41. Гусарова Е.В. Астраханские находки. С-Пб, 2009
42. Давыдов А.Н. Музей под открытым небом и экология культуры // Декоративное искусство СССР. 1985. №5.
43. Делёз Ж. Марсель Пруст и знаки. СПб.: Алетейя, 1999.
44. Достопримечательности города Астрахани и его ближайшей окрестности. Астрахань, 1872
45. Дьячков А.Н. Охрана памятников за рубежом (некоторые теоретические аспекты)// Памятники в контексте историко-культурной среды. Сб. научн. тр./ Отв. ред. Дьячков АН. М., 1990.
46. Егоров В.Л. Развитие и становление понятия «памятник истории» // История СССР. 1988. № 1.
47. Ефимов А. В.К истории капитализма в США. М., 1934.
48. Житецкий И.А. Астраханские калмыки (наблюдения и заметки). Астрахань.: Типография «Астраханского листка», 1892.
49. Журналы Астраханской Городской Думы (1894г.) Астрахань: Паровая Новая Русская Типография, 1905.

50. Закиев М.З. Происхождение тюрков и татар. М.:Инсан, 2002.
51. Закон РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». – М., 1978.
52. Замятина Н. Ю. Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. М., 1998, №5.
53. Золотаревская И.А. Индейцы – коренное население США // Национальные процессы в США, – М.: Наука, 1973, с. 129-136.
54. Зотова Н.А. Узбекская и таджикская общины в Астраханской области/Перекрестки истории: материалы Всероссийской научной конференции к 450-летию г. Астрахани. Астрахань, 2008. С.148-159.
55. Исторические путешествия: извлечение из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV - XVIII вв. / сост. В.Алексеев. Сталинград: Краев. кн. изд-во, 1936.
56. История Астраханского края – Астрахань: АГПУ, 2000
57. История США. В 4–х т. под ред. Н.Н. Болховитинова. М.: Наука, 1985.
58. Каганский В. Л. Ландшафт и культура // Общественные науки и современность, 1997. № 1
59. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001
60. Казакова Г.М. Регион как субкультурный локус: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора культурологии. М., 2009
61. Казанцев И. М. Описание киргиз-кайсак. Санкт-Петербург, 1867. VIII.
62. Калущков В.Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения. М., 2000.
63. Кирокосьян М. Топонимический словарь Астраханской области.-Астрахань, 2001.
64. Козлова Н.В. Некоторые черты личностного образа купца XVIII века //Менталитет и культура предпринимателей России XVII –XIX вв. Сборник статей. М., 1998.с.46-57.

65. Комплексные региональные программы сохранения и использования культурного и природного наследия. – М., 1994.
66. Конвенции и рекомендации ЮНЕСКО по вопросам охраны культурного наследия. – М., 1990.
67. Короленко П. К вопросу об образовании Астраханского казачьего войска. Екатеринодар, 1902.
68. Костецкий В. Притяжение ландшафта //Топос. Литературно-философский журнал. № 10, 2006
69. Костецкий В. Притяжение ландшафта //Топос. Литературно-философский журнал. № 10, 2006
70. Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов Великорусского народа в XVI и XVII столетиях. Санкт-Петербург, 1860.
71. Кравченко А.И. Культурология: Словарь. М.: Академический проект, 2000.
72. Кугрышева Э В. История армян в Астрахани. Астрахань.: Волга, 2007.
73. Кулемзин А.М. История охраны памятников в РСФСР. Красноярск, 1992.
74. Лактионов С. Естественно-исторический очерк Астраханской губернии//Наш край. 1924. №3.
75. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении //Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. - Таллинн, 1992.
76. Лысенко А.В. Культурные ландшафты Северного Кавказа: структура, особенности формирования и тенденции развития. Автореф. на соискание степени д. географ.наук. Ставрополь, 2009.
77. Лыткин А. История калмыцких ханов /Астраханские губернские ведомости, 1860. №19.
78. Марков А.С. Астрахань в старых открытках, 2007
79. Марков А.С. Сто лет назад...Астраханская губерния на меже веков. Астрахань,2006.
80. Марков С. «Астрахань в старых открытках». Астрахань, 2007.
81. Мартынов А.И. Археология. М., 2000.
82. Матюшин Г.Н. Археологический словарь. М., 1996
83. Методика полевых археологических исследований. Сборник.

Л.: «Наука», 1989

84. Миссионерский сборник статей и заметок о калмыках и киргизах, кочующих в Астраханской губернии. Астрахань, 1910.

85. Наблюдения и впечатления поездки по миссионерским пунктам Калмыцкой степи-Астрахань, 1898.

86. Наварро О. История и память в современном музее: несколько замечаний с точки зрения критической музеологии // Вопросы музеологии. 2010. № 2

87. Наказ Астраханским воеводам (1677 г.). Астрахань, 1947.

88. Национальные процессы в США. Под ред. С. А. Гонионского. М.: Наука, 1973.

89. Небольсин П. Очерки Волжского Низовья. СПб.: Тип.м-ва внутренних дел, 1852.

90. Немирович-Данченко В.И. У голубого моря: люди и природа в низовьях Волги. С.-Петербург: Изд. П.П. Сойкина, 1902

91. Никитин В.П. Астрахань и ее окрестности. М.: Искусство, 1982

92. Николаев, В. А. Культурный ландшафт – геоэкологическая система // Вестник МГУ. Сер. 5. География, 2000. № 6.

93. Николаев, В. А. Культурный ландшафт – геоэкологическая система // Вестник МГУ. Сер. 5. География, 2000. № 6

94. Нора Пьер. Проблематика мест памяти/Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999.

95. Обзор Астраханской губернии за 1884. Астрахань.:Типография губернского правления, 1885.

96. Обзор Астраханской губернии за 1887 г.. Астрахань, 1888.

97. Обзор Астраханской губернии за 1891 год. Астрахань:Типография губернского правления, 1892.

98. Олеарий А. Описание путешествия в Московию. М.:Русич, 2003.

99. Отчет Астраханского армянского общества, 1881. Астрахань, 1882.

100. Отчет Астраханского военного губернатора за 1849 год.

ГААО, ф.2, оп.1, д.1533.

101. Отчет Астраханской Градской полиции. ГААО, ф.2, оп.1, д.325.

102. Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края. Астрахань, 1889.

103. Охрана наследия за рубежом: опыт прошлого и современные проблемы. – М., 1995.

104. Охрана памятников истории и культуры в России. XVIII-XX в. М., 1978.

105. Охрана памятников истории и культуры: Сборник документов. М., 1973

106. Очерки Астраханского края. Золотоордынская Астрахань. Астрахань, 1925.

107. Очерки новой и новейшей истории США. под ред. Севостьянова Г.Н. М., 1960, т. 1.

108. Очерки рыболовства по реке Волге и берегам Каспийского моря. Астрахань, 1856.

109. Павлов А. М. О татарах, водворившихся в Астрахань: сочинение путешествовавшего по России с 1824 по 1835 год. СПб.: В тип. Х. Гинце, 1845.

110. Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков XVII и XVIII веков. Ч. 1. Изд. Калмыцкого областного исполнительного комитета. Астрахань, 1926. VI.

111. Памятники в контексте историко-культурной среды. М., 1990.

112. Подорога В.А. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX вв. М., 1993

113. Подорога В.А. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX –XX вв. М., 1993

114. Позднеев А.М. Калмыки. Энциклопедический словарь Брокгауза Ефрона.- т. XIV. СПб, 1895.

115. Полякова М.А. Охрана культурного наследия России. М., 2005.

116. Потоцкий Я. Путешествие Яна Потоцкого в Астрахань и окрестные страны в 1797 году // Исторические путешествия. Извле-

чения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV-XVIII вв. Сталинград, 1936

117. Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах. М., 2005.

118. Приложение 2 к Постановлению Главы Администрации Астраханской области от 27 декабря 1993 г. № 230.

119. Природа и история Астраханского края. Астрахань: изд-во АГПИ, 1996 г.

120. Природа, прошлое и современность Астраханского края/ред. коллегия: Жилкин А. А., Лунев А. П., Пятин В. А. и др. Астрахань, 2008

121. Протоиерей Иоанн Саввинский. Грузины в Астраханской епархии. Астрахань, 1898.

122. Равикович Д.А. Охрана памятников истории и культуры В РСФСР (1917-1967) // Тр. НИИ музееведения и охраны памятников истории и культуры. М., 1970. – Вып. 22. – С. 3-52.

123. Разгон А.М. Охрана исторических памятников в России (XVIII – первая половина XIX в.) // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1971. С. 292-365.

124. Резун Д. Я. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2005, с. 3.

125. Резун Д. Я. Шиловский М. В. Сибирь конец XVI начало XX века фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. – Новосибирск, 2005;

126. Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М. В. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв: общее и особенное. Новосибирск, 2001

127. Реймерс, Н. Ф. Природопользование: словарь-справочник. М., 1990

128. Рекомендации об охране в национальном плане культурного и природного наследия. ЮНЕСКО 16 ноября 1972 г.

129. Романова А.П. Динамика этнокультурных процессов в Астраханской области и ее влияние на интеллектуальный потенциал/Материалы Международной научной конференции «Системные

исследования современного состояния и пути развития Юга России (Природа. Общество. Человек). Азов, 2006. С. 87-96.

130. Романова А.П. Толерантное отношение к «Другому» в молодежной среде полиэтничного региона // Каспийский регион: политика, экономика, культура, 2010. №4(25).

131. Романова А.П., Якушенков С.Н. Модульный подход в вопросе сохранения культурного наследия в рамках концепции культурного ландшафта // Каспийский регион: политика, экономика, культура. №3. 2011.

132. Российская культура в законодательных и нормативных актах. Музейное дело и охрана памятников. 1991-1996. М., 1998.

133. Русско-индийские отношения в XVII в. М., 1958. №225.

134. Рыбников П.Н. Песни: народные былины, старины, побывальщины и песни. Петрозаводск, 1863

135. Рыбушкин Записки об Астрахани, М. 1841.

136. Рыбушкин М. С. Записки об Астрахани. М.: Тип. С.Селивановскаго, 1841.

137. Саввинский И. И. Армяне в Астраханской епархии и отношение к ним местных архипастырей в 18 веке. Астрахань: Типография В.Л. Егорова, против Окружного Суда, 1900.

138. Саввинский И. И. Грузины в Астраханской епархии и отношение к ним местных архипастырей в 18 веке. Астрахань: Тип. Н.Л. Рослякова, 1897.

139. Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006

140. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Саратов, 1990

141. Соколов А.П. Астрахань в её прошлом и настоящем: ст. III и последняя / А. П. Соколов, // Журнал Министерства Внутренних Дел. 1845. Ч. XII. кн. 10-11. С.363-397.

142. Сорокина И.А. Полевые археологические исследования в России в 1946-2006 гг. (по архивным материалам и публикациям). Тула: «Гриф и К», 2008

143. Суслов В.В. Заметки о калмыцких и русских постройках/очерки по истории русского зодчества. СПб, 1889

144. Тимофеева Е.Г., Васильев Д.В., Лебедев С.В., Сызранов А.В., Карнаухова Г.А. Крепость. Путешествие в Каспийскую столицу. Астрахань: Типография «Нова», 2010.
145. Туровский Р. Ф. Культурные ландшафты России. М., 1998.
146. Тютюнник Ю. Г. О происхождении и первоначальном значении слова «ландшафт» // Изв. РАН.Сер.геогр.2004.№ 4. С. 116—122.
147. Тютюнник Ю. Г. О происхождении и первоначальном значении слова «ландшафт» // Изв. РАН.Сер.геогр.2004.№ 4.
148. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002
149. Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов: Сб. науч. тр. М., 1994
150. Федеральный закон от 25 июня 2002 года N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»
151. Фёдоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994
152. Фёдоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. - М., 1980
153. Формозов А.А. Русское общество и памятники культуры М., 1990.
154. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти/Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007
155. Харазин А. Киргизы Букеевской орды. М, 1889.-вып.1.
156. Хлебников П.Х. Астрахань в старые годы (вторая половина 16 века).СПб.1907.158 с.
157. Хлыщева Е.В. Культурные модели развития общества в глобализирующемся мире. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2009.
158. Хождение купца Котова в Персию. Москва, 1958.
159. Хоруженко К. М. Культурология: Энцикл. слов. Ростов н/Д, 1997.
160. Хромых А. С. Особенности внешнего фронта на юге Цен-

тральной Сибири // Мартьяновские краеведческие чтения. Вып. V. 300 лет в составе России: сборник материалов международной научно–практической конференции, посвящённой 300–летию вхождения территории Юга Сибири в состав России. Минусинск, 12–14 декабря 2007 г. Красноярск: ИПК КГПУ, 2008, с. 275–281.

161. Хромых А.С. К вопросу о применении понятий «колонизация» и «фронт» в изучении истории Сибири // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сборник материалов III региональной молодежной научной конференции. – Новосибирск, 2009, с. 108–114.

162. Хромых А.С. Русская колонизация Сибири последней трети XVI – первой четверти XVII века в свете теории фронта: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Томск, 2008

163. Хромых, А. С. Сибирский фронт в конце XVI – первой четверти XVII веков // Вторые исторические чтения Томского государственного педагогического университета: материалы международной конференции. Томск: Издательство Томского государственного педагогического Университета, 2008, Ч. 1, с. 253–261

164. Чернавская В.Н. "Восточный фронт" России XVII–начала XVIII века: историко–историографические очерки. Владивосток: Дальнаука, 2003

165. Шиловский М. В. Фронт и переселения (сибирский опыт) // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII – XX вв.: общее и особенное. Вып.3. – Новосибирск, 2003.

166. Шкуратов В. А. Историческая психология. М.:1997

167. Шнайдштейн Е.В. Археологические памятники Астраханской области. // «Диалог», 1990, № 13

168. Шперк Ф.Ф. Индусы в Астрахани//Астраханский листок.1898. № 42.С. 3-89.

169. Штылько А. Астраханская летопись: исторические известия, события, постановления правительственных и др. учреждений и факты из общественной жизни г. Астрахани с 1554 г. по 1896 г. включительно. Астрахань: Тип. Н.Л. Рослякова, 1897.

170. Штылько А. Иллюстрированная Астрахань. Очерки прошлого и настоящего города, его достопримечательности и окрестности. Саратов. 1896 г
171. Штылько, А. Астраханская летопись: исторические известия, события, постановления правительственных и др. учреждений и факты из общественной жизни г. Астрахани с 1554 г. по 1896 г. включительно. - Астрахань: Тип. Н.Л. Рослякова, 1897.-126 с.
172. Энциклопедия постмодернизма. М., 2001
173. Янин В.Л. Археология. М.: Изд-во МГУ, 2006.
174. Barbara T. Hoffman, Art and cultural heritage: law, policy, and practice. Cambridge University Press, New York, 2006;
175. Bhabha H. DissemiNation: time, narrative, and the margins of the modern nation // Nation and Naration. Ed. Homi Bhabha. N.Y., Routledge, 1990.
176. Bhabha H. The Location of Culture. N.Y., Routledge, 1994.
177. Billington R. A. Frederick Jackson Turner: Historian, Scholar, Teacher. N.Y., Oxford University Press, 1973.
178. Billington R.A. Westward expansion. A history of the American Frontier. N.Y.,The Macmillan Company, 1960.
179. Black J. Boundaries and Conflict: International relations in ancient régime Europe // Eurasia: World Boundaries. Ed. by C. Grundy–Warr. London, 1994, – p. 19–54.
180. Byrne E. Homi K. Bhabha. N.Y.,Palgrave McMillan, 2009
181. Castillo S. Colonial encounters in New World writing, 1500–1786: performing America. N.Y., Routledge, 2006
182. Eagleton T., Jameson F., Said E. Nationalism, Colonialism, Literature. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1990.
183. Howard P. Heritage : management, interpretation, identity. Continuum : London, 2003
184. Huddart D. Homi K. Bhabha. N.Y., Routledge, 2009.
185. Ingold, T. The temporality of the landscape. //World Archaeology 1993. 25, 152–74.
186. Josipovici G. Writing and the Body. Princeton: Princeton University Press, 1984.

187. Khodarkovsky M. *Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire*. Bloomington: Indiana University Press, 2004.
188. Kroeber A.L. *Cultural and natural areas of native North America*. University of California Press, 1965
189. Kroeber A.L. *Types of Indian Culture of California*. University of California publications. *American archeology and ethnology* June 1904 vol.2 3.
190. *Landscape, Memory & History. Anthropological Perspectives*. Ed.: P.Stewart, A.Strathern L., 2003
191. Lightfoot K. *Indians, Missionaries, and Merchants: The Legacy of Colonial Encounters on the California Frontiers*. Berkeley: University of California Press, 2004;
192. *Literature and Society*. Ed. Said E. L. Johns Hopkins University Press, 1980
193. Manleo Frio. "Cultural property and cultural heritage: a battle of concepts in international Law" *International Review of the Red Cross*, June 2004.
194. Marilena V. A definition of cultural heritage: From the tangible to the intangible // *Journal of Cultural Heritage* 11 (2010) 321–324.
195. Merryman J.H. "Two Ways of thinking about Cultural Properties", *American Journal of International Law*, Vol. 80, No. 4, October 1986.
196. Prescott V., Triggs G. D. *International Frontiers and Boundaries: Law, Politics and Geography*. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2008
197. Prott L. V. *Problems of Private International Law for the Protection of the Cultural Heritage*, *Recueil des Cours / Hague : Academic de Droit*. 1989. Vol. 5.
198. Ray S. *Gayatri Chakravorty Spivak: in other words*. Oxford: Blackwell, 2009.
199. Ricoeur P. *Time and Narrative*. Chicago: The University of Chicago Press, 1984–1990, 3 Vols.
200. Riley G. *Taking Land, Breaking Land: Women colonizing the American West and Kenya*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 2003.
201. Riley G. *Women and Indians on the frontier, 1825-1915*. Albu-

- querque: University of New Mexico Press, 1984
202. Schlissel L., Gibbens B., Hampsten E. *Far from Home: Families of the Westward Journey*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2002
203. Sirotinski M. *Deconstruction and Postcolonial: At the Limits of Theory*. Liverpool: University Press, 2007.
204. Sleeper-Smith S. *Indian women and French men: rethinking cultural encounter in the Western Great Lakes*. – Boston: University of Massachusetts Press, 2001
205. Slotkin R. *Gunfighter nation: the myth of the frontier in twentieth-century America*. N.Y.: Atheneum, 1992,
206. Slotkin R. *Regeneration through violence: the Mythology of the American Frontier: 1600-1860*. Middletown: Wesleyan University Press, 1973
207. Slotkin R. *The Fatal Environment: the myth of the Frontier in the Age of Industrialization, 1800-1890*. N.Y.: Harper Perennial, 1985
208. Smith H.N. Can “American Studies” Develop a Method? // *American Quarterly*, 1957. Vol. 9, No. 2, Part 2. P. 197-208.
209. Smith H.N. *Virgin Land: The American West as Symbol and Myth*. N.Y.: Vintage Books, (1950) 1957.
210. Sumner B.H. *Survey of Russian History*. N.Y., Harcourt Brace, 1947.
211. Tate M. *Indians and emigrants: encounters on the overland trails*. – Norman: University of Oklahoma Press, 2006;
212. Treadgold D. W. Russian Expansion in the Light of Turner’s Study of American Frontier // *Agricultural History*, 1952, Vol 26, № 4, p. 147-152.
213. Turner F. J. *The Significance of the Frontier in American History*. Readex Microprint, 1893.
214. Turner F.J. Dominant forces in West life // *The Atlantic monthly*, 1897, №79 (474). – *University of Northern Iowa*, Pp. 433–443.
215. Vibert E. *Trader’s Tales: Narratives of Cultural Encounters in the Columbia Plateau, 1807–1846*. Norman: University of Oklahoma Press, 1997
216. White R. *A New History of the American West*, Norman, 1991

217. Wissler C. The American Indians. N.Y. Oxford University Press. 1922 Second edition.

218. Young R. White Mythologies: Writing History and the West. N.Y., Taylor & Francis, 1990.

Архивные источники:

Ф1-Канцелярия Астраханского гражданского губернатора

1. Челобитные частных лиц по разным вопросам.-Гос. Архив Астраханской области (далее:ГААО), ф.1,оп.6, т.2, д.2150, л. 37.

2. Годовой отчет о состоянии Астраханской губернии за 1861 год.-Ф.1, оп.9, д.531

3. Указы императрицы Екатерины II (1775).-ГААО.-ф.1, оп.1, д.948,

Ф 2- Канцелярия Астраханского военного губернатора

4. ГААО, ф.2,оп.1, д.1356, л. 43.

5. ГААО, ф.2,оп.1, д.290, л.231.

6. Годовой отчет о состоянии Астраханской губернии за 1839 год.-ГААО,Ф.2,оп.1, д.320.

7. Дело о нанесении побоев татарами калмыку Чулчуму и о краже у него лошадей. ГААО, ф.2, оп.1, л.1638.

8. Дело о переходе с места на место цыган ГААО, ф.2, оп.1, л.1452.

9. Дело о споре за земли между киргизами и кундровскими татарами ГААО, ф.2, оп.1, л.33 .

10. Дело о том, что воевода не разрешил казакам напасть на калмыцкие улусы за то, что те побили юртовских татар, московских стрельцов и астраханских жителей». ГААО, ф.2, оп.1, л.13 .

11. Отчет Астраханского военного губернатора за 1849 год. ГААО, ф.2, оп.1, д.1533.

12. Отчет Астраханской Градской полиции. ГААО, ф.2, оп.1, д.325.

13. Переписка с астраханской комиссией калмыцких дел о выселении ногойцев с калмыцких земель ГААО, ф.2, оп.61, л. 248.

14. Переписка с кавказским начальником МВД о жизни кочую-

щих и оседлых калмыков, киргизов, туркменских семей в Астраханской губернии ГАО.- ф.2, оп.290, л. 2165.

15. Переписка о благополучии в Астраханской губернии.- ГАО.-ф.2, оп.1, д.1439.

Ф394 – Астраханская губернская канцелярия

16. Дело об ограблении калмыками каравана с товаром купеческих юртовских татар». ГАО, ф.394, оп.2, л.1733.

17. ГАО, ф.394, оп.1, том 2, л.4492.

18. Указ камер-коллегии о разрешении шведским пленным жить в городах. ГАО, ф.394, оп.4, л.43.

Ф 433 – Астраханский городской магистрат

19. Ведомости о числе иностранных подданных, проживающих в г.Астрахани. ГАО.-ф.433, оп.1, д.673.

Ф. 488 – Астраханская татарская управа

20. ГАО, ф.488, оп.1, л. 1345.

Ф 495 – Временный Совет Внутренней Киргизской Орды

Ф-542 – Астраханское купеческое общество (1776-1917 гг.)

21. ГАО, ф.542, оп.1, д.35.

22. Дело о прибывших из-за границы людей разных национальностей. ГАО, ф.542, оп.1, д.135.

Ф 582 – Астраханский губернский комитет попечительства о народной трезвости

23. Годовой отчет Астраханского губернского комитета попечительства о народной трезвости.- ГАО, ф.582, оп.9, д.18.

Ф 687-Астраханская казенная палата

24. Дело о взаимоотношении с персидскими купцами.- ГАО, ф.687, оп.1, д.10.

25. Ревизские сказки татар Агрыжанского двора. ГАО.-ф.687, оп.2, д.1343.

26. Указ о переселенцах из других мест. ГАО, ф.999, оп.1, д.47

Электронные ресурсы:

1. Александрова М.А. Актуальные правовые аспекты археологической деятельности [Электронный ресурс] // Закон: электрон.журн. - 2006, июль. № 7. <http://amatororg.ru/Online/Alexandrova/alexandrova.htm>
2. Винокуров Н.И. Бизнес мародеров и задачи охраны памятников археологии [Электронный ресурс] // Археологические новости: [сайт].
3. Еременко В.Е., Рутковский В.А. [сост.] Борьба с незаконным оборотом археологических артефактов на территории Российской Федерации [Электронный ресурс].
4. Зеленцова О.В. Сохранение археологического наследия и проблема грабительских раскопок. Аналитическая записка. [Электронный ресурс]: доклад. - Институт археологии РАН, г. Москва, Россия. 2010. <http://www.archaeolog.ru/?id=245>
5. Карпова Л.В., Потапова Н.А., Сухман Т.П. Охрана культурного наследия России XVII-XX вв. [Электронный ресурс]: Хрестоматия. - Т. 1. - М., 2000 // Сайт Московского городского отделения ВООПИК. <http://russist.ru/biblio/chrestom/index.htm>
6. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (Париж, 16 ноября 1972 г.) [Электронный ресурс]. <http://www.kumbez.kz/icomos/Docs001.htm>
7. Мазеин Д.В. Совершенствование системы правовой охраны археологических памятников [Электронный ресурс] // Сайт «AltLadoga», 2005. <http://www.altladoga.narod.ru/newsarh/2005/maz/mazein01.htm>
8. Макаров Н.А. Грабительские раскопки как фактор уничтожения археологического наследия России [Электронный ресурс] // Статья, 2004. <http://amatororg.ru/Online/Makarov/Makarov.htm>
9. Макаров Н.А. Грабительские раскопки: продолжение разговора [Электронный ресурс] // Сайт Института археологии РАН. <http://www.archaeolog.ru/index.php?id=130>
10. Методика экономической оценки объектов культурного

наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Сайт Министерства культуры РФ mkrf.ru/fileadmin/template/datadocs/inf_178.doc

11. Незаконные раскопки и археологическое наследие России: Материалы круглого стола, проведенного редакцией и редколлегией журнала «Российская археология» [Электронный ресурс] // Российская археология. - 2002. - № 4. - С. 70-89. http://amatororg.ru/Online/IA_RAN/roundtable.htm

12. Положение о порядке выдачи разрешений (открытых листов) на право проведения работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия от 03.02.2009 [Электронный ресурс]: Официальный сайт Министерства культуры. <http://rosohrancult.ru/documents/detail.php?ID=73502>

13. Сохранение археологического наследия России: Материалы круглого стола Совета Федераций [Электронный ресурс] // Сайт Фонда содействия охране памятников археологии «Археологическое наследие», 2004. <http://www.archaeology-russia.org/infdoc/krstol190304.shtml>

14. Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Гарант: Информационно-правовой портал. <http://base.garant.ru/12127232>

15. Хартия ICOMOS по охране и менеджменту археологического наследия (1990) [Электронный ресурс]. <http://www.kumbez.kz/icomos/Docs003.htm>

Романова А.П., Якушенков С.Н., Хлыщева Е.В.,
Васильев Д.В., Якушенкова Ок.С., Якушенкова Ол.С.
Кусмидинова М.Х., Топчиев М.С.

**Нижневожский фронтир:
культурная память и
культурное наследие
(Учебное пособие)**

Редакция авторская

Издатель: Сорокин Роман Васильевич
414040, Астрахань, пл. К. Маркса, 33, 5-й этаж

Подписано в печать 14.11.2014 г. Формат 60×90/16
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 14,75
Тираж 100 экз.

Отпечатано в Астраханской цифровой типографии
(ИП Сорокин Роман Васильевич)
414040, Астрахань, пл. К. Маркса, 33, 5-й этаж
Тел./факс (8512) 54-00-11
e-mail: RomanSorokin@list.ru